

ISSN 2412-8562 (print)

ISSN 2658-7777 (online)

ДИСКУРС

■ ■ ■ *DISCOURSE*

3/2025

ФИЛОСОФИЯ

СОЦИОЛОГИЯ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Санкт-Петербург

2025

ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС

Том 11. № 3/2025

DISCOURSE

Volume 11. No. 3/2025

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2025

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.

Подписной индекс по каталогу «Почта России» П4332.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издается с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197022, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Ответственный секретарь

М. Ю. Лютиков, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Г. А. Баева, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Е. В. Боднарчук, д-р филос. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при Межпарламентской ассамблее ЕвразЭС, СПб., Россия

В. И. Игнатьев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

Н. В. Казаринова, канд. филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

И. В. Кононова, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный экономический ун-т, СПб., Россия

Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

Р. В. Светлов, д-р филос. наук, проф., Балтийский федеральный ун-т им. И. Канта, Калининград, Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Стожожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строгеева, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филос. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филос. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; история философии; эстетика; этика; логика; философия науки и техники; социальная и политическая философия; философская антропология, философия культуры; философия религии и религиоведение).
- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
- Теоретическое и прикладное языкознание (языки народов зарубежных стран; теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).

Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
- усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No FS77-62347 of 14.07.2015).
Subscription index in "The Post of Russia" catalogue П4332.

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University
Founded in 2015. Issued 6 times a year.

Accepted Languages: Russian, English.

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef.

Editorial address: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Prof. Popov Str., St Petersburg 197022, Russia.

Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Executive Secretary

Mikhail Yu. Lyutikov, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Nadezhda V. Kazarinova, Can. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Inna V. Kononova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetsckaya, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Roman V. Svetlov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, history of philosophy; aesthetics; ethics, logic, philosophy of science and technology, social and political philosophy; philosophical anthropology; philosophy of culture; philosophy of religion and religious studies);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (languages of the peoples of foreign countries; theoretical, applied and comparative linguistics).

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

© Design. ETU, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Тузов В. В., Куртов С. Ю. Социализм – как много в этом слове...!?	5
Щеглов А. К. Стигматизированный труд в зеркале коллективной тени: от отвержения к интеграции	20
Персидская О. А., Изгарская А. А. Этничность имеет значение: апология познавательных возможностей конструктивизма	29
Демидов Г. К., Черных С. И. Власть как совокупность уникальных переживаний: частные проблемы философско-правовой теории.....	41

СОЦИОЛОГИЯ

Дианов Р. К. Влияние постиндустриализации на социально-профессиональную структуру современного общества: теоретический обзор.....	54
Калашникова И. В., Несмеянов Д. В. Вопросы человекоцентричности культуры управления организацией.....	67
Куропова А. С., Куратов С. В., Державина А. Д., Шатило Н. В. Этические аспекты влияния нейросетей на жизнь студенческой молодежи в контексте социологического подхода (на примере студентов ИТ-направления СПбГЭТУ «ЛЭТИ»)	79

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Яковлева М. С. Сравнительный анализ семантики предикатов летописного и медицинского средневекового текста	91
Зубарева Е. О., Шустова С. В., Гавшина А. Г. Интерпретация концепта FEAR в политическом миграционном дискурсе	101
Теплыгина И. М. Структурно-содержательные характеристики вступительного собеседования как жанра англоязычного академического дискурса	117
Тимралиева Ю. Г., Ломоносова А. Л. Проблемы использования гендерно-нейтрального языка в Германии	131
Кононова И. В., Мацугина Е. Ю. Критерии выделения базовых японизмов-артонимов в английском языке: корпусный подход.....	141
Кочетова Л. А., Орлянская М. Н. Социокультурная специфика концептуализации экологической безопасности в британском медийном пространстве	152
Ван Ц., Ерофеева Е. В. Образы российских столиц в сознании россиян: Москва vs Петербург	167

Правила представления рукописей авторами	185

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Tuzov V. V., Kurtov S. Yu. Socialism – how much is in that Word...!?	5
Shcheglov A. K. Stigmatized Labor in the Mirror of Collective Shadow: from Rejection to Integration	20
Persidskaya O. A., Izgarskaya A. A. Ethnicity Matters: An Apology for the Cognitive Potentials of Constructivism	29
Demidov G. K., Chernykh S. I. Power as a Set of Unique Experiences: Particular Problems of Philosophical Legal Theory	41

SOCIOLOGY

Dianov R. K. A Theoretical Review of How Post-Industrialization Shapes the Social-Professional Structure of Modern Society	54
Kalashnikova I. V., Nesmeyanov D. V. Issues of Human-Centricity of the Organization's Management Culture	67
Kurapova A. S., Kuratov S. V., Derzhavina A. D., Shatilo N. V. Ethical Aspects of the Influence of Neural Networks on the Lives of Students in the Context of a Sociological Approach (using the Example of Students of the IT Department of ETU)	79

LINGUISTICS

Yakovleva M. S. Predicate Semantics in Old English Chronicle and Medical Texts: a Comparative Analysis	91
Zubareva E. O., Shustova S. V., Gavshina A. G. Interpretation of the Concept FEAR in Political Migration Discourse	101
Teplygina I. M. Structural and Content Characteristics of the Admissions Interview as a Genre of English-Language Academic Discourse	117
Timralieva Ju. G., Lomonosova A. L. Presentation of Space in E.A. Poe's Horror Stories	131
Kononova I.V., Matsugina E. Yu. Criteria for Identifying the Basic Japanese Artonyms in the English Language: a Corpus-Based Approach	141
Kochetova L. A. and Orlyanskaya M. N. Sociocultural Specificity of Conceptualization of Environmental Safety in the British Media Space	152
Wang Ju., Erofeeva E. V. Images of Russian Capitals in the Consciousness of Russians: Moscow vs Petersburg	167

Оригинальная статья
УДК 101.8; 316.43; 330.85; 316.6; 159.929
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-3-5-19>

Социализм – как много в этом слове...!?

Виктор Васильевич Тузов^{1✉}, Сергей Юрьевич Куртов²

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹✉tuzov_1950@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3943-1065>

²KurtovSY@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9992-1412>

Введение. В текущих условиях кризиса капитализма и либеральных ценностей актуальность проблемы выбора пути развития социума неуклонно возрастает. Цель работы состоит в анализе идей марксизма и выявлении возможностей их применения для построения новой модели развития современного общества.

Методология и источники. В основе исследования – концепция социализма, разработанная К. Марксом и Ф. Энгельсом и получившая развитие в трудах В. И. Ленина и Г. В. Плеханова. Анализ взглядов классиков марксизма на социализм и коммунизм проводится посредством общеполитической диалектической методологии, дополненной синергетическим подходом с применением идей психологии и этологии.

Результаты и обсуждение. Продемонстрирована внутренняя противоречивость и теоретичность абстрактных идей коммунизма и социализма К. Маркса и Ф. Энгельса. Выделены основания исторического процесса перехода от капитализма к коммунизму через социализм. Рассмотрены пути решения проблем капитализма и возвращения человека и общества к социальной сущности. В числе мероприятий, необходимых для перехода к социализму, основатели марксизма выделяют человеческую эмансипацию, развитие производительных сил, уничтожение конкуренции, отмену частной собственности в долгосрочной перспективе. Построение коммунизма, согласно К. Марксу и Ф. Энгельсу, требует постепенного преобразования общественных отношений, и, следовательно, самого человека с помощью повышения уровня благосостояния, введения всеобщего образования и трудоустройства малоимущих. С позиции диалектики и синергетики переход к социализму описан как «синтез» отношений равенства в первобытном обществе («тезис») и отношений неравенства при капитализме («антитезис»). В этом синтезе на смену биотическим отношениям на основе природного инстинкта доминирования приходят подлинно социальные отношения, организованные на основе разума и культуры.

Заключение. Переход от капитализма к социализму требует создания материальных предпосылок и высокого уровня культурного развития человека для возникновения новых общественных отношений, основанных на принципах сотрудничества, соответствующих сущности социального.

Ключевые слова: социализм, коммунизм, диалектический материализм, синергетика, психология, этология

Для цитирования: Тузов В. В., Куртов С. Ю. Социализм – как много в этом слове...!? // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 3. С. 5–19. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-5-19.

© Тузов В. В., Куртов С. Ю., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Socialism – how much is in that Word...!?

Viktor V. Tuzov¹✉, Sergei Yu. Kurtov²

^{1, 2}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

¹✉tuzov_1950@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-3943-1065>

²KurtovSY@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9992-1412>

Introduction. In the current conditions of the crisis of capitalism and liberal values, it is steadily increasing the relevance of the problem of choosing the way of development of society is steadily increasing. The aim of the paper is to analyze the ideas of Marxism and to identify the possibilities of their application for building a new model of development of modern society.

Methodology and sources. The research is based on the concept of socialism developed by K. Marx and F. Engels and developed in the works of V. I. Lenin and G. V. Plekhanov. The analysis of Marxist classics' views on socialism and communism is carried out by means of general philosophical dialectical methodology, supplemented by a synergetic approach with the application of ideas of psychology and ethology.

Results and discussion. The authors demonstrated the internal contradictions and theoretical nature of the abstract ideas of communism and socialism of Marx and Engels. There were the highlighted bases of the historical process of transition from capitalism to communism through socialism. Also there were considered the ways of solving the problems of capitalism and the return of human and society to the social essence. Among the measures necessary for the transition to socialism, the founders of Marxism highlight human emancipation, the development of productive forces, the destruction of competition, the abolition of private property in the long term. According to K. Marx and F. Engels, building of communism requires a gradual transformation of social relations and, consequently, of a person oneself by means of increasing the level of welfare, introducing universal education and employment of the poor. From the position of dialectics and synergetics, the transition to socialism is described as a 'synthesis' of relations of equality in primitive society ('thesis') and relations of inequality under capitalism ('antithesis'). In this synthesis, biotic relations based on the natural instinct of dominance are replaced by genuinely social relations organized on the basis of reason and culture.

Conclusion. The transition from capitalism to socialism requires creation of material prerequisites and a high level of human cultural development for the emergence of new social relations based on the principles of co-operation, corresponding to the essence of the social.

Keywords: socialism, communism, dialectical materialism, synergetics, psychology, ethology

For citation: Tuzov, V.V. and Kurtov, S.Yu. (2025), "Socialism – how much is in that Word...!?", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 3, pp. 5–19. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-5-19 (Russia).

«Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»

[1, см. 7]

Введение. Слово «социализм» в настоящее время в России не пользуется популярностью. Возникает ощущение, что одни граждане как бы стесняются произносить его в публичном пространстве, другие просто терпеть его не могут, третьи печалются о том, что было с ним связано, но молчат, учитывая общий настрой, который формируется масс-медиа.

На фоне разрушающегося мира либеральных ценностей, капитализма как экономической модели неизбежно возникает вопрос о том, что должно прийти на смену старому миропорядку? Учитывая современный уровень развития социальной философии и теоретической социологии, особенно в странах, где явствует засилье постмодернистских идей, ответа на этот вопрос нет. С отменой марксизма как модели развития общества в его истории социальная наука оказалась неспособна создать нечто подобное. Ничего нового, заслуживающего научного внимания, где существуют законы, определяющие процесс развития и функционирования социальной системы, не создано. Поскольку марксизм не был дискредитирован, опровергнут философской критикой или практикой, а был просто отвергнут по идеологическим соображениям, остается возможность его анализа на предмет поиска позитивных моментов, которые могут помочь найти ответы на сегодняшние вопросы о путях развития социума.

Попробуем разобраться непредвзято с тем, какой смысл вкладывали в слово «социализм» и неразрывно связанный с ним «коммунизм» К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, и возможен ли такой социальный строй, и если возможен, то каким должен быть социализм как с позиций его теоретиков Маркса и Энгельса, так и современной методологии.

С точки зрения Маркса и Энгельса, социализм – это первая фаза коммунизма, переход от одного типа отношений к другому. Такой переход связан с развитием производительных сил: новые производительные силы требуют новых отношений. Поэтому пока капитализм дает возможность развиваться производительным силам, он будет существовать. Другими словами, процесс перехода к новым отношениям не одномоментен, а длителен. Коммунизм предполагает отсутствие частной собственности на средства производства. Частная собственность одних делает богатыми, а других бедными и лишает человека его собственной сущности. Если общество достигнет высокого уровня развития производства и изобилия товаров, то для возврата человека к своей сущности необходимо избавиться от частной собственности. Но для этого пролетариат должен быть не просто неимущим классом, а классом образованным. Поэтому в рамках капитализма необходимо всеобщее бесплатное образование и получение опыта общественного строительства через профсоюзную деятельность. Другими словами, сам капитализм в результате своего развития будет создавать условия для своего «уничтожения», снятия. То, что произошло в России, противоречит марксизму. Однако и сами К. Маркс и Ф. Энгельс грешили против своей теории, торопились построить новое общество, занимаясь революционной деятельностью. Правоту их предположений по поводу развития истории демонстрирует современный капитализм. Он был вынужден ввести всеобщее образование, так как производство требовало образованных работников, ввести социальную защиту граждан от потери работы, переобучение на другие специальности, пособия по безработице и др. Построить социализм в отдельно взятой стране не получилось. Мешали соседи своими санкциями, военной интервенцией, «плохим» примером. Капитализм оказался более энергичным и при создании товаров массового потребления: в СССР – очереди за ширпотребом, а в странах капитала – их изобилие. И самое главное, «элита», как предполагал А. Тойнби, выродилась, забыла, ради чего она существует и стала бороться за свое личное благополучие. И это благополучие в рамках капитализма оказалось более привлекательным. Ну а как быть с социализмом?

Методология и источники. Для выявления возможностей воплощения в действительность теоретических идей социализма необходимо обратиться к современной научной ме-

Социализм – как много в этом слове...!?

тодологии и применить ее для анализа как исторического, так и современного материала о развитии общества. Преимущественно для этого понадобится диалектика, синергетика и как необходимый компонент для понимания движущих сил истории потребуется знание поведенческих программ человека через психологию бессознательного и уточнение этого аспекта через этологию. Этология показывает общность в поведении всех живых существ, в том числе и человека как биотического существа.

Результаты и обсуждение. Попробуем, опираясь на высказывания классиков марксизма, выяснить их точку зрения на то, что такое социализм и коммунизм, и как он должен возникнуть. Маркс и Энгельс писали, что социализм есть первая фаза коммунизма. Поскольку она выходит из капитализма, то несет на себе все его «родимые пятна». Коммунистические черты социализма – это отсутствие частной собственности на средства производства и диктатура пролетариата, воплощение коммунистических идей в массах, а также подготовка масс к новому обществу как теоретическая, так и практическая.

Читая Маркса и Энгельса по поводу того, что представляют собой коммунизм и социализм, можно обнаружить противоположные высказывания. Как философы они пишут одно, как революционеры и политологи – другое, как экономисты – третье. Эту особенность рассуждений Маркса и Энгельса отразили в своей позиции по отношению к революции в России В. И. Ульянов (Ленин) и Г. В. Плеханов. Ленин взял у Маркса то, что отличает капитализм от коммунизма, и в чем главный недостаток капитализма, устранив который, можно строить коммунизм. Таким недостатком, с точки зрения В. И. Ульянова, было наличие частной собственности на средства производства. Захватив власть, можно отменить частную собственность и с помощью диктатуры пролетариата выстраивать новые отношения. Подтверждение такой точке зрения можно найти и у Маркса, и у Энгельса. Плеханов взял на вооружение другие рассуждения Маркса о капитализме и коммунизме. Он предупреждал, что переход к социалистической формации должен быть закономерным результатом всего предшествующего процесса исторического развития производительных сил и производственных отношений, взятых в диалектическом единстве. Плеханов считал невозможным принудительное создание материальных условий общественной жизни, «чуждых самому характеру современных экономических отношений» [2, с. 103–108, 323].

Попробуем обосновать точку зрения о противоречивости и теоретичности взглядов Маркса и Энгельса на коммунизм и социализм.

Первое, на что надо обратить внимание при попытке понять, что такое социализм с точки зрения Маркса и Энгельса, это то, что социализм и коммунизм есть философская гипотеза, вытекающая из изучения ими исторического процесса, его законов и диалектики Гегеля.

Когда Маркс и Энгельс разрабатывали концепцию нового мира, идеи коммунизма и социализма, они видели тенденцию развития истории на основе развития производительных сил. Это были теоретические рассуждения о том, что может произойти при нормальном развитии экономики и общества, что необходимо сделать, чтобы избавиться от недостатков капитализма, какова должна быть основа нового типа общества и новых отношений и что мешает созданию нового общества. Это были политэкономические и философские рассуждения и попытки построения теоретической модели будущего общества, причем не детализированной модели, как у Гегеля при развитии абсолютной идеи, а разработка принципов.

На эту особенность марксизма указывал Ф. Энгельс. В письме Ф. А. Зорге Энгельс писал по поводу социал-демократов, переехавших в Америку, что они рассматривают марксизм «доктринерски и догматически, как нечто такое, что надо выучить наизусть, и тогда уж этого достаточно на все случаи жизни. Для них это догма, а не руководство к действию [3, с. 448]. В письме английскому социалисту Э. Пизу от 27 января 1886 г. Энгельс, напротив, указывал на принципиальную незавершенность идей и предложений, выдвигаемых социалистическим движением [3, с. 363–364].

Маркс начинает рассуждение о новом обществе с решения проблемы эмансипации, возврата человека к человеческой сущности. Рассматривая эмансипацию в контексте исторического развития Германии, Маркс проводит историческую параллель с движением реформации, которое он рассматривает как теоретическую форму революции, зародившуюся «в мозгу монаха». Обращаясь к проблеме эмансипации человека и народа в современной ему Германии, Маркс говорит об эмансипации не как о реальном процессе, но как о теоретической философской задаче, решение которой имеет принципиальное практическое значение для будущего развития страны [4, с. 422].

Рассуждая о социализме в «Критике Готской программы», Маркс признавал, что первая стадия коммунизма не развивается автономно, а возникает как закономерный результат разрешения внутренних противоречий капиталистической системы и неизбежно содержит в себе социально-экономические черты прежнего общественного устройства, пусть и в снятом виде [5, с. 13]. Поэтому переход к коммунистическому обществу – длительный процесс, связанный с преодолением наследия прошлого.

Маркс, занимаясь закономерностями исторического процесса, анализировал его как философ предельно абстрактно, часто отвлекаясь от реальности. Поэтому, понимая его мысли и слова буквально, можно принять его рассуждения о новой общественно экономической формации как руководство к действию. Но если учесть абстрактный характер рассуждений, необходимо принимать во внимание все высказывания, которые предупреждают о невозможности прямого внедрения в реальность этих рассуждений.

Энгельс в письме к своему близкому другу И. Вейдемейеру писал, что приход коммунистической партии к власти – это вопрос времени и вынужденная необходимость, обусловленная бездействием и апатией других политических сил. С приходом к власти придется считаться как с общими революционными задачами, так и с интересами мелкой буржуазии. Находясь под давлением пролетариата и будучи связанными своими ранее опубликованными заявлениями и программами, которые могли быть неправильно поняты в ходе внутрипартийной борьбы, коммунисты могут быть вынуждены предпринимать революционные действия, которые они сами считали преждевременными [6, с. 490].

Не только Энгельс, но и сам Маркс понимал несвоевременность революции в существующих условиях. В работе «К критике политической экономии» он отмечал, что никакая общественно-экономическая формация не исчезает до тех пор, пока полностью не раскроется потенциал всех производительных сил, которыми она обладает. Новые, более совершенные формы производственных отношений не возникают прежде, чем в старой общественной формации сформируются необходимые для них материальные предпосылки. Человечество таким образом всегда ставит перед собой лишь принципиально достижимые

цели и разрешимые задачи, поскольку анализ демонстрирует, что сама задача появляется именно тогда, когда материальные условия для её разрешения либо уже существуют, либо находятся в стадии формирования [7, с. 7].

Описывая бесчеловечность существующей реальности для пролетариата, Маркс и Энгельс отмечают, что пролетариат не может освободить себя, не уничтожив своих собственных жизненных условий. Цель и историческая миссия пролетариата детерминированы его социальным положением в структуре капиталистического общества. В работе «Святое семейство, или Критика критической критики» (1844) Маркс и Энгельс признают, что значительная часть рабочего класса Англии и Франции уже осознаёт свою *историческую миссию* и непрерывно работает над ее полным постижением. Выявляя объективную историческую обусловленность всемирно-исторической роли пролетариата, Маркс далее отмечает, что для своего освобождения пролетариату необходимо приложить усилия по уничтожению всех антигуманных условий жизни капиталистического общества, сосредоточенных в социальном положении самого пролетариата. Таким образом, сущность пролетариата, обусловленная его местом в структуре буржуазного общества, предопределяет его цель и историческую миссию. Рассматривая противоположность пролетариата и частной собственности, Маркс отмечает, что возникновение частной собственности порождает свое собственное отрицание – пролетариат, победа которого в классовой борьбе приведет к разрушению института частной собственности и исчезновению наемного труда [8, с. 38–40]. При этом Маркс не видел возможности отмены частной собственности в тот период времени, полагая это делом далекой перспективы.

Однако у Энгельса можно обнаружить совершенно иные высказывания. Энгельс пишет, что в силу накопившихся в буржуазном обществе противоречий революция уже неизбежна, однако её характер главным образом будет зависеть от уровня развития пролетарского сознания. По мнению Энгельса, глубокое усвоение идей коммунизма и социализма пролетариатом позволят преодолеть классовое противоречие наименее радикальным путем [8, с. 516].

В приведенных рассуждениях четко прослеживается противоречие. С одной стороны, говорится, что не надо торопиться с революцией, что это дело отдаленной перспективы, с другой – противоречие между буржуазией и пролетариатом настолько обострилось, что без революции не обойтись. Германия, с их точки зрения, не готова к революции, а в Англии она может произойти, но пролетариат не знает, что такое социализм и коммунизм, поэтому будет резня. Необходимо окультурить пролетариат. Маркс и Энгельс пишут манифест, ведут пропаганду коммунистических идей, мечтают о мировой революции. Другими словами, в теории вроде бы все готово к революции, в принципе понятно, что надо делать, а практика отстает.

Согласно Марксу, чтобы уничтожить идею частной собственности, достаточно утвердить идею коммунизма. Однако для отмены частной собственности в реальности необходимо осуществить коммунистические действия по преобразованию общества на практике. Понимая грядущую революцию как диалектический процесс отрицания отрицания, Маркс указывает на длительность и сложность исторически необходимого перехода к коммунистическому обществу [9, с. 135–136].

Невозможность отменить капитализм декретом и установить новые отношения подтверждают идеи Энгельса, изложенные в работе «Положение рабочего класса в Англии». Мыслитель отмечает, что социалисты выражают недовольство моральной деградацией низших классов, однако они не видят в этом процессе признаков социального прогресса и игнорируют тот факт, что моральное разложение привилегированных классов, скрывающих за маской добродетели собственные интересы, значительно более пагубно для общества в целом. Социалисты отрицают эволюционную модель исторического развития и стремятся незамедлительно совершить скачок к коммунистическому состоянию, минуя стадию постепенного развития политической борьбы «до ее завершения, при котором она *сама себя упразднит* [sich selbst auflost]*» [8, с. 460]. Другими словами, в процессе развития капитализма, сопровождающегося нарастанием классовой борьбы пролетариата за свои права и уступками со стороны капиталистов в удовлетворении требований пролетариата, произойдет постепенное изменение как пролетариата (он станет более зрелым во всех отношениях), так и капитализма. Капитализм создаст основу для перехода к новым отношениям.

Длительность процесса преобразования связана с необходимостью создания развитой материально-технической базы нового общества, которая создаст изобилие материальных благ. О том, что такая база необходима, косвенно отмечает Энгельс в статье «Описание возникших в новейшее время и еще существующих коммунистических колоний» (октябрь 1844). Энгельс не питает иллюзий касательно возможности перехода к новому общественному строю посредством создания коммун. Он видит в этих коммунистических экспериментах скорее подтверждение практической осуществимости и превосходства коммунистической модели. Для нас важно в этой работе то, что автор считает необходимым в коммунистическом обществе решить проблему выполнения неприятного физического труда посредством применения машин. Другими словами, машины должны заменить человека. Но такого уровня развития материально-технической базы производства даже современное капиталистическое общество еще полностью не достигло. В работе «Лейпцигский собор» Маркс и Энгельс отмечают, что пока производительные силы остаются недостаточно развитыми, чтобы преодолеть порождаемую ими конкурентную борьбу, эксплуатируемый класс будет хотеть уничтожить конкуренцию, государство и право. Однако для этого мало простого желания. Необходима «воля», для возникновения которой требуются соответствующие материальные условия жизни и общественные отношения [10, с. 323].

Новые отношения создают люди, и для этого они сами должны измениться. Маркс и Энгельс подчеркивают непрерывность динамики исторического процесса, указывая на обусловленность жизненного пути отдельного индивида совокупным опытом предшествующих и современных ему поколений. Основатели марксизма указывают на то, что индивиды в любых исторических условиях действуют исходя из собственных интересов. Однако природа индивидуальных потребностей и способы их удовлетворения вынуждают людей вступать в социальные взаимодействия, порождая взаимозависимость. При этом связи формируются не абстрактными субъектами, а конкретными индивидами, чьи потребности и производительные силы находятся на определенной стадии развития. Общественные отношения, будучи продуктом этих факторов, одновременно детерминирует будущую структуру потребностей и дальнейшее развитие производства. Таким образом, именно межличност-

ные отношения, взаимодействие людей как уникальных субъектов конституируют и постоянно воспроизводят актуальные социальные отношения [10, с. 439–440]. Из всего перечисленного следует, что основоположники теории коммунизма прекрасно понимали, что форма (отношения) зависит от содержания, т. е. от уровня развития человека.

Новые отношения способны создать новые люди, если у них возникает такая потребность. Эту проблему так же не обошли вниманием Маркс и Энгельс в «Святом семействе». Мыслители констатируют, что любая «идея» оказывается дискредитирована, как только дистанцируется от материального «интереса». Идеи, взятые в своей абстрактной форме, не способны преодолеть границы устоявшейся общественно-экономической формации – их критический потенциал ограничивается лишь отрицанием предшествующих идеологических систем. Сами по себе идеи лишены действенности: для их материализации необходимы субъекты, готовые применить инструменты практической деятельности. Лишь через коллективное действие, опирающееся на конкретные интересы, абстрактные концепции обретают силу трансформировать социальную реальность [8, с. 89–90].

Но новые люди не упадут с неба, они должны сформироваться в процессе преобразования действительности, и эта действительность станет другой. В работе «К еврейскому вопросу» Маркс пишет, что человеческая эмансипация становится возможной лишь при условии, что конкретный индивид интегрирует в себя абстрактную роль гражданина, воплощая свою родовую сущность через практику – эмпирический опыт, трудовую деятельность и межличностные взаимодействия. Это произойдет, когда индивид осознает свои личные способности как элемент общественной силы и перестанет противопоставлять себе политические институты. Только преодолев это разделение, субъект обретает способность преобразовывать социальные структуры, а не воспроизводить их в отчужденной форме [4, с. 406]. Таким образом, эмансипация достигается не через отрицание индивидуальности, а через синтез личного и общественного, где политическое перестает быть надстройкой, а становится органичной частью человеческого бытия. «Поэтому все движение истории есть, с одной стороны, *действительный* акт порождения этого коммунизма – роды его эмпирического бытия, – а с другой стороны, оно является для его мыслящего сознания *постигаемым и познаваемым* движением его становления» [9, с. 117].

Рассуждая о построении коммунистического общества, Энгельс отвечает на возможный вопрос о том, как претворить теорию в жизнь, и обращает внимание на программы стратегического развития, которые должны привести к практическому коммунизму. Первая программа предполагает введение универсальной системы всеобщего государственного образования, гарантирующей комплексное бесплатное обучение детей вплоть до достижения ими возраста социальной дееспособности. Цель этой программы заключается в формировании образованного рабочего класса, способного проявить рациональный подход, необходимый для мирного перехода к качественно новому общественному устройству. Вторая программа направлена на радикальную реформу института социальной поддержки: безработные граждане должны быть вовлечены в трудовые поселения (колонии), сочетающие аграрное и промышленное производство. Финансирование этих проектов требует изменения фискальной системы. В качестве источника средств предлагается введение прогрессивного налога на капитал, при котором ставка возрастает пропорционально объему облагаемых активов [8, с. 543–545].

А далее следует важный вывод, на который по какой-то причине не обратил внимание В. И. Ульянов (Ленин), провозгласив строительство коммунизма в России. Энгельс резюмирует, что главная задача заключается в методологическом определении идеала общественного устройства, инструментов и траекторий, позволяющих поэтапно приближаться к этой цели. По мнению Энгельса, само рациональное и гуманистическое начало в человеке указывает на необходимость коммунизма. О неизбежности утверждения коммунистического принципа в будущем свидетельствует объективная логика исторического процесса развития цивилизованных обществ, демонстрирующая кризис традиционных форм и ускоренный распад устоявшихся социальных институтов, утрачивающих функциональность. Но Энгельс акцентирует внимание на невозможность введения общности имущества «немедленно и против воли нации», указывая на то, что принцип коммунизма – это принцип будущего [8, с. 545].

Энгельс отмечает еще одну важную деталь в понимании процесса выстраивания новых отношений. Если реализация коммунистических принципов через социальную революцию представляет собой закономерный результат текущих общественных противоречий, то центральной задачей становится разработка механизмов мирной подготовки и поэтапной реализации перехода к коммунистической формации. Приоритетом должна стать объективная аналитическая работа над структурой социальных проблем, направленная на эмансипацию угнетенных групп и создание материальных условий для реализации их человеческого потенциала. Что касается возможных возражений, связанных с риском снижения материального статуса привилегированных классов, важно подчеркнуть: цель заключается в формировании универсальных оснований для свободного развития личности, построения солидарных общественных связей и гарантий стабильности, исключающих угрозу «насильственного разрушения своего благосостояния» [8, с. 554].

В этих рассуждениях снова прослеживается мысль о необходимости развития человека, пролетария, способного создать новые отношения. Просто сломать старое и начать строить новое общество здесь не предполагается. Как отмечал один из героев фильма «Мертвый сезон», «Если собрать вместе девять беременных женщин, ребенок все равно не родится через месяц. Плод должен созреть». Об этом же чаще всего идет речь в рассуждениях о коммунистическом обществе и его построении у Маркса и Энгельса.

В следующих рассуждениях о коммунизме опять речь идет не о сиюминутном провозглашении коммунизма, а о необходимости формирования нового пролетариата, который будет соответствовать новым отношениям, которые сам и должен создать. «...развивается универсальный характер пролетариата и энергия, необходимая ему для осуществления этого присвоения, причем пролетариат сбрасывает с себя все, что еще осталось у него от его прежнего общественного положения. Только на этой ступени самостоятельность совпадает с материальной жизнью, что соответствует развитию индивидов в целостных индивидов и устранению всякой стихийности» [8, с. 554].

Почему не удалось реально построить новое общество в СССР, а то, что построили легко развалилось при первом же натиске на «развитой социализм»? Представляется, что главной причиной была позиция Ленина и большевиков по отношению к частной собственности. Отмена частной собственности в России после революции привела к гражданской войне, партизанскому движению в Западной Украине и Прибалтике после их присоедине-

ния к СССР. Частная собственность – это не только экономическая категория. Это и психологическое понятие, имеющее важный смысл для понимания характера социальных отношений. Собственник средств производства – это «Хозяин», «Главный» и т. д. Это реализация «чувства собственной значимости» или инстинкта доминирования, который является движущей силой капитализма и любого классового общества. Собственником, хозяином становится человек, у которого стремление «стать первым», доминировать, развито сильнее, чем у других. С устранением частной собственности декретом у человека отобрали его «Я». С этим трудно согласиться, и человек берется за оружие, ибо жизнь потеряла смысл. Неслучайно через четыре года строительства коммунизма в России Ульянов (Ленин) признал, что они (большевики) ошиблись, начав строить коммунистическое производство и распределение [11, с. 151–152].

В статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции» В. И. Ленин отмечает, что движение к коммунизму, даже первый его шаг стоил невероятных трудностей и мучений. По его признанию, Октябрьскую революцию не следует рассматривать как окончательную победу социалистического проекта. Первоначальный успех революции сопровождался системными кризисами и стратегическими просчетами, обусловленными историческим контекстом. Преодоление империалистической гегемонии отсталым обществом в условиях глобального противостояния не могло быть лишено противоречий. Революционный процесс опирался на мобилизацию массового энтузиазма, трансформировавшегося из политико-идеологического в военно-организационный ресурс. Однако попытка переноса этой энергии на сферу экономики посредством прямого внедрения коммунистических принципов производства и распределения в аграрной («мелкокрестьянской») стране выявила утопичность исходных установок. Практика продемонстрировала необходимость диалектического подхода: вместо немедленной «отмены» товарно-денежных механизмов потребовалось поэтапное движение через этапы государственного капитализма и социалистического уклада. Эти переходные формы, требующие длительного времени, стали условием преодоления разрыва между революционной волей и объективными возможностями материальной базы общества [11, с. 151–152].

В этой статье Ленин косвенно признает, что они (большевики) и он сам неправильно поняли Маркса. Нельзя в нищей и неграмотной крестьянской стране построить на энтузиазме не только коммунизм, но и социализм. И страна строила социализм, подчеркиваем – социализм, а не коммунизм почти сто лет, а в результате вернулась к капитализму. Получилось, как в анекдоте времен перестройки: сильно постаревший бывший жандарм идет по Москве и видит знакомого бывшего революционера-большевика, который торгует самодельными пирожками. «Кто же тебе – спрашивает жандарм, – при царе-батюшке пирожками торговать запрещал?».

Энгельс, рассуждая о взаимосвязи частной собственности и производительных сил индивидов, отмечает, что «... частная собственность есть форма общения, необходимая на известной ступени развития производительных сил; *что эта форма общения до тех пор не может быть уничтожена, до тех пор является необходимым условием для производства непосредственной материальной жизни, – пока не созданы производительные силы, для которых частная собственность становится стесняющими оковами* (выделено авторами)» [10, с. 350–351].

В отдельной статье невозможно собрать все высказывания Маркса и Энгельса по вопросу их представлений о том, как должно идти строительство социализма и коммунизма. Однако даже из того, что представлено авторами статьи, видно, что с их точки зрения, во-первых, социализм должен созреть в недрах капитализма не в виде идеи, а в виде материальных условий; во-вторых, должны созреть условия для перехода во всех развитых странах, иначе соседи не позволят существовать одному чуждому и опасному для них идеологически государству; в-третьих, в период социализма, т. е. перехода от капитализма к коммунизму, нельзя одномоментно декретом устранять частную собственность. Частная собственность – мощный катализатор производительных сил, она – не выдумка людей, не находка разума, не элемент культуры. Частная собственность не как политэкономическая категория, а как явление заложена в генетику живых существ в качестве основы выживания. Животное «огораживает» территорию обитания своим запахом, предупреждая конкурентов, что территория занята. Человек тоже принадлежит природе как индивид, поэтому он должен преодолеть в себе природное, развивая свое социальное. Поэтому «снять» это явление можно только создав условия избытка материальных благ, когда «мое» и «твое» заменит местоимение «наше».

Что в понимании социализма может дать исследователю современное состояние методологии? Для этого обратимся к таким инструментальным возможностям, которые дает диалектика, синергетика, психология и этология.

Диалектика позволяет представить историю развития социальной системы так, как она реализуется на практике. На сегодняшний день известны две формы связи людей в социальную систему, два типа отношений – отношения первобытного общества и отношения цивилизованного общества (классового). Это принципиально разные отношения. Отношения первобытного общества можно охарактеризовать как отношения равенства, сотрудничества и взаимопомощи (на микроуровне). Отношения в классовом обществе представляют собой неравенство, конкуренцию и эксплуатацию. У этого типа отношений разные источники активности. В основе первобытных отношений, как это ни странно звучит, лежит культура в виде запретов на инстинктивное поведение и организация совместного бытия на основе разума. Например, какую функцию выполняет потусторонний мир предков помимо заветов и норм поведения, оставшихся от них? С нашей точки зрения, для обеспечения устойчивости несвойственных природе отношений равенства необходима была сила, сдерживающая проявление инстинкта доминирования. Такой силой в биотическом сообществе является альфа-самец. Человеческий разум вынес эту силу за пределы сообщества в виртуальный мир предков и с его помощью поддерживал отношения равенства.

Основа отношений неравенства – инстинкт, несмотря на то, что их формирует человек «разумный». Инстинкт доминирования запускает механизм самоорганизации через конкуренцию и отбор наиболее успешных в конкуренции. Новый этап развития пока не наступил, но его тенденция уже хорошо просматривается. Этот сценарий развития истории описывает закон отрицания отрицания, который метафорично и точно выражает формула Гегеля, которая описывает развитие абсолютной идеи: «Тезис – антитезис – синтез». На первом этапе развития системы она возникает на своем собственном основании, но в неразвитой, зачаточной форме. Именно здесь надо искать сущность того, что мы называем термином «социальное». Подлинно социальными являются отношения взаимопомощи и сотрудничества.

По мере развития производительных сил с одной стороны и развития самосознания первобытного человека с другой, коллективное сознание и коллективная культура отодвигаются на второй план. На первый план выходит осознанное человеком «Я» и то, что оно не равно «Мы». «Мы» превращается в «Они». Главным становится эгоизм человека с его потребностями, которые человек не может удовлетворить из-за постоянного дефицита средств потребления. Через конкуренцию одни становятся успешными, другие нет, одни становятся богатыми, другие бедными, одни становятся господами, другие подчиненными. Меняется сущность социальных отношений, общество вступает в фазу «антитезиса». Социальное по форме становится биотическим по существу. Но это неизбежная фаза развития системы. На этом этапе организация на основе разума заменяется на самоорганизацию, основанную на инстинкте доминирования.

Эта фаза развития социума, в основе которой лежит самоорганизация, описывается формирующейся концепцией самоорганизации, которая в России получила распространение под названием синергетика. Синергетика описывает механизм и закономерности самоорганизации открытых, неравновесных систем. Источник самоорганизации в социуме дает возможность обнаружить психология бессознательного и этология, наука о поведении живых существ. В силу того, что человек – биосоциальное существо, он имеет две поведенческие программы: одна заложена в генетике (инстинкты), другая формируется в социуме (культура). На первом этапе развития, когда появляется подлинно социальное, оно опирается на культуру и нравственные нормы. На фазе антитезиса на первый план выходит биотическая программа (инстинкты), благодаря чему социальная система методом проб и ошибок, через конкуренцию и отбор формирует определенный порядок, позволяющий людям выживать и развиваться. Но биотические отношения, которые называют социальными только потому, что их носителями являются люди, не могут существовать вечно, так как противоречат сущности социального и понятию справедливости. Рациональное начало в человеке соглашается с несправедливостью долгое время из-за неразвитости разума и культуры человека и отсутствия необходимых производительных сил, которые ликвидировали бы дефицит жизненно важных ресурсов. По мере развития всего этого разум человека приходит в противоречие с существующими отношениями и требует их замены на те, которые соответствуют сущности социальной системы. Современный капитализм создал такие производительные силы и сформировал развитый рабочий класс, часто с высшим образованием. Кроме того, сама техническая система из-за ряда параметров не может быть частной и капиталистической по отношениям распределения и потребления. Но даже сегодня большинство человечества не готово психологически к новым отношениям, а в начале XX в. тем более. Вывод, который можно сделать из анализа рассуждений Маркса и Энгельса о коммунизме и социализме: советский тип социализма не соответствует представлениям Маркса и Энгельса о нем. Для него в России не было никаких предпосылок, кроме паралича власти и отсутствия тех, кто взял бы власть для решения задач буржуазной революции. Не было развитой промышленности с избытком товаров, не было пролетариата, высоко развитого в интеллектуальном и культурном отношении. Отмена частной собственности одномоментно декретом Марксом и Энгельсом не предполагалась, наоборот, разъяснялось почему этого не следует делать. Поэтому крах социализма в СССР и странах социалистического содруже-

ства объясним. Такой тип отношений был неэффективным и не находил поддержки у населения. Само население не было готово каждый день самостоятельно воспроизводить такие отношения. Поэтому, как только исчезла грубая сила, контролировавшая воспроизводство как бы «социалистических» отношений в виде силовых структур стран социализма, эти отношения легко были заменены на капиталистические. Однако все эти события не доказывают несостоятельность идеи коммунистических отношений и социализма как переходного периода для трансформации капиталистического в коммунистическое. Поэтому при социализме по Марксу капиталистическая экономика может иметь место, но при регулировании и контроле со стороны пролетарского государства и не в масштабе одной страны, а повсеместно.

Социальная система имеет два уровня бытия: микро- и макроуровень. Микроуровень представлен государствами или их аналогами. Макроуровень выражается термином международные отношения. Если на микроуровне отношения регулируются в рамках государства, то на макроуровне нет инструментов регулирования отношений, кроме ограниченных межгосударственных союзов для противостояния кому-то. ООН, которая должна представлять интересы всех стран, так же не выполняет этой функции.

Следуя логике развития человеческой истории, социальная система должна вернуться к своей сущности, отношениям равенства, взаимопомощи и сотрудничества. Первые ростки этого в виде новых объединений на макроуровне (ШОС и БРИКС) уже появились. Если при капитализме преимущественно в качестве движущей силы действует инстинкт, а разум его обслуживает, работает самоорганизация, то на новом этапе инстинкт должен быть вытеснен рациональным началом в действиях человека, а самоорганизация заменена на организацию [12].

Заключение. В результате выполненного анализа взглядов классиков марксизма, необходимо признать, что идеи социализма и коммунизма, как они были представлены Марксом и Энгельсом, на практике не были реализованы. Те опыты построения социализма, которые имели место в истории, не соответствовали теоретическим предположениям. Страны, где произошли революции и был провозглашен тезис о строительстве социализма, не имели для этого ни экономических, ни иных социальных предпосылок, кроме желания части населения социальных перемен – именно желания, а не ясного представления о том, что должно возникнуть и каким образом. Яркой иллюстрацией этого является песня В. Цоя «Перемен!». Требуем, хотим! Чего? Перемен. Какими они будут неизвестно, но хотим и требуем. Практика показала, что идеи социализма в теоретических рассуждениях Маркса и Энгельса появились слишком рано, обогнали свое время. Но, как и предполагал Энгельс, раз есть теория справедливого общества, люди захотят ее реализовать на практике, хотя практика к этому еще не готова.

Страна, в которой с помощью развитых капиталистических экономик, преследующих свои экономические интересы, были созданы материальные предпосылки для строительства социализма, – это современный Китай. Но и там, в силу того, что и экономика, и культурный уровень населения недостаточен для новых отношений, этот процесс идет сложно.

Однако, исходя из закономерностей исторического процесса, социальная система должна вернуться к своей сущности: равенству, сотрудничеству и взаимопомощи и не только на микро-, но и на макроуровне. Самоорганизация, ярким проявлением которой является рыночная экономика и война на макроуровне, должна быть заменена на организацию, ноономику

(К. Маркс, С. Д. Бодрунов) и сотрудничество на макроуровне. Современная цивилизация пошла экономически к необходимости такого перехода. Осталось воспитать нового человека, который был бы готов к новым отношениям «не за страх, а за совесть».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.).
2. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1956.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 36. 2-е изд. / пер. с нем. М.: Госполитиздат, 1964.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. 2-е изд. / пер. с нем. М.: Госполитиздат, 1955.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 2 т. Т. II / пер. с нем. М.: Госполитиздат, 1948.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения Т. 28. 2-е изд. / пер. с нем. М.: Госполитиздат, 1962.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. 2-е изд. / пер. с нем. М.: Госполитиздат, 1959.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 2. 2-е изд. / пер. с нем. М.: Госполитиздат, 1955.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. 2-е изд. / пер. с нем. М.: Госполитиздат, 1974.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. 2-е изд. / пер. с нем. М.: Госполитиздат, 1955.
11. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 44. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1970.
12. Тузов В. В. Исторический процесс в свете синергетической парадигмы (субстанциальный подход). СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2011.

Информация об авторах.

Тузов Виктор Васильевич – доктор философских наук (2004), профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: закономерности исторического процесса, теория самоорганизации, проблема устойчивости социальной системы.

Куртов Сергей Юрьевич – аспирант кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 11 научных публикаций. Сфера научных интересов: проблема устойчивости социальной системы, диалектика, синергетика.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 03.02.2025; принята после рецензирования 24.02.2025; опубликована онлайн 19.06.2025.*

REFERENCES

1. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii* [Constitution of the Russian Federation] (1993), amend. 2020.
2. Plekhanov, G.V. (1956), *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected philosophical works], in 5 vol., vol. 1, Gospolizdat, Moscow, USSR.
3. Marx, K. and Engels, F. (1964), *Sochineniya* [Essays], vol. 36, Transl., 2nd ed., Gospolizdat, Moscow, USSR.
4. Marx, K. and Engels, F. (1955), *Sochineniya* [Essays], vol. 1, Transl., 2nd ed., Gospolizdat, Moscow, USSR.
5. Marx, K. and Engels, F. (1948), *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works], in 2 vols., vol. II, Transl., Gospolizdat, Moscow, USSR.
6. Marx, K. and Engels, F. (1962), *Sochineniya* [Essays], vol. 28, Transl., 2nd ed., Gospolizdat, Moscow, USSR.
7. Marx, K. and Engels, F. (1959), *Sochineniya* [Essays], vol. 13, Transl., 2nd ed., Gospolizdat, Moscow, USSR.
8. Marx, K. and Engels, F. (1955), *Sochineniya* [Essays], vol. 2, Transl., 2nd ed., Gospolizdat, Moscow, USSR.
9. Marx, K. and Engels, F. (1974), *Sochineniya* [Essays], vol. 42, Transl., 2nd ed., Gospolizdat, Moscow, USSR.
10. Marx, K. and Engels, F. (1955), *Sochineniya* [Essays], vol. 3, Transl., 2nd ed., Gospolizdat, Moscow, USSR.

11. Lenin, V.I. (1970), *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], vol. 44, 5th ed., Gospolitizdat, Moscow, USSR.

12. Tuzov, V.V. (2011), *Istoricheskiy protsess v svete sinergeticheskoi paradigmy (substantsial'niy podkhod)* [Historical process in the light of the synergetic paradigm (substantial approach)], ETU Publishing House, SPb., RUS.

Information about the authors.

Viktor V. Tuzov – Dr. Sci. (Philosophy, 2004), Professor at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: the laws of the historical process, the theory of self-organization, the problem of the sustainability of the social system.

Sergei Yu. Kurtov – Postgraduate at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 11 scientific publications. Area of expertise: the problem of the sustainability of the social system, dialectics, synergetics.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 03.02.2025; adopted after review 24.02.2025; published online 19.06.2025.

Оригинальная статья

УДК 159.9; 177

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-3-20-28>

Стигматизированный труд в зеркале коллективной тени: от отвержения к интеграции

Алексей Константинович Щеглов

*Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова,
Санкт-Петербург, Россия,
alex.sbt@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7569-2909>*

Введение. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления стигматизации труда, особенно в контексте «грязной работы», которая, несмотря на социальную значимость, подвергается девальвации. Цель статьи – раскрыть стигматизированный труд как метафору коллективной «Тени социума», отражающей вытесненные аспекты человеческого существования. Научная новизна заключается в синтезе юнгианской аналитической психологии и социологических подходов для анализа механизмов стигматизации.

Методология и источники. Исследование опирается на концепцию «Тени» Карла Юнга, интерпретируя стигматизированный труд как проекцию коллективного бессознательного, а также на социологические методы анализа эмпирических данных (интервью, наблюдения). Используются работы Э. Хьюза о классификации «грязной работы» и современные исследования невидимости труда.

Результаты и обсуждение. Выявлены паттерны стигматизации, связанные с отрицанием телесности, уязвимости и конечности. Профессии, связанные с физической, социальной и моральной «грязью», становятся объектами проекции коллективных страхов. Феномен невидимости работников (игнорирование, нарушение личных границ) подтверждает структурное неравенство и дегуманизацию.

Заключение. Исследование подчеркивает, что стигматизация труда – следствие неприятия коллективной «Тени», что ведет к социальной дезинтеграции. Признание ценности «грязной работы» и интеграция вытесненных аспектов необходимы для достижения социальной целостности и справедливости.

Ключевые слова: стигматизированный труд, Концепция тени, грязная работа, социальная стигматизация, аналитическая психология, Карл Юнг, социальные нормы

Для цитирования: Щеглов А. К. Стигматизированный труд в зеркале коллективной тени: от отвержения к интеграции // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 3. С. 20–28. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-20-28.

© Щеглов А. К., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Stigmatized Labor in the Mirror of Collective Shadow: from Rejection to Integration

Aleksei K. Shcheglov

*Baltic State Technical University «VOENMEKh» named after D.F. Ustinov, St Petersburg, Russia,
alex.sbt@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7569-2909>*

Introduction. The relevance of the study stems from the need to comprehend labor stigmatization, particularly in the context of “dirty work”, which, despite its social importance, faces devaluation. The aim is to frame stigmatized labor as a metaphor for the collective “Shadow of society”, reflecting repressed aspects of human existence. The scientific novelty lies in integrating Jungian analytical psychology and sociological approaches to analyze stigmatization mechanisms.

Methodology and sources. The research employs Carl Jung’s “Shadow” concept, interpreting stigmatized labor as a projection of the collective unconscious, alongside sociological analysis of empirical data (interviews, observations). The work draws on Everett Hughes’ classification of “dirty work” and modern studies on labor invisibility.

Results and discussion. Patterns of stigmatization linked to the denial of corporeality, vulnerability, and mortality were identified. Professions associated with physical, social, and moral “dirt” become targets for collective fears. The invisibility phenomenon (ignoring, boundary violations) confirms structural inequality and dehumanization.

Conclusion. The study highlights that labor stigmatization stems from the rejection of the collective “Shadow”, leading to social disintegration. Recognizing the value of “dirty work” and integrating repressed aspects are crucial for achieving social integrity and justice.

Keywords: stigmatized work, Shadow concept, dirty work, social stigma, analytical psychology, Carl Jung, social norms

For citation: Shcheglov, A.K. (2025), “Stigmatized Labor in the Mirror of Collective Shadow: from Rejection to Integration”, *DISCOURSE*, vol. 11, no. 3, pp. 20–28. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-20-28 (Russia).

Введение. Вопрос стигматизации труда, особенно в контексте так называемой «грязной работы», представляет собой сложную и многогранную проблему, отражающую более глубокие социальные и культурные механизмы. Работники, занимающиеся такими профессиями, как уборка, уход за умирающими или работа с маргинализованными группами, часто сталкиваются с негативным общественным мнением и социальным неодобрением [1].

Однако их опыт не всегда однозначен. Исследования показывают, что реакция общества на таких работников может варьироваться в зависимости от контекста и конкретных обстоятельств взаимодействия. Например, домашние работники осознают, что их труд часто подвергается стигматизации, однако многие из них также сообщают о существовании поддерживающих клиентов, чье одобрение и признание ценности их работы становятся важными источниками мотивации. Это свидетельствует о том, что дилемма социального одобрения для работников грязной работы не является статичной – она отражает сложные и изменчивые отношения индивидуумов и общества, где стигматизация может трансформироваться в зависимости от конкретных интерактивных ситуаций [2].

В статье предлагается рассматривать стигматизированный труд как метафору коллективной Тени социума, в которую вытесняются отвергаясь аспекты человеческого существования, такие как уязвимость, телесность и конечность. Будем исследовать, как эти «грязные» профес-

сии, несмотря на свою жизненно важную роль в функционировании общества, подвергаются социальной девальвации и стигматизации. Таким образом, данное исследование не только подчеркивает противоречия, связанные с восприятием стигматизированного труда, но и освещает его значение как индикатора социальных норм и ценностей, формирующих наше общество.

Методология и источники. В аналитической психологии «тьень» выступает как фундаментальная категория, обретающая социально-философское измерение. Это не просто отвергаемые бессознательные проявления, но отражение тех внутренних аспектов человеческого бытия, которые маргинализируются социокультурными нормами. «Тень» амбивалентна, являясь вместилищем как «негативных» влечений, так и потенциала для развития, а ее отвержение ведет к расщеплению личности и отчуждению от глубинных импульсов. «Тень», таким образом, становится не только психологической, но и социокультурной проблемой, указывая на противоречивость общественных норм и подчеркивая необходимость интеграции для обретения подлинной аутентичности. Как отмечал Карл Густав Юнг, «Тень олицетворяет все, что субъект отказывается признавать в себе» [3, с. 344].

Результаты и обсуждения. Стигматизированный труд, во многом связанный с задачами, которые общество считает нежелательными, аморальными или «грязными», становится своего рода зеркалом, отражающим те стороны человеческого существования, которые доминирующая культура стремится отрицать или подавлять. Эта проекция оказывает разрушительное воздействие как на социальный статус работников, так и на их личную и профессиональную идентичность, создавая тем самым сложную динамику взаимодействия общественных представлений и индивидуальной самооценки. Стигматизация труда, в частности, проистекает из неприятия и отторжения аспектов, связанных с телесностью, уязвимостью и конечностью, которые, будучи неотъемлемой частью человеческой природы, вытесняются в коллективное бессознательное и проецируются на определенные виды деятельности. Профессии, чья специфика связана с условной «грязью» или контактом с маргинализованными группами, становятся носителями этой коллективной Тени.

Метафора как инструмент интерпретации опыта. В контексте исследования, посвященного стигматизированному труду, выбор метафоры «Тень социума» обусловлен ее эвристическим потенциалом, позволяющим глубже проникнуть в природу этого сложного социального феномена. Метафора является не просто стилистическим приемом, но и инструментом, создающим новые интерпретации опыта, «заставляя слушателя представить одну вещь, описанную терминами, присущими другой» [4, р. 48]. В данном случае, использование метафоры «Тень», традиционно ассоциирующейся с вытесненными, неосознаваемыми аспектами психики, позволяет нам взглянуть на стигматизированный труд как на отражение тех социальных реалий, которые общество предпочитает игнорировать или отрицать.

Метафора «Тень социума» не только описывает, но и объясняет, «создавая новые пути познания реальности» [4, р. 52]. Она позволяет нам связать абстрактные концепции, такие как «социальная иерархия» и «стигматизация», с конкретным явлением – «грязным трудом», раскрывая их взаимосвязь и взаимообусловленность. Подобно тому, как тень неотъемлемо связана с объектом, ее отбрасывающим, так и стигматизированный труд неразрывно связан с теми социальными нормами и ценностями, которые его порождают. Метафора «Тень» становится «коммуникативным механизмом, нацеленным на примирение расхождений в значениях» [4, р. 48], позволяя увидеть, что социальная девальвация определенных видов труда –

это не просто объективное отражение их низкой значимости, а проекция коллективных страхов и предрассудков. Она помогает связать, казалось бы, несвязанные явления – стигматизацию, социальное неравенство и психологические механизмы вытеснения – в единое целое.

Как следствие использования этой метафоры, переход от «Тени личности» к «Тени общества» видится вполне обоснованным, однако напрямую перейти от бессознательного к термину «коллективное бессознательное» в контексте стигматизированных профессий не представляется возможным. Происхождение этих компонентов психики различно, Юнг определяет коллективное бессознательное как «часть психики, которая, в отличие от личного бессознательного, не обязана своим существованием личному опыту и, следовательно, не является индивидуальным приобретением» [3, с. 56–57].

Таки образом, если личное бессознательное формируется из индивидуальных комплексов и вытесненных переживаний, то коллективное бессознательное, в свою очередь, является хранилищем универсальных архетипов, общих для всего человечества. По Юнгу, помимо личного бессознательного существует вторичная, психическая система, носящая коллективный, универсальный и безличный характер, которая является общей для всех людей. Именно в этой области коллективного бессознательного, по мнению автора, укоренены механизмы, лежащие в основе социальной стигматизации определенных профессий, представляющих собой проекцию коллективных страхов, тревог и отторжения на конкретные виды деятельности.

Вытеснение. В социально-философском контексте феномен «тени общества» проявляется как совокупность отвергаемых и вытесняемых аспектов коллективной психики, которые, будучи не признаны и не интегрированы, проецируются на определенные группы или социальные роли. Юнг писал, что «... тень настолько неприятна эго-сознанию, что вытесняется в бессознательное» [3, с. 320]. Стигматизированные и «недостойные» профессии, занимая маргинальное положение в социальной иерархии, служат в качестве ярких напоминаний о тех чертах и потребностях, которые доминирующее большинство стремится отрицать в самом себе. Иными словами, общество, стремясь к созданию позитивного самообраза, возводит барьеры между «приемлемым» и «неприемлемым», вытесняя в «Тень» то, что нарушает его представления о собственном благополучии и моральном совершенстве. Стигматизированные профессии становятся проекцией подавленных желаний и страхов, которые социум не хочет признавать. В этом процессе те, кто занимается физически тяжелым трудом, грязной работой или те, чья деятельность связана с социальными проблемами, выступают носителями этой вытесненной реальности. Они становятся видимым воплощением всего того, от чего общество старается отрешиться: уязвимости, несовершенства, зависимости и даже собственной теневой морали, которая зачастую и порождает эти социальные различия.

Ключевое противоречие здесь заключается в том, что такие работы, являясь часто социально необходимыми и важными, одновременно недооцениваются и подвергаются стигматизации, выявляя парадокс общественного лицемерия. Социально-философское осмысление этого явления позволяет интерпретировать стигматизированный труд не просто как экономическую или политическую проблему, но как проявление коллективной Тени общества. Вытесненные и отвергаемые аспекты, такие как телесность, уязвимость, конечность, проецируются на маргинализованные виды деятельности, делая их социальным полем для проекций коллективных страхов и отрицаемых сторон человеческого существования. Такой подход ак-

центрирует внимание на психологических и культурных факторах, которые определяют социальные иерархии и распределение ценности между различными видами труда.

Таким образом, стигматизация определенных профессий представляет собой не только социальную иерархию, но и психологический механизм самозащиты коллективного «Я». Концепция коллективного бессознательного, предложенная Карлом Юнгом, представляет собой общий резервуар архетипов и воспоминаний, присущих всем людям. Эти «тени» несут в себе непризнанные потребности, страхи и желания, которые, однако, являются неотъемлемой частью человеческой природы и жизни общества. И пока общество не научится интегрировать эти «теневые» аспекты, признавая ценность и необходимость каждой социальной роли, оно будет оставаться заложником собственного отрицания и не сможет достичь подлинной зрелости и целостности.

Причины такого отрицания, возможно, кроются в экзистенциальных противоречиях. Сёрен Кьеркегор как один из основоположников экзистенциализма акцентирует внимание на экзистенциальной истине человеческого существования, которая заключается в парадоксальном сочетании свободы и ограниченности. Он утверждает, что человек является внутренней символической сущностью, наделенной свободой выбора, но одновременно связан конечным телом, что создает внутренний конфликт и экзистенциальную тревогу.

Человек, сотворенный по образу Божьему, представляет собой бесконечное существо, наделенное уникальной способностью выбора и действия, отражающей божественную волю. Этот дар свободы и самосознания позволяет ему стремиться к высшим целям, преодолевая границы обыденного существования. Однако, несмотря на свою духовную и интеллектуальную безграничность, человек остается конечным существом, ограниченным физической природой. Это напряжение между конечным и бесконечным является источником беспокойства [5].

Тревога и неспособность принять экзистенциальную истину своего двойственного существования – свободы символической сущности и ограничений физического тела – приобретает особую остроту при рассмотрении ее в контексте юнгианской Концепции тени и социологического феномена стигматизированных профессий. Неприятие собственной телесности, неотъемлемой части человеческого бытия, порождает проекцию отвергаемых аспектов «Я» на тех, чья работа тесно связана с физическим, часто «грязным», трудом. Общество, стремясь к поддержанию образа чистоты, порядка и моральной высоты, вытесняет из своего сознания неизбежную связь с биологическими и телесными процессами. Неслучайно смерть, болезни и секс – темы, которые в коммуникации подвергаются табу чаще всего [6].

Три категории грязной работы (физической, социальной и моральной, согласно Эверетту Хьюзу) [7] представляют собой символическое воплощение коллективного отторжения телесности человека. Физическая стигма (работа с отходами, смертью, опасностью) прямо ассоциируется с телесной грязью и уязвимостью. Смерть – социальное табу, а профессии гробовщика и похоронного агента считаются нечистыми, поскольку они нарушают социальное табу, работая с трупами [8]. Социальная стигма (контакт с маргиналами, подчиненные отношения) отражает страх перед «заражением» нечистотой как физической, так и моральной. Моральная стигма (сексуальные услуги, методы неэтичного маркетинга и продаж) указывает на вытеснение неприемлемых аспектов телесного и инстинктивного. Таким образом, все три типа стигматизации по сути являются разными гранями единого фено-

мена – коллективного отрицания и проекции «грязной» стороны человеческой телесности на маргинализованные профессии.

Стигматизированные профессии, связанные с грязью – уборка мусора, работа в канализации, утилизация отходов и т. п. – становятся объектом проекции социума. Общество, стремясь к идеализированному образу чистоты, порядка и духовности, вытесняет в бессознательное («Тень») признаки телесности, несовершенства, и неизбежную связь с физическими отходами жизни. Эти «грязные» профессии, выполняющие необходимую, но непривлекательную функцию сохранения санитарии и чистоты, становятся символическим воплощением всего того, что общество стремится отрицать в самом себе.

В контексте коллективной Тени, морализаторство и лицемерие, связанные с определенными видами деятельности, становятся очевидными. Например, «стыдными» признаются ряд профессий, связанных с сексом, в то время как работа в пищевой индустрии считается социально приемлемой. Общество, переживая коллективное «вытеснение» сексуальности и телесных потребностей, воздвигает моральные барьеры вокруг определенных проявлений этой сферы, в то время как иные, не менее физиологические виды деятельности, получают социальное одобрение. Подобное противоречие свидетельствует о неинтегрированности аспектов коллективной Тени, которая, будучи не признанной, продолжает проявляться в форме социальных предрассудков и дискриминации.

Невидимость. Стигматизированные профессии, связанные со смертью (например, работники похоронных служб), существуют в социальном вакууме, обусловленном коллективным вытеснением темы конечности человеческого существования. Общество, избегая столкновения с табуированными темами, маргинализирует тех, кто неизбежно сталкивается с подобными нежелательными проявлениями, делая этих людей практически невидимыми в повседневном социальном ландшафте. Такие работники «знают, что они социально невидимы, и понимают, что безразличие общества лишь временно приостанавливается, когда умирает член чьей-то семьи» [8, с. 79].

Ряд авторов концептуализируют невидимость не как пассивное состояние, а как интерсубъективный феномен, который конструирует и поддерживает социальные границы [9], в частности, между работником и клиентом, «грязным» и «чистым», «отвратительным» и «порядочным», «недостойным» и «достойным». Можно утверждать, что невидимость, является динамическим процессом, обусловленным сложным взаимодействием между характером работы, социальной динамикой и воплощенной трудовой идентичностью.

Невидимость может быть характерна для профессий с низким статусом и стигматизацией [9]. Невидимость – фундаментальная характеристика работ по уборке, становясь неотъемлемой частью такого труда, учитывая то, как эта профессия структурирована и управляема.

Опрос 199 уборщиков университетских зданий, проведенный в 2018 г. Rabelo V. C. и Mahalingam R., продемонстрировал, что наиболее распространенным типом невидимости, с которым сталкиваются представители стигматизированных профессий, является межличностная невидимость – ощущение «невидимости» в процессе коммуникации с клиентами [10]. Этот феномен, в частности, наблюдался у работников, взаимодействующих со студентами и преподавателями на территории университетского кампуса. Парадоксальным образом респонденты сообщали, что наибольшую невидимость они испытывали именно в си-

туациях, когда их физическое присутствие было очевидным, но их игнорировали, как если бы их вовсе не существовало.

Фокусируясь на умышленном отстранении клиентов и руководства, исследователи старались выявить механизмы, которые натурализуют такую практику.

Один из участников исследования отметил, что «его не замечали, когда он входил в комнату... [не было] простого «здравствуйте» или «спасибо»». Употребление слова «просто» здесь, как мы интерпретируем, отражает осознание респондентом того, что отказ от этой элементарной формы признания не является обусловленным объективными факторами, а представляет собой намеренное социальное действие. Другой респондент выразил свою душевную боль, описывая, как «люди могут проходить мимо тебя, как будто ты невидимка, пока ты работаешь», что подчеркивает активную роль социального окружения в конструировании опыта невидимости. В совокупности полученные данные свидетельствуют о том, что невидимость в контексте стигматизированного труда – это не просто пассивное игнорирование, а активное социальное конструирование, посредством которого стигматизированных работников «заставляют чувствовать себя невидимыми», даже когда они физически присутствуют и видны другим.

Несколько участников использовали метафоры, чтобы описать опыт невидимости на работе: например, «чувствовали себя тенью», нечеловеком и призраком (когда клиенты «смотрят сквозь тебя»).

Помимо межличностной невидимости, исследование выявило и другие формы проявления этого феномена, в частности, связанные с нарушением границ личного пространства и достоинства. Так, один из сторожей рассказал о ситуации, когда его начальница испытывала дискомфорт из-за того, что «парни по-прежнему заходят [в туалет], расстегивают молнию [на штанах], пытаются делать свои дела [т. е. мочиться] прямо перед ней, как будто ее там нет». Этот пример наглядно демонстрирует, как в контексте стигматизированного труда может происходить нарушение базовых социальных норм и границ, которые в других профессиональных контекстах были бы квалифицированы как сексуальное домогательство. Однако в сфере уборки зданий подобное поведение воспринимается как нечто «более нормальное», что является еще одним подтверждением того, как социальное исключение и стигматизация могут дегуманизировать работников и делать их «невидимыми» в моральном и социальном смысле.

Аналогично в другом исследовании Мессинг наблюдал, как больничные уборщицы чувствовали себя невидимыми, когда врачи исключали их из общественных мероприятий или, когда клиенты игнорировали их присутствие (например, бросали мусор на землю рядом с уборщицами) [11].

Таким образом, невидимость в рамках стигматизированного труда выступает не просто как психологический феномен, а как следствие структурного неравенства и девальвации определенных социальных групп [10].

Заключение. В контексте нашего исследования мы акцентируем внимание на амбивалентном положении определенной группы работников. Выполняя свои, зачастую невидимые для общества функции, они становятся воплощением тех социальных процессов, которые принято игнорировать, несмотря на их фундаментальное значение для функционирования социума. Эта парадоксальная ситуация, где социальная значимость труда обратно пропорциональна его социальному признанию, приводит к стигматизации, когда работники

сталкиваются с социальным неодобрением и отчуждением, подчеркивая тем самым структурную и моральную неоднозначность современного общества.

Такое напряжение между необходимостью и отторжением выявляет ключевую проблему, связанную с коллективным вытеснением «неприятных» аспектов социальной реальности. Аналогично тому, как согласно Юнгу, игнорирование и непонимание собственной Тени приводит к разладу личности и возможному психозу, так и отрицание коллективной Тени посредством стигматизации определённых видов труда может привести к дезинтеграции общества и усилению социальных конфликтов. Юнг пришел к выводу, что бесполезно отрицать Тень или пытаться ее подавить. Человек должен найти пути жить в тёмной стороне своей личности, от этого часто зависит его психическое и ментальное здоровье. Принятие тени требует значительных моральных усилий и часто разрушает идеалы, но только потому, что они слишком завышены или основаны на иллюзии [12, с. 16]. В этом контексте стигматизация труда предстает как своеобразный механизм социального отрицания, через который общество пытается вытеснить собственные уязвимости, противоречия и несовершенства, проецируя их на маргинализованные социальные группы.

Однако, стигматизированный труд, являясь проявлением коллективной Тени, в то же время несет в себе потенциал для социальных изменений. Признание того, что социальная девальвация определенных профессий обусловлена не их объективной «нечистотой», а проекцией коллективных страхов и предрассудков, открывает путь к переоценке социальных норм и ценностей. Как отмечалось ранее, преодоление этих предубеждений и признание ценности «непривлекательного» труда требует от общества сознательных усилий и готовности принять свою коллективную Тень. Стигматизированный труд как зеркало, отражающее «неудобную правду» о зависимостях, неравенстве и противоречиях, заставляет общество искать пути решения этих проблем, а не игнорировать их. Таким образом, обращение к вопросам стигматизации и невидимости трудовых ролей не только необходимо для социальной справедливости, но и представляет собой важный шаг к более глубокому пониманию человеческой природы и взаимосвязей в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ловаков А. В. Когнитивные и поведенческие стратегии преодоления эффекта грязной работы // Социальная психология и общество. 2013. Т. 4, № 3. С. 153–162.
2. Dirty work, dirty worker? Stigmatisation and coping strategies among domestic workers / K. Bosmans, S. Mousaid, N. De Cuypere et al. // J. of Vocational Behavior. 2016. Vol. 92. P. 54–67. DOI: 10.1016/j.jvb.2015.11.008.
3. Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / пер. А. Чечиной. М.: АСТ, 2019.
4. Donnellon A., Gray B., Bougon M. Communication, Meaning, and Organized Action // Administrative Science Quarterly. 1986. Vol. 31, no. 1. P. 43–55. DOI: <https://doi.org/10.2307/2392765>.
5. Экзистенциализм // Интернет-энциклопедия философии. URL: <https://iep.utm.edu/existent/#SH2a> (дата обращения: 27.10.2024).
6. Кронгауз М. А. Интервью о социальных табу // Новый компаньон. 05.09.2018. URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-4851133.html> (дата обращения: 27.10.2024).
7. Hughes E. Men and Their Work. Glencoe, IL: Free Press, 1958.
8. Batista A. S., Codo W. Dirty Work and Stigma: Caretakers of Death in Cemeteries // Revista de Estudios Sociales. 2018. № 63. P. 72–83. DOI: <https://doi.org/10.7440/res63.2018.06>.
9. Dirty Work / R. Simpson, N. Slutskaya, S. Lewis, H. Höpfl. Bingley: Emerald Group Publishing, 2012.

10. Rabelo V. C., Mahalingam R. "They really don't want to see us": How cleaners experience invisible 'dirty' work // *J. of Vocational Behavior*. 2019. Vol. 113. P. 103–114. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2018.10.010>.

11. Messing K. Hospital trash: Cleaners speak of their role in disease prevention // *Medical Anthropology Quarterly*. 1998. Vol. 12, iss. 2. P. 168–187. DOI: 10.1525/maq.1998.12.2.168.

12. Ясникова Е. Е., Цилли Е. И. Биологические основы личности: метод. указания / Иркутск: ИГМУ, 2012.

Информация об авторе.

Щеглов Алексей Константинович – аспирант кафедры философии Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, ул. 1-я Красноармейская, д. 1, Санкт-Петербург, 190005, Россия. Автор четырех научных публикаций. Сфера научных интересов: достойный труд, осмысленная работа.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 04.02.2025; принята после рецензирования 14.02.2025; опубликована онлайн 19.06.2025.*

REFERENCES

1. Lovakov, A.V. (2013), "Cognitive and Behavioral Strategies in Overcoming Effects of Dirty Work", *Social Psychology and Society*, vol. 4, no. 3, pp. 153–162.

2. Bosmans, K., Mousaid, S., De Cuyper, N. et al. (2016), "Dirty work, dirty worker? Stigmatisation and coping strategies among domestic workers", *J. of Vocational Behavior*, vol. 92, pp. 54–67. DOI: 10.1016/j.jvb.2015.11.008.

3. Jung, C.G. (2019), *Die Archetypen und das Kollektive Unbewusste*, Transl. by Chechina, A., AST, Moscow, RUS.

4. Donnellon, A., Gray, B. and Bougon, M. (1986), "Communication, Meaning, and Organized Action", *Administrative Science Quarterly*, vol. 31, no. 1, pp. 43–55. DOI: <https://doi.org/10.2307/2392765>.

5. "Existentialism", *Internet Encyclopedia of Philosophy*, available at: <https://iep.utm.edu/existent/#SH2a> (accessed 27.10.2024).

6. Krongauz, M.A. (2018), "Interview about social taboos", *New Companion*, 09.05.2018, available at: <https://www.newsko.ru/articles/nk-4851133.html> (accessed 27.10.2024).

7. Hughes, E. (1958), *Men and Their Work*, Free Press, Glencoe, IL, USA.

8. Batista, A.S. and Codo, W. (2018), "Dirty Work and Stigma: Caretakers of Death in Cemeteries", *Revista de Estudios Sociales*, no. 63, pp. 72–83. DOI: <https://doi.org/10.7440/res63.2018.06>.

9. Simpson, R., Slutskaya, N., Lewis, S. and Höpfl, H. (2012), *Dirty Work*, Emerald Group Publishing, Bingley, UK.

10. Rabelo, V.C. and Mahalingam, R. (2019), "They really don't want to see us": How cleaners experience invisible 'dirty' work", *J. of Vocational Behavior*, vol. 113, pp. 103–114. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2018.10.010>.

11. Messing, K. (1998), "Hospital trash: Cleaners speak of their role in disease prevention", *Medical Anthropology Quarterly*, vol. 12, iss. 2, pp. 168–187. DOI: 10.1525/maq.1998.12.2.168.

12. Yasnikova, E.E. and Tsilli, E.I. (2012), *Biologicheskie osnovy lichnosti* [Biological foundations of personality], ISMU, Irkutsk, RUS.

Information about the author.

Aleksei K. Shcheglov – Postgraduate at the Department of Philosophy, Baltic State Technical University «ВОЕНМЕХ» named after D.F. Ustinov, 1st Krasnoarmeyskaya str., St Petersburg 190005, Russia. The author of 4 scientific publications. Area of expertise: decent labour, meaningful work.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 04.02.2025; adopted after review 14.02.2025; published online 19.06.2025.*

Оригинальная статья
УДК 1; 303.01; 001.5
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-3-29-40>

Этничность имеет значение: апология познавательных возможностей конструктивизма

Ольга Алексеевна Персидская¹✉, Анна Анатольевна Изгарская²

^{1,2}Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

¹✉ olga_alekseevna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6821-4692>

²aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>

Введение. Область исследования этничности в современных антропологии, этнографии, этнологии и этносоциологии рассматривается через противостояние основных познавательных позиций, примордиализма и конструктивизма. Цель статьи состоит в обобщении и попытке опровержения критики, направленной на конструктивизм, а также в выстраивании перспективы синтеза конструктивистской и примордиалистской исследовательских позиций.

Методология и источники. Обобщена существующая критика конструктивизма. Сформулированы четыре тезиса, на основании которых эта критика выстраивается: слабость онтологических позиций, сведение этнического к области индивидуального, смешение дефиниций собственно этнического с другими социальными категориями, акцент на управляемости этнических процессов. Эти тезисы последовательно подвергаются анализу, в результате чего осуществляется апология конструктивизма.

Результаты и обсуждение. Показано, что конструктивизм имеет оригинальную онтологию, выстроенную на основе трактовки этничности как типа социальных отношений. Рассмотрены ключевые объекты исследования конструктивизма – этничность, граница и система классификации (категоризации), позволяющие обращаться к коллективному измерению теоретической модели этничности, не замыкаясь на индивидуальных процессах. Приводится пример модели исследования в конструктивизме, показывающий, что роль этничности в социальных процессах остается значимой и самостоятельной категорией познания. Наконец, делается различие между онтологическим и эпистемологическим статусами этничности в конструктивизме, которое позволяет заключить, что эпистемологическая позиция конструктивизма не связана с характеристикой сути этничности, а поэтому не может быть использована как основание для заключения о податливости этнических процессов внешнему управлению.

Заключение. Предпринятая апология конструктивизма позволяет сделать заключение, что гибкость конструктивистской парадигмы оставляет возможность для приспособления наук об этничности к состоянию современного общества. Намечается перспектива интеграции примордиализма и конструктивизма через рассмотрение их как явлений, связанных рефлексивной симметрией.

Ключевые слова: конструктивизм, примордиализм, этничность, этническая граница, социально-философские основания, методологические основания

© Персидская О. А., Изгарская А. А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Персидская О. А., Изгарская А. А. Этничность имеет значение: апология познавательных возможностей конструктивизма // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 3. С. 29–40. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-29-40.

Original paper

Ethnicity Matters: An Apology for the Cognitive Potentials of Constructivism

Olga A. Persidskaya¹✉, Anna A. Izgarskaya²

^{1, 2}*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia*

¹✉ olga_alekseevna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6821-4692>

²aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>

Introduction. The field of ethnicity research in modern anthropology, ethnography, ethnology and ethnosociology is considered through the confrontation of the main cognitive positions, primordialism and constructivism. The purpose of the article is to generalize and to refute the criticism directed at constructivism, as well as to build a perspective for the synthesis of constructivist and primordialist research positions.

Methodology and sources. This is a summary of the critique of constructivism to date. Four theses of this criticism are formulated: the faintness of its ontology, the reduction of ethnicity to the individuality, the confusion of definitions of ethnicity with other social categories, and the emphasis on the controllability of ethnic processes. An apologia for constructivism is the result of a consistent analysis of these theses.

Results and discussion. It is shown that constructivism has an original ontology based on the interpretation of ethnicity as a type of social relations. The key research objects of constructivism – ethnicity, boundary and classification (categorization) system – are considered, allowing to address the collective dimension of the theoretical model of ethnicity, without closing in on individual processes. An example of a research model in constructivism is presented, showing that the role of ethnicity in social processes remains a meaningful and independent category of cognition. Finally, a distinction between the ontological and epistemological status of ethnicity in constructivism is made, which allows us to conclude that the epistemological position of constructivism is not related to the characterization of the essence of ethnicity, and therefore cannot be used as a basis for concluding that ethnic processes are malleable to external control.

Conclusion. This apologia of constructivism allows us to conclude that the flexibility of the constructivist paradigm makes it possible to adapt the sciences of ethnicity to the state of modern society. The prospect of integrating primordialism and constructivism by considering them as phenomena linked by reflexive symmetry is outlined in the conclusion.

Keywords: constructivism, primordialism, ethnicity, ethnic boundary, socio-philosophical foundations, methodological foundations

For citation: Persidskaya, O.A. and Izgarskaya, A.A. (2025), "Ethnicity Matters: An Apology for the Cognitive Potentials of Constructivism", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 3, pp. 29–40. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-29-40 (Russia).

Группы, которые либо опираясь на сходство внешнего облика или обычаев, или того и другого вместе, либо на почве воспоминаний о колонизации или переселении лелеют субъективную веру в единство своего происхождения и стремятся на этом основании к созданию общности, мы будем называть (если только они не представляют собой роды) этническими группами, причем не важно, существует ли единство крови объективно.

Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии

Наука не может жить без самосознания, она постоянно говорит о своих границах, об отношениях с другими науками, о принципах, которые она кладет в основание своих построений.

Розов М. А. Проблемы эмпирического анализа научного знания

Введение. Поворот к конструктивизму, ознаменованный выходом в 1969 г. под редакцией Ф. Барта монографии «Этнические группы и границы: социальная организация культурных различий» [1], привнес в область антропологических и этнографических наук, традиционно занимавшихся этничностью, значительное влияние социологического подхода. Таким образом была актуализирована трактовка этничности в веберовском ключе. С точки зрения социальной философии смысл этого поворота заключался в том, что была предложена новая онтология для исследования области, связанной с этническими процессами: постулировалось, что в основе этнической группы лежит не сумма объективных культурных черт, как считалось раньше, а определенный тип организации социальных отношений. Появление новой онтологии, а вместе с тем и нового направления в исследовании этничности, не могло остаться незамеченным в науке. Конструктивизм подвергся острой критике, суть которой заключалась в том, что данный подход не способен обеспечить достаточное основание для исследования этничности.

Методология и источники. Систематизация обширной критики конструктивизма в трудах современных авторов позволяет получить четыре группы связанных между собой замечаний. Сформулируем их кратко. Во-первых, поскольку конструктивизм отказывается рассматривать этнос как реально существующий предмет научного анализа, то он деонтологизирует его, однако не предлагает взамен собственной онтологии (см., например, [2, с. 48; 3, с. 90; 4, с. 100]). Во-вторых, конструктивизм ориентирован на личность, а значит, сводит этничность к идентичности отдельного человека, при этом коллективное измерение этничности утрачивается (см., например, [5, с. 143, 145; 6, с. 203, 210; 4, с. 100]). В-третьих, конструктивизм закладывает исследовательскую перспективу, при которой дефиниции этничности смешиваются с другими социальными категориями. Такое смешение в оптике конструктивизма ведет этничность к угасанию как явления, к утрате значения при описании социальных процессов и, соответственно, самого статуса предмета исследования (см., например, [7, с. 160]). В-четвертых, конструктивизм подразумевает податливость личности влиянию сторонних акторов (например, политических субъектов) в отношении фор-

мирования идентичности, т. е. открывает перспективу управления этническими процессами и трансформациями (вплоть до уничтожения) характерных для конкретного этноса черт (см., например, [8, с. 13, 15; 9, с. 128; 4, с. 100]).

Признавая необходимость и обоснованность критической позиции по отношению к социально-философским основаниям конструктивизма, предпримем попытку его апологии, обозначив ряд оснований, которые в перспективе позволят интегрировать познавательные позиции примордиализма и конструктивизма, часто рассматриваемые как конкурирующие. Попытка интеграции познавательных позиций этих двух подходов видится возможной с опорой на получивший распространение в западной научной традиции тезис о взаимодополняемости теоретических конструкций марксизма, который, в частности, формирует основания отечественной этносоциологической школы (см., например, [10]), и веберовской традиции в социологии (М. Манн, Т. Сточпол, Ч. Тилли, Р. Коллинз) [11, с. 30–31].

Результаты и обсуждение. *Онтология этничности в конструктивизме.* Действительно ли конструктивизм деонтологизирует понятие «этнос» («этническая группа») и не создает взамен новой оригинальной онтологии? Попытаемся показать, что положительный ответ на этот вопрос является результатом существенного упрощения конструктивизма.

Следует подчеркнуть, что поворот к конструктивизму действительно был отказом от простого «овеществления» и объективации этноса, но это не означало, что его представители не предложили новой онтологии. Отказавшись видеть онтологию в сумме «объективных» с позиции примордиализма культурных черт, они предложили в качестве онтологических оснований тип организации социальных отношений, который возникает как феномен «на почве воспоминаний» и субъективной веры в единство [12, с. 72]. Так, например, философская позиция конструктивиста Р. Брубейкера выражена в понимании этнических феноменов как способов «восприятия, интерпретации и представления социального мира. Они – не вещи-в-мире, а точки зрения на мир». Эвристически значимый методологический ход, позволяющий наполнить абстрактные категории «восприятие», «интерпретация» и «представление» конкретным содержанием, состоит в том, что Р. Брубейкер раскрывает их как «системы классификации, категоризации и идентификации – формальные и неформальные». Эти системы «включают подразумеваемое, само собой разумеющееся фоновое знание, воплощенное в людях и встроенное в институциональную рутину и практики, через которые люди осознают и воспринимают предметы, места, лица, действия и ситуации как этнически, расово или национально окрашенные или значимые» [13, с. 42]. Р. Брубейкер, таким образом, не отказывает этническим феноменам в праве на реальное существование. Однако следует понимать, что речь идет о реальности иного рода, нежели реальность субстанционально сущего. Эта реальность создается, производится или, используя метафору Р. Брубейкера, «кристаллизуется» [13, с. 43] в идентификациях, системах категоризаций (классификаций), а также проявляется (или не проявляется, т. е. остается латентной) в ситуациях взаимодействия.

Онтология этой реальности может быть определена в духе П. Бурдьё через опору на социальные взаимодействия, пространство позиций, связей и структур: «Социальная реальность ... представляет собой сеть невидимых связей, образующих пространство, складывающееся из внешних по отношению друг к другу позиций, характеризующихся соотноше-

нием друг с другом, – близостью, соседством или удалённостью, – а также взаимным расположением в пространстве относительно друг друга – выше- или нижестоящим, промежуточным или срединным. <...> Поддающиеся наблюдению и регистрации “ощутимые” взаимодействия, которые субъекты считают значимыми в эмпирическом плане, маскируют реализующиеся в них структуры. Это как раз один из тех случаев, когда видимое, непосредственно данное, заслоняет детерминирующее его невидимое» [14, с. 139–140].

Если раньше в центре внимания исследователей были народы и культуры как целостные онтологически реальные объекты, то вследствие утверждения конструктивистской онтологии фокус внимания смещается к системам категоризации (классификации) и идентификации как ключевым способам установления этничности; часто в современных конструктивистских исследованиях этничность фиксируется через связанный с ней объект – границы этнической группы¹.

Подчеркнем, речь идет именно о переключении фокуса исследовательского внимания, а не о том, что этническая группа как предмет исследования перестает существовать. Это переключение фокуса внимания подразумевает лишь то, что комплексная характеристика черт, фиксирующих общность и гомогенность этноса (этнической группы), является если не нерешаемой, то крайне сложной задачей. Фиксируя это затруднение, Е. А. Варшавер пишет, что «самая же большая проблема состояла в невозможности выделить единственный, воспроизводящийся от контекста к контексту признак, определяющий такие² группы. Язык? Общность хозяйственной жизни? Наименование? Общность территории? Эти и другие признаки причудливым образом комбинировались от контекста к контексту, и всегда находились исключения, в рамках которых люди, называвшиеся одинаково, не вели совместное хозяйство и не жили на одной территории, а называвшиеся по-разному говорили на одном языке и так далее» [18, с. 33]. В то же время границы, задающие пределы этого неуловимого предмета, как оказалось, могут быть зафиксированы как через этнические системы категоризации (классификации), так и через последствия действий и отношений, складывающихся под воздействием этих систем. Этим и была обоснована, как мы считаем, замена ключевого предмета в конструктивистском подходе. В свете приведенных аргументов тезис о том, что, деонтологизируя этнос, конструктивизм не предлагает взамен собственной онтологии, видится несостоятельным.

Коллективное измерение теоретической модели этничности в конструктивизме. Онтология задает основное содержание и взаимосвязи понятий в теоретических конструкциях. Например, теоретические модели примордиалистов, как правило, строятся на постулате о существовании этнической группы как явления материального мира³. Данная онтология предопределяет последовательность научного анализа. Во-первых, этническая группа изначально задается в качестве базовой категории и служит основанием для построения объяснительной модели и, соответственно, результатов интерпретации исследуемого с ее помо-

¹ См. ранние идеи в сборнике «Этнические группы и границы...», вышедшем под редакцией Ф. Барта [1], а также их современные интерпретации, обобщенные в изданиях под редакцией К. Чандра [15] и Т. Эриксона и М. Якубенека [16]. Достаточно радикальное развитие этих идей предлагает Дж. Нагель [17].

² Здесь – этнические.

³ См., например, базовые работы, обосновывающие примордиалистскую парадигму [10, 19–21].

стью явления или процесса. Во-вторых, предполагается, что этническая группа, обладающая внутренней гомогенностью, может быть охарактеризована через совокупность общих для нее ценностно-нормативных характеристик. В-третьих, зачастую именно специфические для группы ценностно-нормативные характеристики рассматриваются как фактор, имеющий влияние на уровень социального, политического и экономического развития общества (в явной форме такая позиция обнаруживается, например, у Л. Харрисона и С. Хантингтона [22]).

Острота критики конструктивизма вызвана не только неприятием его онтологических оснований и понятийного аппарата, но и особенностями вытекающей из них логики построения основной теоретической модели, которая в корне отличается от изложенной. Из анализа способов категоризации (классификации) и стратегий взаимодействия складывается представление о наличии/отсутствии этнической границы, и далее осуществляется переход к выявлению некоторой совокупности, которая объединена не столько внутренней целостностью и гомогенностью, сколько способом отделения себя от других подобных совокупностей. При этом ошибочно полагать, что конструктивизм отрицает внутригрупповую целостность. В конструктивизме эта целостность выявляется через общее «фонное знание» (по Р. Брубейкеру) или этнический габитус (если использовать термин П. Бурдьё⁴), которые обеспечивают не столько внутреннюю ценностно-нормативную гомогенность, сколько основу для систем категоризации и общих паттернов действий. В целом конструктивизм каждый раз как бы заново изобретает этничность, выводя ее из особенностей выстраивания границ, систем идентификации и категоризации (классификации), сетевых взаимодействий и схожих габитусов. Это заключение позволяет подвергнуть сомнению второй тезис критиков конструктивизма о том, что конструктивизм ориентирован на личность, а значит, сводит этничность к волеизъявлению отдельного человека, при этом утрачивая ее коллективное измерение.

Роль этничности в социальных процессах. Методология конструктивизма обеспечивает ряд преимуществ. Во-первых, она позволяет избежать то, что Н. Г. Шиллер, А. Чаглари Т. Гульдбрансен назвали «этнической линзой интерпретации» [27], а именно всеобъемлющей ловушки, связанной с соблазном наделять этничность самостоятельным объяснительным потенциалом, согласно которому нечто происходит, потому что такова природа характеристик конкретной этнической группы или таково определяющее действие некоторого этнического фактора. Во-вторых, такая логика построения модели позволяет рассматривать этничность не как статичную категорию, а как категорию с меняющимся содержанием в зависимости от устанавливаемых границ. В-третьих, конструктивистская методология дает возможность ответить на вопрос, почему в ряде случаев этнические акторы (как индивиды, так и группы) структурируют лояльность и выстраивают свои социальные взаимодействия с учетом этнического фактора, а в других случаях этническая принадлежность является фоновым атрибутом, который не оказывает значительного влияния на восприятие и поведение людей. Наконец, укажем, что рассмотрение этничности через призму различающихся этнических габитусов может быть использовано для объяснения расхождений в интерпретации и вызванных ими противоречий и конфликтов, т. е. обращаться к эмпирическому полю ан-

⁴ Использование этого термина при анализе этнических феноменов в частности и в более общем теоретическом ключе – обращение к наследию П. Бурдьё в понимании этничности – допустимо и эвристически оправдано, это показано в работах Н. С. Розова [23], Г. Бенгли [24] и А. Виммера [25, 26].

тропологии, этнологии, этнографии и этносоциологии, но отвечать на осевые для этих дисциплин вопросы исходя из собственных теоретических конструкций.

Проиллюстрируем развертывание логики конструирования модели, используя в качестве примера статью А. Виммера «Имеет ли этничность значение? Формирование повседневных групп в трех швейцарских иммигрантских кварталах» [28], и покажем необоснованность опасений об утрате этничностью значения при описании социальных процессов. А. Виммер отталкивается от понятия «габитус» П. Бурде, которое раскрывает как набор когнитивных схем, организованных в сети значений. К характеристикам среды, которые порождают габитус, А. Виммер, в соответствии с логикой П. Бурдьё, относит количество и качество экономического, социального, культурного и символического капиталов. Когнитивная схема, в свою очередь, продуцирует 1) системы категоризаций (классификаций) и 2) стратегии действия. Исследование выполнено методом интервью с жителями иммигрантских районов, расположенных вблизи городов Базель, Берн и Цюрих. Всего было взято 77 интервью. В основе конструирования когнитивных схем лежала интерпретация дискурсов информантов.

А. Виммеру удалось выявить «схему порядка» как центральную когнитивную схему, вокруг которой организована жизнь пригорода. Функционирование этой схемы предполагает поддержку в общественных и личных пространствах чистоты и тишины, а также пунктуальность и сохранение стабильности социальных связей внутри микрорайона. Эта схема воспроизводится в основном старожилками, к которым себя относят швейцарцы старшего поколения, и гастарбайтерами первой волны. Здесь выстраивается достаточно простая система классификации: старожилы как хранители порядка противопоставляют себя молодым швейцарцам, недавно прибывшим беженцам, а также иммигрантам второй и последующих волн, которых считают нарушителями этого порядка, т. е. отличающимися от себя. Нарушители схемы порядка классифицируются старожилками как источник беспорядка, неприличия, насилия и нечистоплотности; также в вину им ставится то, что некоторые из них наживаются на системе социального обеспечения. Именно это различие возводит границу между условными «своими» и «чужими». Хранители схемы порядка имеют определенные материальные выгоды от ее поддержки: «те, кто после долгих лет поддержания порядка доказал свою принадлежность к избранным, могли переехать на более высокие этажи, в более спокойные квартиры с лучшей инфраструктурой и т. д.» [28, р. 9], т. е. могут перевести свой символический капитал в иные формы. И именно на эту центральную схему порядка накладываются второстепенные когнитивные схемы, в том числе те, что имеют этническую составляющую. Так, турецкие иммигранты, долгое время живущие в Швейцарии, проводят границу между собой и недавно приехавшими турками, так как последние, по их мнению, представляют угрозу схеме порядка и тем самым могут уменьшить с трудом завоеванный ими в свое время «капитал “приличия”» (capital of ‘decency’). Так возникает граница между турками-старожилками и турками-новоселами. Интересно, что итальянские иммигранты конвенциональной схеме порядка противопоставляют собственную конкурирующую схему с культурно-этнической составляющей, в которой беспорядок переоценивается как латинское искусство импровизации, спонтанности и сердечности. При этом конкурирующая схема открыта для широкого круга испанских, португальских, греческих и

т. д. иммигрантов, что существенно расширяет границы «мы», включая не только итальянцев, но всех южных европейцев.

В статье приводятся лишь некоторые выводы исследования А. Виммера и остаются в стороне как описание иных когнитивных схем, так и связанные с ними системы категоризаций и стратегий действия. Но даже это краткое изложение позволяет понять, как работает логика конструктивизма: она не постулирует этничность в качестве первичного принципа социальной организации, но и не исключает, что паттерн формирования групп и отношений между ними складывается под воздействием в том числе этнического фактора. Исследование, таким образом, направлено на рассмотрение и описание механизма функционирования этничности в сложном, этнически неоднородном современном обществе. Такой подход позволил А. Виммеру положительно ответить на вопрос, который он вынес в название своей статьи. Также этот пример противостоит третьему тезису, направленному на критику конструктивизма: что оптика конструктивизма задает перспективу, при которой этнические признаки смешиваются с другими социальными категориями, стираются, угасают, и этничность теряет собственное уникальное значение.

Эпистемологическая позиция конструктивизма. Четвертый тезис критики конструктивизма подразумевает податливость личности в отношении конструирования ее этнической идентичности сторонними акторами, открывая этим перспективу управления этническими процессами. В отношении этого тезиса следует подчеркнуть, что он является результатом недостаточного внимания к различению онтологического и эпистемологического взглядов на этничность. Риторика, обобщенная в четвертом тезисе, содержит критику онтологического по своей сути утверждения, приписываемого конструктивизму, что природа этничности нестабильна и эфемерна, а значит, ею можно управлять. Но зачастую такая критика не учитывает, что это утверждение является выводом не из понимания природы этнического, а из эпистемологической позиции конструктивистского подхода, которая состоит в том, что социальные формы, в том числе этнические габитусы и категоризации, создаются и трансформируются в процессе повседневных социальных взаимодействий. Эта эпистемологическая позиция конструктивизма не связана с какой бы то ни было характеристикой сути этничности. Соответственно, четвертый тезис критики следует пересмотреть.

Гибкость конструктивистской парадигмы позволяет приспособлять науки об этничности к состоянию современного общества, где миграционные потоки радикально смешивают и сталкивают представителей разных этнических идентичностей и где чрезвычайно сложно говорить об однородных, интегрированных этнических группах, длительное время проживающих на одной территории, говорящих на одном языке и придерживающихся похожих культурных практик. Теория и методология конструктивистского подхода обеспечивают основание для включения этнической проблематики в рассмотрение современных социально неоднородных, сложных, изменяющихся обществ и позволяют наполнять этничность собственным переосмысленным значением и значимостью.

Таким образом, конструктивизм в исследовании этнических феноменов имеет собственную онтологию, логическую последовательность построения теоретических конструкций и структуру ключевых объектов исследования. В качестве онтологии он использует трактовку этничности как определенного, специфического типа социальных отноше-

ний, выстраивает систему объектов исследования на основе понятий этничности и границ, а также формирует свое понимание этничности через обращение к системам категоризаций (классификаций). При этом ясно, что конструктивистская оптика не редуцирует этничность только лишь к фантомам индивидуального сознания. Напротив, наше разъяснение онтологии этничности в рамках конструктивистского подхода позволяет говорить о том, что она не сводится к ситуативному волеизъявлению отдельной личности, но показывает, что у этничности имеется как коллективное основание (фоновое знание и габитус), так и объективное измерение (системы категоризаций (классификаций)). Разумеется, представленное обобщение социально-философских оснований конструктивистской парадигмы в науках об этничности не претендует на исчерпывающую полноту, но открыто к дополнениям и доработке, а также к критике и изменению.

Заключение. Конструктивизм и примордиализм на сегодняшний день являются противоположными познавательными позициями. Философские основания примордиализма выстроены с опорой на категории внешнего, объективного и коллективного, а конструктивизм, напротив, делает акцент на категории внутреннего, субъективного и индивидуального (но не ограничивается ими). Существование такой противоположности позволяет предположить, что бóльшим эвристическим потенциалом обладает не противопоставление этих двух подходов как конкурирующих парадигм, а рассмотрение их как явлений, связанных рефлексивной симметрией (в терминах М. А. Розова) [29]. В качестве основания для описания рефлексивной симметрии примордиализма и конструктивизма может выступить категория деятельности, получившая разработку в отечественной философской традиции, в отечественной науке, в частности, в психологии, в культурно-исторической концепции и школе Л. С. Выготского. Это позволит преодолеть дихотомию индивидуального человеческого сознания и коллективного социального бытия, установить взаимосвязь внутреннего и внешнего, описать индивидуальные классификации и категории как продукты исторического развития общества. Решение этой задачи требует отдельного исследования и написания следующей статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Barth F. *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference*. Boston: Little, Brown and Company, 1969.
2. Вахитов Р. Р. Критика этноконструктивизма в свете споров о природе идеального // Вестн. МГУКИ. 2020. № 1 (93). С. 47–59. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10106.
3. Данакари Р. А. Этническое бытие (опыт социально-философского и политического исследования). Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2015.
4. Семенов Ю. И. Торопиться с заупокойной молитвой по этносу вряд ли стоит (об основных идеях книги В. А. Тишкова «Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии»). М., 2004 // Философия и общество. 2006. Вып. 2 (43). С. 94–106.
5. Попков Ю. В. «Почва» в этничности: традиции отечественного народоведения в испытании «перестройкой» и постмодернизмом (постановка проблемы) // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 137–153. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.8>
6. Попков Ю. В. Этнокультурный неотрадиционализм: рефлексивно-интеграционная теоретическая модель // Этнография. 2023. № 3 (21). С. 203–223. DOI: 10.31250/2618-8600-2023-3(21)-203-223.
7. Заринов И. Ю. Антропологическое нашествие // Respublica Literaria. 2023. Т. 4, № 4. С. 155–167. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.155-167.

8. Ламажаа Ч. К. Человек этнический: проблемы конструирования // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 4. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/555> (дата обращения: 21.02.2024.). DOI: 10.17805/ggz.2017.4.2.

9. Мареева Е. В., Анисимова А. М. Споры об этническом и национальном и трансформация культуры народов Северного Кавказа // Вестн. МГУКИ. 2017. № 4 (78). С. 122–134.

10. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.

11. Изгарская А. А. Пространство социальных отношений в геополитическом и миросистемном измерениях. Внешние и внутренние факторы динамики современной России. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2012.

12. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4-х т. Т. 2. Общности / пер. с нем.; под общ. ред. Л. Г. Ионина. М.: Изд-во ВШЭ, 2017.

13. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд-во ВШЭ, 2012.

14. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть / пер. с фр. В. И. Иванова // THESIS. 1993. № 2. С. 137–150.

15. Chandra K. *Constructivist Theories of Ethnic Politics*, Oxford: Oxford Univ. Press, 2012.

16. Eriksen T. H., Jakoubek M. *Ethnic Groups and Boundaries Today. A Legacy of Fifty Years*. NY: Routledge, 2015.

17. Nagel J. *Constructing Ethnicity: Creating and Recreating Ethnic Identity and Culture* // *Social Problems*. 1994. № 41 (1). P. 152–176.

15. Варшавер Е. А. «Перестать пинать мертвую лошадь примордиализма»: актуальные повестки дня в конструктивистских исследованиях этничности // Социол. обозрение. 2022. Т. 21, № 3. С. 31–58. DOI: 10.17323/1728-192x-2022-3-31-58.

19. Широкогоров С. М. Этнографические исследования: в 2 кн. Кн. II. Этнос. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002.

20. Geertz C. *The Integrative Revolution: Primordial Sentiments and Civil Politics in the New States* // *Old Societies and New States: The Quest for Modernity in Asia and Africa*. NY: The Free Press, 1963. P. 105–157.

21. Shils E. *Primordial, Personal, Sacred and Civil Ties* // *British J. of Sociology*. 1957. № 8 (2). P. 130–145.

22. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Изд-во Моск. шк. полит. исслед. 2002.

23. Розов Н. С. К общей теории этнической динамики: геополитический престиж, роль институциональных элит и подкрепление габитусов в ритуалах // Общество и этнополитика: материалы VII Междунар. науч.-практ. интернет-конф., Новосибирск, 1 мая – 1 июня 2014 г. / СибАГС. Новосибирск, 2015. С. 18–27.

24. Bentley G. C. *Ethnicity and Practice* // *Comparative Studies in Society and History*. 1987. № 29 (1). P. 24–55.

25. Wimmer A. *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks*. Oxford (NY): Oxford Univ. Press, 2013. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199927371.001.0001>.

26. Wimmer A. *Die ethnische Dynamik in Mexiko und Guatemala* // *Ethnische Dynamik in der außereuropäischen Welt*. Zurich: Argonaut-Verlag, 1994. P. 251–294.

27. Schiller N. G., Çağlar A., Guldbrandsen T. C. *Beyond the ethnic lens: Locality, globality, and born-again incorporation* // *American Ethnologist*. 2006. № 33 (4). P. 612–633. DOI: 10.1525/ae.2006.33.4.612.

28. Wimmer A. *Does ethnicity matter? Everyday group formation in three Swiss immigrant neighbourhoods* // *Ethnic and Racial Studies*. 2004. Vol. 27, iss. 1. P. 1–36. DOI: <https://doi.org/10.1080/0141987032000147922>.

29. Розов М. А. Явление рефлексивной симметрии при познании деятельности // Теория познания: в 4 т. Т. 4. Познание социальной реальности / под ред. В. А. Лекторского, Т. И. Ойзермана. М.: Мысль, 1995. С. 105–123.

Информация об авторах.

Персидская Ольга Алексеевна – научный сотрудник Института философии и права СО РАН, ул. Николаева, д. 8, Новосибирск, 630090, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, этносоциология, миросистемный подход.

Изгарская Анна Анатольевна – доктор философских наук (2015), ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН, ул. Николаева, д. 8, Новосибирск, 630090, Россия. Автор 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, политическая философия, миросистемный подход, геополитика, философия образования.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 26.02.2025; принята после рецензирования 02.04.2025; опубликована онлайн 19.06.2025.

REFERENCES

1. Barth, F. (1969), *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference*, Little, Brown and Company, Boston, USA.
2. Vakhitov, R.R. (2020), "Criticism of ethnoconstructivism in the light of disputes about the nature of ideal", *The Bulletin of Moscow State Univ. of Culture and Arts*, no. 1 (93), pp. 47–59. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10106.
3. Danakari, R.A. (2015), *Etnicheskoe bytie (opyt sotsial'no-filosofskogo i politicheskogo issledovaniya)* [Ethnic existence (the experience of socio-philosophical and political research)], Izd-vo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANHiGS, Volgograd, RUS.
4. Semenov, Yu.I. (2006), "It's hardly worth being in haste with a requiem for ethnos. (On the basic Ideas of V.A. Tishkov's book "The requiem for ethnos. Researches on social and cultural anthropology", Moscow, 2004)", *Philosophy and Society*, no. 2 (43), pp. 94–106.
5. Popkov, Yu.V. (2023a), "Soil" in ethnicity: traditions of Russian ethnic studies as tested by "perestroika" and postmodernism (statement of the problem)", *The New Research of Tuva*, no. 1, pp. 137–153. DOI: 10.25178/nit.2023.1.8.
6. Popkov, Yu.V. (2023b), "Ethnocultural neotraditionalism: reflexive integrative theoretical model", *Ethnographia*, no. 3 (21), pp. 203–223. DOI: 10.31250/2618-8600-2023-3(21)-203-223.
7. Zarinov, I.Yu. (2023), "Anthropological Invasion", *Respublica Literaria*, vol. 4, no. 4, pp. 155–167. DOI: 10.47850/RL.2023.4.4.155-167.
8. Lamazhaa, Ch.K. (2017), "The Ethnic Man: The Issues of Construction", *The Horizons of Humanities Knowledge*, no. 4, available at: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/555> (accessed 21.02.2024). DOI: 10.17805/ggz.2017.4.2.
9. Mareeva, E.V. and Anisimova, A.M. (2017), "Disputes about the ethnic and national and transformation of north Caucasus people's culture", *Bulletin of the Moscow State Univ. of Culture and Arts*, no. 4 (78), pp. 122–134.
10. Bromlei, Yu.V. (1983), *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the theory of ethnicity], Moscow, Nauka, USSR.
11. Izgarskaya, A.A. (2012), *Prostranstvo sotsial'nykh otnoshenii v geopoliticheskom i mirosistem-nom izmereniyakh. Vneshnie i vnutrennie faktory dinamiki sovremennoi Rossii* [The space of social relations in geopolitical and world-system dimensions: external and internal factors of the dynamics of modern Russia], NSPU, Novosibirsk, RUS.
12. Weber, M. (2017), *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*, in 4 vol., vol. 2. *Generalities*, Transl. by Ionin, L.G., HSE Publishing House, Moscow, RUS.
13. Brubaker, R. (2012), *Ethnicity Without Groups*, Transl. by Borisova, I., HSE Publishing House, Moscow, RUS.

14. Bourdieu, P. (1993), "Espace social et pouvoir symbolique". Transl. by Ivanov V. I., *THESIS*, no. 2, pp. 137–150.
15. Chandra, K. (2012), *Constructivist Theories of Ethnic Politics*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK.
16. Eriksen, T.H. and Jakoubek, M. (2019), *Ethnic Groups and Boundaries Today. A Legacy of Fifty Years*, Routledge, NY, USA.
17. Nagel, J. (1994), "Constructing Ethnicity: Creating and Recreating Ethnic Identity and Culture", *Social Problems*, no. 41 (1), pp. 152–176.
18. Varshaver, E.A. (2022), "'Stop beating the dead primordial horse": actual agendas in the constructivist research of ethnicity"', *Sociological Review*, vol. 21, no. 3, pp. 31–58. DOI: 10.17323/1728-192x-2022-3-31-58.
19. Shirokogorov, S.M. (2002), *Etnograficheskie issledovaniya* [Ethnographic research], in 2 books, book two, *Ethnos*, Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, Vladivostok, RUS.
20. Geertz, C. (1963). "The Integrative Revolution: Primordial Sentiments and Civil Politics in the New States", *Old Societies and New States: The Quest for Modernity in Asia and Africa*, The Free Press, NY, USA, pp. 105–157.
21. Shils, E. (1957), "Primordial, Personal, Sacred and Civil Ties", *British J. of Sociology*, no. 8 (2), pp. 130–145.
22. Harrison, L. and Huntington, S. (2002), *Kultura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu* [Culture Matters: How Values Drive Social Progress], Mosk. shkola polit. issled., Moscow, RUS.
23. Rozov, N.S. (2015), "Toward a general theory of ethnic dynamics: geopolitical prestige, the role of institutional elites and the reinforcement of habitus in rituals", *Obshchestvo i etnopolitika* [Society and ethnopolitics], *Materials of the Seventh Int. Sci. and Practical Internet Conf.*, Novosibirsk, RUS, May 1 – June 1 2014, pp. 18–27.
24. Bentley, G.C. (1987), "Ethnicity and Practice", *Comparative Studies in Society and History*, no. 29 (1), pp. 24–55.
25. Wimmer, A. (2013), *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks*, Oxford Univ. Press, NY, USA. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199927371.001.0001>.
26. Wimmer, A. (1994), "Die ethnische Dynamik in Mexiko und Guatemala", *Ethnische Dynamik in der außereuropäischen Welt*, Argonaut-Verlag, Zurich, DEU, pp. 251–294.
27. Schiller, N.G., Çağlar, A. and Guldbrandsen, T.C. (2006), "Beyond the ethnic lens: Locality, globality, and born-again incorporation", *American Ethnologist*, no. 33 (4), pp. 612–633. DOI: 10.1525/ae.2006.33.4.612.
28. Wimmer, A. (2004), "Does ethnicity matter? Everyday group formation in three Swiss immigrant neighbourhoods", *Ethnic and Racial Studies*, vol. 27, iss. 1, pp. 1–36. DOI: <https://doi.org/10.1080/0141987032000147922>.
29. Rozov, M.A. (1995), "The phenomenon of reflexive symmetry in the analysis of activity", *Teoriya poznaniya: v 4 t. T. 4. Poznanie sotsial'noi real'nosti* [The theory of knowledge. Vol. 4. Cognition of social reality], in Lektorskiy, V.A. and Ojzerman, T.I. (eds.), *Mysl'*, Moscow, RUS. P. 105–123.

Information about the authors.

Olga A. Persidskaya – Research Officer, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, 8 Nikolaeva str., Novosibirsk 630090, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, ethnosociology, world-system approach.

Anna A. Izgarskaya – Dr. Sci. (Philosophy, 2015), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, 8 Nikolaeva str., Novosibirsk 630090, Russia. The author of 100 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, political philosophy, world-system approach, geopolitics, philosophy of education.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 26.02.2025; adopted after review 02.04.2025; published online 19.06.2025.

Оригинальная статья
УДК 141.3; 159.947.3
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-3-41-53>

Власть как совокупность уникальных переживаний: частные проблемы философско-правовой теории

Геннадий Константинович Демидов¹, Сергей Иванович Черных²✉

^{1, 2}Новосибирский государственный аграрный университет, Новосибирск, Россия

¹demidov-gk.d@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1823-8769>

²✉serg2560380@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6644-8295>

Введение. В статье рассматривается альтернативный подход к пониманию власти как сложного социально-правового и философского феномена. Предлагается отход от классической юридической трактовки власти, представляющей её как систему правовых норм, формирующих государственные институты и переход к пониманию власти как совокупности уникального опыта (переживаний), лежащего в основе формирования регулирующих правил.

Методология и источники. Исследование базируется на анализе работ П. Сорокина и использует философско-правовой подход для деконструкции традиционных представлений о власти. В качестве источников используются труды классиков социологии и философии права, а также современные исследования, посвященные феномену власти в различных социальных контекстах.

Результаты и обсуждение. Основной акцент сделан на анализе ключевых понятий, связанных с властью, таких как влияние, стремление к власти, подчинение, подавление воли и зависимость. Исследуется, как личный опыт переживания этих понятий, формирует индивидуальное и коллективное восприятие власти, а также влияет на создание и трансформацию социальных норм и правил.

Заключение. Делается вывод о принципиальном различии между властью, проявляющейся в повседневной жизни человеческого общества и функционирующей в институтах гражданского общества и государственной власти, определяемой и регулируемой существующей системой управления. Подчеркивается, что понимание власти как совокупности уникальных переживаний позволяет более глубоко осмыслить ее природу и последствия для социального порядка и индивидуальной свободы.

Ключевые слова: власть, государство, уникальные переживания, источники управления, регулирующие правила, философия права

Для цитирования: Демидов Г. К., Черных С. И. Власть как совокупность уникальных переживаний: частные проблемы философско-правовой теории // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 3. С. 41–53. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-41-53.

Original paper

Power as a Set of Unique Experiences: Particular Problems of Philosophical Legal Theory

Gennady K. Demidov¹, Sergey I. Chernykh²

^{1, 2}*Novosibirsk State Agricultural University, Novosibirsk, Russia*

¹*demidov-gk.d@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1823-8769>*

²*serg2560380@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6644-8295>*

Introduction. The article considers an alternative approach to understanding power as a complex socio-legal and philosophical phenomenon. It proposes a step away from the classical legal interpretation of power, which presents it as a system of legal norms that form state institutions, and a transition to understanding power as a set of unique experiences (experiences) that underlie the formation of regulatory rules.

Methodology and sources. The study is based on the analysis of the works of P. Sorokin and uses a philosophical and legal approach to deconstruct traditional ideas about power. The sources used are the works of classics of sociology and philosophy of law, as well as modern studies devoted to the phenomenon of power in various social contexts.

Results and discussion. The main focus is on the analysis of key concepts related to power, such as influence, desire for power, submission, suppression of will and dependence. It is investigated how personal experience of these concepts shapes individual and collective perceptions of power, and also influences the creation and transformation of social norms and rules.

Conclusion. A conclusion is made about the fundamental difference between power, manifested in the everyday life of human society and functioning in the institutions of civil society, and state power, determined and regulated by the existing system of governance. It is emphasized that understanding power as a set of unique experiences allows for a deeper understanding of its nature and consequences for social order and individual freedom.

Keywords: power, state, unique experiences, sources of governance, regulatory rules, philosophical rights

For citation: Demidov, G.K. and Chernykh, S.I. (2025), "Power as a Set of Unique Experiences: Particular Problems of Philosophical Legal Theory", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 3, pp. 41–53. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-41-53 (Russia).

Введение. Проблема власти, будучи фундаментальной для философии, права и социальные теории, на протяжении веков неизменно привлекала внимание мыслителей. Традиционно власть рассматривалась как институционализированный феномен, воплощенный в системе правовых норм и государственных органов. Эта классическая юридическая трактовка, уходящая корнями в работы таких авторитетов, как Ганс Кельзен («Чистое учение о праве»), представляла власть как пирамиду норм, вершиной которой считался Основной Закон, его основная норма, легитимизирующая всю правовую систему. В этом подходе главными определялись формальные институты, механизмы легитимности и принуждения, при этом вне внимания оставались субъективный опыт индивида, его переживания, связанные с властью.

Однако с развитием постклассической философии, психологии и социологии все более очевидной стала ограниченность подобного рационалистического подхода. Власть перестает быть исключительно объективным, внешним феноменом, а все более и более представляется как сложное переплетение различных институтов и, что особенно важно, индивидуальных

переживаний. Как справедливо отмечает Мишель Фуко в своих работах («Надзирать и наказывать», «Воля к знанию»), власть пронизывает все социальное пространство, проявляясь не только в вертикальных отношениях господства и подчинения, но и в практиках повседневной жизни, формируя наши представления о себе и об окружающем мире.

В этом смысле возникает необходимость ее переосмысления не только как системы правовых норм, но и как совокупности уникальных переживаний, формирующих основу регулирующих правил и социальных практик. Этот альтернативный подход предлагает сместить центр внимания с формальных институтов на субъективный опыт индивида, на его восприятие, осознание и переживание власти. Переход к подобной парадигме, не отрицая важности юридической трактовки, дополняет ее, обогащая специфику понимания особенностей власти и властеотношений, делая их более полными и многогранными.

Идея о значимости субъективного опыта в понимании власти не нова. Еще в работах русских религиозных философов, таких как Николай Бердяев («Философия свободы»), подчеркивалась важность духовного выбора и личной ответственности в отношении власти. Ученый утверждал, что власть, не опирающаяся на внутреннюю свободу и духовные ценности, неизбежно вырождается в тиранию. Федор Достоевский в своих произведениях глубоко исследовал психологические аспекты власти, показывая, как она влияет на моральный облик человека, провоцируя искушение вседозволенности и жестокости («Преступление и наказание», «Бесы»). В зарубежной литературе экзистенциальная философия, представленная Жаном-Полем Сартром и Альбером Камю, акцентировала внимание на индивидуальной свободе и ответственности в условиях абсурдности существования. Переживание бессмысленности и отчуждения, характерное для эпохи модерна, оказывает непосредственное влияние на восприятие власти, порождая бунт против любых форм угнетения и контроля. Анна Арендт, подвергая анализу феномен тоталитарной власти в работе «Истоки тоталитаризма», показала, как власть манипулирует сознанием людей, лишая их возможности критического мышления и индивидуального переживания.

Таким образом, предлагаемые к пониманию власти подходы как совокупности уникальных переживаний опираются на широкий спектр философских и социально-гуманитарных исследований, которые требуют отказа от упрощенных представлений о власти как исключительно внешней силе и предлагают углубиться в изучение субъективного опыта индивида, его переживаний, связанных с властью, ее восприятия и осознания ее влияния на свою жизнь. Только в этом случае мы сможем приблизиться к более полному и многогранному пониманию этого сложного социально-правового и философского феномена.

Методология и источники. В рамках исследования феномена власти как совокупности уникальных переживаний методология строится на философско-правовом подходе по примеру П. Сорокина, который стремился деконструировать общепринятые взгляды на власть. В качестве источников используются труды классиков социологии, таких как М. Вебер, видевший власть как вероятность реализации своей воли вопреки сопротивлению, и философии права Г. Кельзена, анализировавшего власть через призму нормативной системы. Такой подход позволяет, опираясь на идеи Н. Бердяева, рассмотреть власть не только как социальный институт, но и как феномен, глубоко укорененный в индивидуальном опыте и переживаниях. Современные исследования феномена власти в различных социальных контекстах

дополняют эту базу, позволяя сформировать многогранное понимание власти. Методологический синтез классических и современных работ вкупе с философско-правовым анализом является ключом к раскрытию частных проблем в понимании власти.

Результаты и обсуждение. Результаты исследования показывают, что субъективное переживание влияния, стремления к власти, подчинения, подавления воли и зависимости играют важную роль в формировании индивидуального и коллективного понимания власти, определяя отношение к социальным нормам и институтам. Аналитические изыскания в области переживаний позволяют углубить философско-правовую теорию, выявляя сложные взаимосвязи личного опыта и формирования властных отношений в обществе.

Однако постоянно возникающий вопрос о том, что такое власть, продолжает волновать умы многих ученых и имеет множество различных определений. При этом до сих пор в современной юридической литературе не найдено универсальное определение, применимое к любому конкретному случаю. К примеру, в одной из работ В. Е. Гусев систематизировал различные мнения о понятии власти и представил их как конвергенцию схожих по содержанию идей, заключив, что уникальность власти определяется ее природой [1]. По его мнению, власть представляет собой иллюзорный фантом, некую загадку, которую еще предстоит разгадать. С этим мнением сложно не согласиться. Многие исследователи соглашались с тем, что власть можно понимать как систему правовых норм, институционализированную в государственных органах и определяющую их компетенцию. Однако, внимание к индивидуальным переживаниям как источнику власти остаётся недостаточным. Представляется, что именно уникальный опыт отдельных индивидов формирует потребность в создании нормативной системы, регулирующей общественные отношения и обеспечивающей социальную стабильность.

Важно отметить, что понимание власти как совокупности переживаний не является чем-то новым. Оно было предложено еще в начале XX в. российским философом и политологом П. А. Сорокиным. Однако, несмотря на это, многие аспекты понимания власти как совокупности переживаний остаются недостаточно изученными. Это означает, что дальнейшие исследования в этой области могут привести к более глубокому пониманию власти и ее влияния на общество.

Российские философы и политологи предлагают различные подходы к пониманию власти как совокупности переживаний. Например, известный философ и политолог А. Дугин рассматривает власть как «энергию воли», которая проявляется в различных формах – от государственной власти до власти семьи или дружеского круга. Он считает, что власть – это не просто инструмент управления, но и источник энергии, который может быть использован как для созидания, так и для разрушения [2].

Другой российский философ и политолог, С. Градировский, предлагает свою версию социологического подхода к пониманию власти как совокупности переживаний. Он считает, что власть – это результат взаимодействия различных социальных групп и институтов, которые формируют определенные нормы и ценности. Эти нормы и ценности в свою очередь влияют на то, как люди воспринимают власть и как они к ней относятся [3].

Российские политологи часто обращают внимание на то, что власть как совокупность переживаний может быть как конструктивной, так и деструктивной. Конструктивная власть

способствует развитию общества, укреплению социальных связей и формированию позитивного восприятия власти. Деструктивная власть, напротив, может привести к конфликтам, разрушению социальных связей и формированию негативного восприятия власти.

В исследованиях В. Г. Богомякова и Р. А. Бурханова рассматриваются различные концептуальные подходы к пониманию природы власти через определения:

– реляционистского подхода (теории взаимозависимости и влияния), в котором власть рассматривается как межличностный и ситуативно-обусловленный процесс, возникающий в результате асимметричной взаимозависимости между индивидами или группами. Она проявляется не как статичное свойство субъекта, а как динамика влияния, в которой действия одного актора, обладающего большими ресурсами, знаниями, легитимностью и т. п., модифицируют поведение, убеждения или возможности другого актора. Ключевым элементом является восприятие власти как таковой и готовность подчиняться или принимать влияние. Этот подход подчеркивает важность договорных отношений, переговоров и коммуникации, где распределение власти влияет на исход процесса. Он также актуален в контексте трудового права и отношений «начальник–подчиненный», где правовая система пытается сбалансировать асимметрию власти. Реляционизм акцентирует внимание на этике ответственности и взаимного уважения в отношениях власти. Он ставит вопрос о легитимности власти и необходимости ее ограничения для защиты прав и свобод более слабых акторов;

– коммуникативного подхода, в котором власть понимается как способность формировать и направлять дискурс внутри институциональной среды с целью достижения консенсуса и социальной интеграции. Она реализуется через убеждение, аргументацию, создание общей идентичности и ценностей. Истинная власть заключается не в принуждении, а в умении создавать механизмы доверия и сотрудничества посредством эффективной коммуникации и трансляции норм. Этот подход важен для понимания законотворчества, публичного управления и роли СМИ в формировании общественного мнения. Законность определяется не только формальным соблюдением процедур, но и открытостью и прозрачностью процесса принятия решений, а также возможностью для граждан участвовать в дискуссии. Коммуникативный подход в философском контексте основывается на принципах рационального дискурса (Ю. Хабермас) и стремится к созданию идеального речевого сообщества, где все участники имеют равные возможности для выражения своего мнения и достижения взаимопонимания;

– постструктуралистского подхода (М. Фуко и П. Бурдьё), предопределяющего то обстоятельство, при котором власть рассматривается как вездесущая и имперсональная сеть дискурсивных практик и социальных структур, формирующих субъективность и определяющих границы возможного действия. Она не принадлежит конкретному субъекту и не может быть экспроприирована. Власть проявляется как дисциплинарный механизм, нормализующий поведение и производящий знания, а также как символическое насилие (П. Бурдьё), воспроизводящее социальное неравенство через навязывание определенных вкусов, ценностей и культурных кодов. Действие здесь выступает как сопротивление этим структурам, а не как прямая борьба за власть. Этот подход в юридическом смысле критически анализирует роль права как инструмента дисциплинирования и контроля, а также как механизм воспроизводства социального неравенства. Подчеркивается необходимость деконструкции правовых норм и практик для выявления скрытых отношений власти. При этом в философском

смысле, постструктурализм ставит под сомнение традиционные представления о субъекте, свободе воли и рациональности. Он акцентирует внимание на роли дискурса и социальных структур в формировании идентичности и поведения, а также на необходимости критического анализа властных отношений во всех сферах жизни;

– структурно-функционального и системного подходов, в которых власть рассматривается как необходимая функция социальной системы, обеспечивающая ее стабильность, интеграцию и достижение общих целей. Она распределена между различными институтами и ролями в соответствии с их функциональной значимостью. Власть определяется не только формальными полномочиями, но и социальным статусом, доступом к ресурсам и организационной структурой. Власть в организации предстает как механизм координации, а также способ распределения ресурсов и влияния. В юридическом контексте такой подход важен для понимания конституционного права, административного права и теории разделения властей. Правовая система рассматривается как инструмент поддержания социального порядка и разрешения конфликтов. Легитимность власти определяется ее эффективностью в выполнении своих функций и соответствием социальным потребностям. В философском определении структурно-функциональный подход определяется как склонный к консерватизму и оправданию существующего порядка вещей. Он может недооценивать роль конфликтов и социальных изменений. Критики отмечают опасность оправдания несправедливого распределения власти на основании ее функциональной необходимости;

– социологического подхода, определяемого в рамках марксистской теории, где власть рассматривается как инструмент классового господства, используемый экономически доминирующим классом (буржуазией) для эксплуатации и подавления других классов (пролетариата). Государство и право рассматриваются как надстройка над экономическим базисом, служащая интересам правящего класса. Власть проявляется через контроль над средствами производства, а также через идеологическое воздействие и принуждение. Марксизм, воспринимаемый с юридической точки зрения, критикует буржуазное право как инструмент легитимации классового неравенства и эксплуатации, подчеркивая необходимость революционного изменения общественных отношений и создания бесклассового общества, где власть будет принадлежать трудящимся. С философской точки зрения – основывается на материалистическом понимании истории и классовой борьбе как движущей силе социальных изменений, ставя вопрос о справедливости и равенстве в распределении ресурсов и власти, а также о необходимости освобождения от угнетения. Здесь становится необходимым четко представлять то обстоятельство, что эти подходы не являются взаимоисключающими. Они представляют собой различные перспективы на сложный феномен власти, которые могут быть использованы в комплексе для более глубокого понимания ее природы и проявлений [4].

В контексте человеческих взаимодействий основное и изначальное состояние власти можно увидеть в подчинении. Более конкретно – это чувство зависимости, которое, в отличие от чувства властвования, более знакомо и доступно каждому. Например, там, где отсутствует подчинение, нет и властвующих субъектов. Однако остается та невидимая сила, которая живет в сознании человека – это невольный страх неизвестности. Осознание этой силы формирует природу человеческого бытия, вызывая чувство зависимости и состояние подвластности, которые являются привычной защитной реакцией на потенциальную опас-

ность. Эту опасность можно нивелировать посредством соблюдения соответствующих предписаний, предусматривающих определенные как писанные, так и неписанные правила поведения в обществе. Такая трактовка власти позволяет более глубоко понять ее фундаментальную роль в формировании социальных отношений и структуре общества.

Государственная власть в данном контексте не является исключением: она воспринимается как сила, основанная на общем сознании общества. В основе природы государственной власти лежит осознание человеком зависимости, т. е. чувство, имеющее многовековой опыт влияния на индивидуумов и большие группы людей. Это чувство укрепляется в их сознании, формируя определенные поведенческие шаблоны, такие как необходимость подчинения. Однако стоит отметить, что существует парадокс властвования меньшинства над большинством, когда попытки принуждения многих могут оказаться неэффективными. Даже при непосредственном физическом воздействии добиться повиновения не удастся, и люди, в которых укоренено чувство необходимости подчинения, могут начать активно сопротивляться попыткам властного принуждения, особенно в случае отсутствия авторитета у правящей элиты. Понятие авторитета включает в себя множество элементов властвования. Считается, что человек рождается свободным, но уже с первых моментов жизни становится зависимым как от окружающей среды, так и от людей рядом, что формирует его двойственность. В процессе познания окружающего мира ребенок, в зависимости от обстоятельств, приобретает навыки взаимодействия и восприятия действительности. Это происходит через участие в психологических взаимодействиях с родными, близкими и другими участниками общения, в процессе чего он осознает необходимость подчинения и элементы власти. Происходят и первичные попытки выбора авторитета, который своим поведением и возможностью подражания, создает некую психологическую реальность, формирующую собственное «Я» человека. Это внутреннее «Я» определяется в контексте власти и подчинения, завися при этом от внешних и внутренних обстоятельств. Здесь важно понимать, что даже под абсолютным влиянием какого-либо авторитета не теряется возможность выражать свою волю. Осознание зависимости всегда сопровождается стремлением закрепить это понимание у окружающих, превращая его в устойчивое желание сделать эту связь неразрывной. Это понимание добавляет власти ценность и становится непреодолимым соблазном для человека.

В действительности богатство и достаток часто ценятся меньше, чем приобретенное влияние и власть. Жажда власти – часть человеческой природы. Благородные амбиции в достижении великих целей во благо всех могут со временем превратиться в тщеславие, ориентированное на вседозволенность и поклонение окружающих. Повышение субъективной значимости и оказываемого влияния, рассматриваемое в качестве фактора, способствующего консолидации авторитета, потенциально может порождать конкурентную среду, характеризующуюся стремлением к доминированию. В рамках такой среды поддержание достигнутого положения может быть обусловлено не только внутренними достижениями, но и перераспределением ресурсов и сфер влияния. Естественное стремление к самоутверждению, проявляющееся в различных формах социального взаимодействия, поддерживается как осознанием необходимости соблюдения иерархических структур, так и стремлением к реализации властных полномочий, что требует детального этического и правового анализа.

Эти устремления формируются во властные отношения, определяющие реализацию власти. К примеру, если рассматривать государство как монополиста в вопросах принуждения,

то это можно оценить как правовой критерий, который подразумевает, что государственная власть несет в себе изначальное значение, не заимствованное ниоткуда и никогда. При этом дистанция между государственной властью и теми, кто подвержен принуждению, носит абстрактный характер. Это осложняется существованием властных отношений внутри семьи, рода и общества, а также переживаниями, связанными с зависимым положением индивида.

Осознание человеком себя как гражданина еще более абстрактно, чем понимание себя как члена семьи, что объясняется нежеланием ассоциировать себя с единством различных групп людей, которые могут быть как неприязненно, так и враждебно настроены. В связи с этим можно заключить, что проблемы, возникающие во взаимодействии государственной власти с личной и общественной свободой, находятся в компетенции исключительно государственной власти. В этой связи уместно привести мнение Л. И. Петражицкого, утверждающего, что «государственная власть является... социально служебной властью. Она не представляет собой “волю”, способную совершать произвольные действия, основанные на грубой силе, а выступает как наделенное определенными лицами общее право распоряжений и воздействия на подвластных для исполнения обязанности по заботе о всеобщем благе» [5, с. 217], при этом неудовлетворяющая таким требованиям государственная организация не может считаться жизнеспособной.

Государство, как и другие институты гражданского общества, включая семью, различные союзы и политические партии, где люди могут чувствовать подавление воли как других, так и их собственной, осознает необходимость введения ограничений властвования и повиновения правовыми рамками. Основное ограничение власти в институтах гражданского общества устанавливается государством, которое защищает своих граждан от недопустимых требований. Правовой характер государственной власти является необходимым условием обеспечения верховенства права в общественных отношениях с государством и его институтами. Важно также отметить концепцию С. А. Котляревского, в которой он свидетельствует: «Власть и право – две стихии государства, хотя и не в одинаковой степени исходные. Однако мы можем пользоваться обычным сравнением права и государства, если не забудем, что право государства – это власть, особым образом квалифицированная, но все же именно власть» [6, с. 457].

Повиновение, как устойчивое состояние, охватывающее каждого из нас, действует постоянным давлением, незаметно напоминая, что ранее мы не испытывали значительных ограничений при взаимодействии за пределами семьи и частных сообществ. Этот момент изменился с образованием государства, что стало отправной точкой утраты первобытных свобод, как можно обоснованно полагать, что навсегда. Однако, анализируя различные причины формирования государств, можно выявить общую тенденцию, заключающуюся в насильственном воздействии на население, как внутреннем, так и внешнем. Эта тенденция имеет корни, отличные от традиционного права, однако она позволяет предложить обоснование, известное как формула, по которой государство, чтобы стать правотворческой силой, должно пройти через стадии, определяемые силой праворазрушающей. Инстинкт самосохранения, побуждающий население подчиняться действующим законам, со временем превращается в основание для сопротивления произволу властей, сопровождающему процесс

становления государственной власти. Население воспринимает воплощение этой власти через установление правовых рамок или юридически оформленных ограничений. Представители власти, оценив объективность этих требований, самостоятельно вводят соответствующие ограничения, именуемые самоограничениями, что помогает снизить недовольство подконтрольных масс. Эти самоограничения касаются действий, способствующих достижению основных государственных целей. Важно отметить, что власть не создает права, и право не является создателем власти; это два самостоятельных явления. В этом контексте государственное самоограничение можно рассматривать как частный случай более широкой проблемы самоограничения.

В истории имеется множество примеров, где человеческий эгоизм выступает в роли ограничителя и побуждает к осмыслению своих поступков. Например, ранее побежденные часто истреблялись, их жилища разрушались, а добычей становилось только захваченное имущество. Затем население, попавшее в плен, превращалось в рабов или использовалось как разменная монета для достижения определенных целей. Со временем оно облагалось данью, принося победителям временную выгоду. Этот несложный этап исторического развития наглядно демонстрирует пути ограничения произвола отдельных правителей и показывает возникновение зачатков взаимосвязи между силой и правом. Однако такая взаимосвязь силы и закона не является равнозначной, так как право не является самоцелью для государства, а его основной сущностью всегда выступает сила. Такая позиция подтверждается высказыванием одного из классиков теории власти и властных отношений: «Слабость власти является смертным грехом государства, менее прощательным для его руководителей, чем жестокость и произвол. Государство, обладая абсолютной монополией на принуждение, одновременно является и единственным создателем права. Это и составляет основное различие между нормами права и обычными или моральными нормами: первые обеспечиваются повелительной силой государства, в то время как вторые и третьи – обществом» [7, с. 219–220].

Формальное признание принципа верховенства права не всегда гарантирует его реальное воплощение. Подлинное подчинение власти закону часто оказывается обусловленным тем, насколько это соответствует её представлениям о собственной выгоде и политической целесообразности. Установление правовых рамок самоограничения рассматривается как вынужденная мера в условиях грамотной политики, осуществляемой государственной властью. Принятые при этом нормы зачастую носят индивидуальный характер, первоначально действуя локально. Однако в дальнейшем вводятся акты, предполагающие общее повиновение, что создает порядок, в котором сама государственная власть обязана следовать своим же установкам.

Необходимо учитывать, что соблюдение определенных правовых ограничений не является безусловной обязанностью для всех органов государственной власти, в особенности при реализации конституционных полномочий, прямо делегированных, например, Президенту РФ. Эти ограничения, как правило, устанавливаются законодательно и могут сопровождаться этическими нормами поведения, соблюдение которых презюмируется добросовестностью. При этом, действующая система ограничений не носит абсолютного характера, и ее применение не может привести к коллизии интересов общества и государства, поскольку подобное противоречие способно нанести ущерб участвующим сторонам. В конт-

ексте изложенного важно обратиться к научной позиции, так сформулированной С. А. Котляревским: «Желать, чтобы закон максимально связывал власть, значит поддаться опасному суеверию и забыть об ответственности, возложенной на эту власть. Принцип «*pereat mundus fiat iustitia*» (пусть мир погибнет по справедливости) никогда не станет правилом государственной жизни; её девизом должно стать «*vivat iustitia ut floreat mundus*» (пусть справедливость восторжествует, чтобы мир мог процветать)» [8, с. 34.]. Однако такое понимание может расходиться с объективной целесообразностью, которую можно оценить лишь на протяжении веков, выходя за рамки текущего момента и даже жизненного цикла отдельной личности.

Обретение власти предполагает несоизмеримо большую ответственность: руководствоваться незыблемой, внутренне непротиворечивой логикой, свободной от субъективных порывов и эмоциональных колебаний. Такая внутренняя дисциплина, обусловленная нравственной зрелостью, является более надёжной гарантией справедливости и законности, нежели формальные конституционные установления, чья эффективность неизбежно зависит от личных убеждений и волеизъявления правящей элиты, а не только от принципа разделения властей. Власть требует непогрешимой логики и самоконтроля, превосходящих формальные конституционные гарантии. Только внутренняя дисциплина, свободная от личных желаний, способна обеспечить справедливость, поскольку конституции реализуются людьми, чьи убеждения и воля могут оказаться сильнее принципа разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную.

Государство в современном мире все отчетливее проявляется не только как инструмент принуждения, но и как сложная система правового регулирования. Восприятие государственной власти обществом неотделимо от осознания ее роли в обеспечении законности и правопорядка. Аксиомой политической мысли является утверждение, что разделение властей, сформулированное еще М. Монтескье, обусловлено недостаточной эффективностью внутренних механизмов самоконтроля властных институтов. Исходя из антропологической константы о подверженности человека злоупотреблениям, предоставленная возможность использовать власть в личных целях с высокой вероятностью будет реализована. Эта фундаментальная дилемма, имеющая метаюридическую природу, требует своего разрешения для глубокого осмысления права в контексте государственного строительства.

Современные тенденции подтверждают убеждение о взаимосвязанности государства и права. Эта убежденность, варьирующаяся по интенсивности в различных общественных группах, отражается в дифференцированных уровнях правовой ответственности, возлагаемой на государство. По мнению Георга Еллинека, признание государства правовым субъектом требует наличия у граждан субъективных публичных прав; в противном случае оно рискует остаться исключительно инструментом грубой силы («*ein reines Machtsubjekt*» – дословно «субъектом чистой власти»). Идея правового самоограничения государства часто сравнивается с способностью личности к самодисциплине и добровольному подчинению нормам автономного морального закона, устанавливаемым ею самой.

В эпоху развитых государственных институтов власть и право настолько тесно взаимосвязаны, что их четкое разграничение возможно, скорее, в теоретической плоскости, чем на практике. При этом, несмотря на интеграцию, важно помнить об их различных генезисах,

поскольку именно динамичное взаимодействие этих элементов определяет сущность государственного устройства.

Правовое государство не сводится к простому созданию правовых норм, иначе это понятие стало бы универсальным для любого государственного образования. Его отличительной чертой является формирование и развитие специализированной области права, отличной от общего правового поля. Речь идет не о гражданском, уголовном или публичном праве (где акцент делается на общественные отношения, а не на государственную собственность), а о праве управления в широком понимании, охватывающем все аспекты государственного регулирования. В этой связи исследователи, анализируя наследие Лоренца фон Штейна, акцентируют внимание на его ключевой идее: «в современных европейских обществах уже достигнуто согласие по основным чертам свободного государственного устройства; великий вопрос ближайшего будущего касается существа свободного управления, т. е. отношения исполнительной власти к законодательной, указа к закону» [9, с. 15]. Правовое государство предполагает создание системы, в которой власть государственных органов ограничена рамками закона, что считается необходимым условием для перехода к новому этапу развития государственности. Эта система строится на балансе между государственным управлением, самоуправлением граждан и обеспечением неприкосновенности прав личности. Фундаментальная идея правового государства заключается в том, чтобы правовые нормы и принципы служили сдерживающим фактором для государственной власти, гарантируя при этом автономность закона, свободу самоуправления и соблюдение прав каждого человека. Таким образом, концепция правового государства предполагает приоритет закона и его использование в качестве инструмента защиты прав и свобод граждан от произвола государственной власти.

Заключение. Необходимо констатировать, что в итоге выполненного анализа установлено фундаментальное различие между властными отношениями, пронизывающими ткань повседневной жизни и деятельность институтов гражданского общества, и государственной властью, чья природа обусловлена и регламентирована действующей системой управления. Акцентируя внимание на власти как комплексе уникальных субъективных переживаний, получаем возможность углубиться в суть понимания ее влияния на социальную структуру и личную свободу индивидуума.

Важно подчеркнуть, что рассмотрение концепций власти и права, а также их взаимосвязи с государственностью, обусловлено стремлением продемонстрировать принципиальную разницу между властью, циркулирующей в обществе и реализуемой через институты гражданского общества, и властью государственной. Последняя, в отличие от первой, опирается на систему правовых норм и инструментов, создаваемых и применяемых аппаратом управления.

В контексте правового государства ключевым принципом является верховенство закона, реализуемое посредством конституционных и административных механизмов. Это обеспечивает всепроникающее влияние закона на все уровни государственного управления и утверждает существование унифицированной публично-правовой системы в стране. Таким образом, анализ позволил не только разграничить различные формы власти, но и подчеркнуть ключевую роль правовых институтов в обеспечении баланса между властью и свободой в современном государстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гусев В. Е. Власть и публичная власть: конвергенция идей // Молодой ученый. 2009. № 12 (12). С. 324–326.
2. Дугин А. Г. Четвертый путь. Введение в четвертую политическую теорию. 2-е изд. М.: Академ. проект, 2015.
3. Градировский С. Н., Межуев Б. В. «Глобальное гражданство» и пределы демократизации // Политическая наука. Власть и демократия в условиях глобализации. 2004. Вып. 1, № 1. С. 22–29.
4. Богомяков В. Г., Бурханов Р. А. Власть, политика, государство: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гос. ун-та, 2014.
5. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Тип. Т-ва «Екатерингофское печатное дело», 1909–1910. Т. 1.
6. Кривенцова А. В. Теоретические аспекты государства, власти, права в концепции С. А. Котляревского // Вестн. Тамб. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2008. № 2 (58). С. 455–458.
7. Котляревский С. А. Власть и право: проблема правового государства // Вестн. ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 6 (82). С. 210–220.
8. Котляревский С. А. Власть и право: проблема правового государства. М.: Издание Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1915.
9. Утяшев М. М. Высшая форма государства – правовая // Правовое государство: теория и практика. 2012. № 2 (28). С. 7–19.

Информация об авторах.

Демидов Геннадий Константинович – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Новосибирского государственного аграрного университета, ул. Добролюбова, д. 160, Новосибирск, 630039, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: теория и история государства и права, государственного управления и администрирования процессов управления в органах государственной власти и государственных органах, философия науки, история науки, философия сознания, моральная философия.

Черных Сергей Иванович – доктор философских наук (2012), доцент (1992), заведующий кафедрой истории и философии Новосибирского государственного аграрного университета, ул. Добролюбова, д. 160, Новосибирск, 630039, Россия. Автор более 200 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия науки, история науки, философия сознания, моральная философия, философия образования.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 25.02.2025; принята после рецензирования 25.03.2025; опубликована онлайн 19.06.2025.*

REFERENCES

1. Gusev, V.E. (2009), "Power and public authority: convergence of ideas", *Young scientist*, no. 12 (12), pp. 324–326.
2. Dugin, A.G. (2015), *Chetvertyi put'. Vvedenie v chetvertuyu politicheskuyu teoriyu* [The Fourth Way. Introduction to the Fourth Political Theory], 2nd ed., Academicheskyy proekt, Moscow, RUS.
3. Gradirovsky, S.N. and Mezhuev, B.V. (2004), "'Global Citizenship' and the Limits of Democratization", *Political Science. Power and Democracy in the Context of Globalization*, iss. 1, no. 1, pp. 22–29.
4. Bogomyakov, V.G. and Burkhanov, R.A. (2014), *Vlast', politika, gosudarstvo* [Power, Politics, State], 2nd ed., corrected. and add., Izd-vo Nizhnevartovskogo gos. un-ta, Nizhnevartovsk, RUS.
5. Petrazhitskii, L.I. (1909), *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei nrvstvvennosti* [Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality], 2nd ed., corr. and add., vol. 1, Tip. T-va "Ekaterringofskoe pechatnoe delo", SPb., RUS.

6. Kriventsova, A.V. (2008), "Theoretical aspects of state, power, law, in S.A. Kotlyarevskys conception", *Tambov Univ. Review: Series Humanities*, no. 2 (58), pp. 455–458.

7. Kotlyarevsky, S.A. (2021), "Power and law: the problem of the law-governed state", *Courier of Kutafin Moscow State Law Univ. (MSAL)*, no. 6 (82), pp. 210–220.

8. Kotlyarevsky, S.A. (1915), *Vlast' i pravo: problema pravovogo gosudarstva* [Power and Law: the Problem of the Rule of Law], Published by G.A. Lehman and S.I. Sakharov, Moscow, RUS.

9. Utyashev, M.M. (2012), "The highest form of state is rule-of-law", *The rule-of-law state: theory and practice*, no. 2 (28), pp. 7–19.

Information about the authors.

Gennady K. Demidov – Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law, Novosibirsk State Agricultural University, 160 Dobrolyubova str., Novosibirsk 630039, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: theory and history of state and law, public administration and administration of management processes in government bodies and government agencies, philosophy of science, history of science, philosophy of consciousness, moral philosophy.

Sergey I. Chernykh – Dr. Sci. (Philosophy, 2012), Docent (1992), Head of the Department of History and Philosophy, Novosibirsk State Agricultural University, 160 Dobrolyubova str., Novosibirsk 630039, Russia. The author of more than 200 scientific publications. Area of expertise: philosophy of science, history of science, philosophy of consciousness, moral philosophy, philosophy of education.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 25.02.2025; adopted after review 25.03.2025; published online 19.06.2025.

Оригинальная статья

УДК 316.44

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-3-54-66>

Влияние постиндустриализации на социально-профессиональную структуру современного общества: теоретический обзор

Роман Константинович Дианов

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия,
r.dianov@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6382-383X>*

Введение. Сегодня социологи и экономисты отмечают рост атипичной занятости, сопровождающийся постепенным отходом от долгосрочных трудовых договоров. Развитие гиг-экономики – современной системы трудовых отношений, основанной на временных и краткосрочных договорах, приводит к формированию множества концепций постиндустриальной занятости. В статье рассмотрены теоретические рефлексии амбивалентных последствий изменений института занятости в условиях постиндустриализации.

Методология и источники. Исследование опирается на труды теоретиков постиндустриального общества (Д. Белл, Э. Тоффлер и П. Друкер), а также концепции свободных агентов Д. Пинка, креативного класса Р. Флориды и прекариата Г. Стэндинга. Кроме того, автор уделил внимание работам Ж. Т. Тощенко – крупного российского исследователя, активно развивающего теорию прекариата. Осуществляется интеграция различных точек зрения для обеспечения комплексного теоретического анализа состояния социально-профессиональной структуры в контексте постиндустриализации.

Результаты и обсуждение. Постиндустриализация, согласно исследователям, концептуализирующим ее последствия, знаменует собой переход к сервисной экономике, в которой знания являются ключевым ресурсом и фактором производства. Креативность, автономность и нематериальная мотивация предстают специфическими чертами существенной части рабочей силы современного общества. Вместе с тем в социально-профессиональной структуре социума можно выделить как интеллектуальных работников, часто отдающих предпочтение гибким формам трудовых отношений, так и прекарные группы, характеризующиеся нестабильной занятостью, колеблющимися доходами и неустойчивым общественным положением.

Заключение. В условиях «дестабилизации» отношений занятости формируются группы работников двух типов, отличающиеся своим социально-экономическим положением и имеющие различные, порой противоположные, ценностные ориентации и установки по отношению к труду, – привилегированный и депривированный. Представители привилегированных групп, описанные Д. Пинком и Р. Флоридой, грамотно и умело пользуются возможностями, возникающими в результате трансформации трудовых отношений, в то же время представители депривированных групп, о которых говорят Г. Стэндинг и Ж. Т. Тощенко, выступают «суррогатом» традиционного наемного работника, трудятся на нестабильных условиях и малопrestижных позициях.

© Дианов Р. К., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: труд, нестандартная занятость, креативный класс, свободный агент, прекариат, гиг-экономика

Для цитирования: Дианов Р. К. Влияние постиндустриализации на социально-профессиональную структуру современного общества: теоретический обзор // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 3. С. 54–66. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-54-66

Original paper

A Theoretical Review of How Post-Industrialization Shapes the Social-Professional Structure of Modern Society

Roman K. Dianov

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia,
r.dianov@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6382-383X>*

Introduction. Today, sociologists and economists observe the rise of atypical employment, accompanied by a gradual shift away from long-term labor contracts. The growth of the gig economy – a contemporary labor system based on temporary and short-term contracts – led to the development of numerous concepts of post-industrial employment. This article examines the theoretical perspectives on the ambiguous effects of changes in the employment institution during the post-industrial era.

Methodology and sources. The research builds upon the seminal works of post-industrial society theorists such as D. Bell, A. Toffler, and P.F. Drucker, as well as the concepts of free agents by D.H. Pink, the creative class by R. Florida, and the precariat by G. Standing. Additionally, the author examines the contributions of Zh.T. Toshchenko, a prominent Russian researcher actively refining the theory of the precariat. The article integrates various perspectives to provide a comprehensive theoretical analysis of the socio-professional structure in the context of post-industrialization.

Results and discussion. According to researchers conceptualizing its effects, post-industrialization marks the transition to a service economy where knowledge is a key resource and production factor. Creativity, autonomy, and intrinsic motivation are distinctive traits of a significant portion of the modern workforce. At the same time, the socio-professional structure of society reveals a growing divide between intellectual workers, who often prefer flexible employment, and precariat groups, characterized by unstable employment, fluctuating incomes, and an uncertain social position.

Conclusion. The destabilization of employment relations has resulted in the emergence of two distinct labor groups with different socio-economic statuses and often opposing values and attitudes toward work: the privileged and the deprived. Members of privileged groups, as described by D. Pink and R. Florida, effectively utilize the opportunities created by labor market transformations, while representatives of deprived groups, examined by G. Standing and Zh.T. Toshchenko, act as a “substitute” for traditional employees, working under unstable conditions and in low-prestige positions.

Keywords: labor, non-standard employment, creative class, free agents, precariat, gig economy

For citation: Dianov, R.K. (2025), “A Theoretical Review of How Post-Industrialization Shapes the Social-Professional Structure of Modern Society”, *DISCOURSE*, vol. 11, no. 3, pp. 54–66. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-54-66 (Russia).

Введение. Сегодня социологи и экономисты фиксируют развитие атипичной занятости [1]. Исследователи указывают на то, что долгосрочные трудовые договоры между компаниями и работниками постепенно уходят в прошлое [2]. Наряду с традиционными наемными работниками, обычно трудящимися с 9:00 до 18:00 пять дней в неделю, появляется все больше фрилансеров, самозанятых, временных сотрудников. Соответственно, развиваются и цифровые платформы, предоставляющие альтернативные возможности для трудоустройства [1, 3].

Изменения института занятости и социально-профессиональной структуры современного общества отчасти находят свое выражение в гиг-экономике¹ (от англ. *gig economy*), представляющей собой *систему трудовых отношений, в основе которой лежат временные и краткосрочные договоры* [4, 5]. Как научный термин данное понятие отражает изменения современного капитализма, указывает на сокращение роли стандартной занятости, основанной на бессрочном трудовом договоре, полном рабочем дне, социальной защищенности работника, а также на появление новых типов социальных отношений, институтов. Гиг-экономика активно развивается, а трудовые и социальные права нового типа работников привлекают особое внимание со стороны научного сообщества, что выражается в формировании целого корпуса научных концепций постиндустриальной занятости [3, 6, 7]. Статья посвящена критическому анализу, классификации и оценке концепций постиндустриальной занятости, сформулированных в западной социологии, дополненных анализом подхода к специфике развития данного типа занятости в России, разрабатываемого Ж. Т. Тощенко.

Автор освещает теоретические рефлексии амбивалентных последствий изменений института занятости, которые привели к становлению гиг-экономики в качестве нового типа социально-трудовой системы. Структура статьи построена следующим образом: сначала рассмотрены теоретические подходы к постиндустриализации, ее влиянию на трудовые отношения; затем проанализированы концепции, свидетельствующие о появлении новых социально-профессиональных групп, выделены их ключевые особенности и отличия; в заключении приведены выводы и рекомендации для исследователей.

Вклад настоящей статьи в развитие научного знания заключается в систематизации и детальном анализе ключевых подходов к изучению постиндустриализации труда. Осуществленная автором интеграция теоретических перспектив позволяет глубже понять двойственный характер трансформаций социально-профессиональных отношений в контексте современного общества.

Методология и источники. Методология обзора основана на теоретико-аналитической базе, призванной синтезировать основополагающие и современные взгляды на постиндустриализацию и ее социально-экономические последствия. Выбор теорий Д. Белла, Э. Тоффлера и П. Друкера обусловлен тем, что они обеспечивают концептуальную основу для осмысления перехода от индустриальной экономики к экономике знаний, а также уделяют внимание роли информации, услуг и интеллектуального капитала как центральных движущих сил общественных преобразований. В обзор также включены концепции «креативного класса» (Р. Флорида), «свободных агентов» (Д. Пинк) и «прекариата» (Г. Стэндинг), предлагающие оригинальное понимание динамично изменяющейся социально-профессиональной структуры. Помимо этого, в исследовании использованы работы Ж. Т. Тощенко –

¹ Которую также называют «гигономикой».

ведущего российского социолога, внесшего значительный вклад в понимание института нестандартной занятости в нашей стране. Интеграция различных точек зрения обеспечивает целостный теоретический анализ состояния социально-профессиональной структуры в контексте постиндустриализации.

Результаты и обсуждение.

Концепции постиндустриализации как фактора трансформации социально-трудовых отношений. Социологи еще во второй половине прошлого века пришли к выводу, что переход к постиндустриальному обществу оказал существенное воздействие на социально-профессиональные отношения. Вследствие того, что экономика становится все более ориентированной на услуги и креативные индустрии, изменяется характер институтов труда и занятости. Далее рассмотрено, как постиндустриализация трансформирует социум, создавая при этом новые вызовы и возможности для участников рынка труда.

Согласно одному из первых аналитиков постиндустриализации Д. Беллу, в экономической сфере постиндустриального общества начинает доминировать производство услуг, а «белые воротнички» превалируют над «синими». Однако не вся сфера услуг отождествляется с новым типом социума. О последнем можно в действительности говорить только тогда, когда рабочая сила перетекает в «четвертичный» и «пятеричный» секторы – отрасли деловых и профессиональных услуг, здравоохранения, образования, научно-исследовательской деятельности, управления и т. п. [8, 9].

Трансформируется труд: он становится более «образованным», а также базируется на коммуникации между людьми. Основу нового общества должны составить высококвалифицированные специалисты – класс «профессионалов», отличительным критерием которого является обладание знаниями [8, 9]. «Профессионалы» будут заниматься технической, научной, управленческой и духовной деятельностью – интеллектуально направлять социум. При этом рабочий класс перестает существовать как значимый исторический субъект [8].

Американский социолог и футуролог Э. Тоффлер сформулировал концепцию «общества третьей волны» (которое он также называл «супериндустриальным» и «информационным») [10]. При новом типе общественного устройства информация является не менее важным фактором производства, чем труд и капитал [11, с. 458].

Если в индустриальном обществе все индивиды хотят примерно одного, а именно – достижения экономического благополучия и успеха, то в информационном социуме нематериальная мотивация выходит на передний план вследствие удовлетворенности базовых человеческих потребностей [11, с. 456–457]. Протестантская этика труда постепенно будет отходить на второй план, в то же время формальный рабочий день для членов общества будущего будет сокращаться [10].

В производстве товаров и услуг усиливаются тенденции кастомизации и индивидуализации взамен стандартизированному производству одного и того же. Новая система производства должна быть основана на интеллектуальном, умственном труде. Взамен организациям, выстроенным по формально-бюрократическим принципам, формой принятия решений может стать адхократия², представляющая собой во многом децентрализованную и неформальную структуру, которая образуется для решения конкретных задач [10, с. 420; 11,

² От лат. ad hoc – «по особому случаю».

с. 453–454]. В это же время крупные по своему размеру организации должны быть замещены более компактными и адаптивными [12, с. 256–257; 13, с. 47]. Работа большинства членов информационного социума должна быть не рутинной и изнуряющей, а наоборот, интересной и творческой [10].

Таким образом, «общество третьей волны», по Э. Тоффлеру, становится все более де-стандартизированным и менее иерархичным, ему свойственны высокий уровень инновационности, быстрые изменения [14, с. 317–320]. Автоматизация приводит к тому, что монотонная, тяжелая работа со временем исчезает, поскольку не является эффективной, в то же время главными общественными и экономическими ресурсами становятся информация и творчество. При взаимодействии с трудящимися необходимо будет учитывать их собственные интересы. Происходит колоссальный рост гражданских и рабочих инициатив [12].

Процессы постиндустриализации также подверглись анализу со стороны австрийско-американского исследователя П. Друкера. Им была разработана теория «посткапиталистического общества» (post-capitalist society) и «общества знаний» (knowledge society). Осуществляется переход к экономике, движимой инновациями, в которой традиционные хозяйственные структуры и иерархические системы заменяются более гибкими и децентрализованными формами. В основе концепции П. Друкера лежит идея о том, что современный капитализм претерпевает трансформацию в связи с технологическим прогрессом и глобализацией. Автор утверждает, что традиционная роль труда и капитала как факторов производства изменяется: знания становятся главным ресурсом и ключом к социально-экономическому успеху индивида и социума в целом [15, 16].

Исследователь отмечает, что все более важной становится работа, основанная на знаниях (knowledge work). Индивиды, обладающие специализированными и уникальными умениями и навыками, а также креативными способностями, становятся все более важными акторами новой экономической системы, образуя класс «работников знаний» (knowledge workers) [15]. Деятельность таких работников плохо подвергается стандартизации и рутинизации, подобный труд требует самостоятельности, проявления критического мышления и творчества. Лояльность со стороны квалифицированного сотрудника теперь нельзя получить за счет большой заработной платы, ему необходимо предлагать условия для развития собственного потенциала [15].

Вместе с тем класс работников знаний является относительно малочисленным и представляет собой меньшинство нового типа социума. Численное большинство в нем, по мнению П. Друкера, будут составлять представители сервисного класса (service workers) – второго основного класса посткапиталистического общества, члены которого характеризуются более низким образовательным, квалификационным уровнем и часто занимаются рутинным трудом [15, 16].

Итак, Д. Белл, Э. Тоффлер и П. Друкер отметили основные трансформации характера труда и занятости в современном социуме. В экономике начинает доминировать сфера услуг, а не промышленность или сельское хозяйство. Монотонный труд постепенно вытесняется процессами автоматизации и компьютеризации, в то время как буржуазия и рабочий класс теряют функцию интеграции общества и роль социальных акторов, определяющих основные векторы и конфликты общественного развития. Поскольку знание становится ос-

новным общественным ресурсом и фактором производства, ведущие позиции в социуме занимают специалисты, технократы и интеллектуалы.

Однако практика показывает, что некоторые концептуальные построения теоретиков постиндустриализма оправдались лишь частично. Далее продемонстрировано, что место убывающего рабочего класса в условиях информационного общества занимают две социально-профессиональные группы: во-первых, работники с неустойчивой занятостью и колеблющимися доходами, не имеющие ряда социальных и правовых гарантий (прекариат), а во-вторых, креативные и самостоятельные специалисты, пользующиеся выгодами нового социально-трудового порядка. Следовательно, одна из актуальных проблем современности, непредвиденная создателями теории постиндустриального общества, состоит в усилении неоднозначного влияния атипичной занятости на работников, занимающихся как интеллектуальным и творческим, так и монотонным трудом.

Появление новых социально-профессиональных групп. Изменения института труда в условиях постиндустриализации оказывают прямое воздействие на социально-профессиональную структуру общества. Данные трансформации в социальной науке рассмотрены и оценены с разных точек зрения и получают различные теоретические концептуализации. С одной стороны, в последнее время активно развивается концепция прекариата как нового «опасного» социального класса (Г. Стэндинг). С другой стороны, существуют теории креативного класса Р. Флориды и «нации свободных агентов» Д. Пинка, в которых современным изменениям института и занятости дается скорее позитивная оценка [17, 18]. Однако при всех теоретических расхождениях, исходя из данных концепций, становится очевидным существование в современном обществе принципиально новых социально-профессиональных групп, выделяемых по типу занятости и характеру работы, которые при этом имеют свой собственный образ жизни, специфические ценности, установки и т. п.

Одним из первых трансформацию социально-профессиональной структуры в условиях нового социума концептуализировал американский исследователь Д. Пинк [19]. Автор противопоставил [20, с. 70] «человека организации»³ – индивида, погруженного в деятельность своей компании, работающего практически исключительно ради ее блага и подчиненного устоявшимся корпоративным и социальным нормам [21, 22], – «свободному агенту». Данный термин олицетворяет собой самодостаточного и независимого работника, трудящегося на условиях временной и гибкой занятости и не связанного привычными организационными рамками [19].

В сравнении с традиционными наемными работниками свободные агенты располагают иными трудовыми ценностями. Последние больше ценят автономность и самостоятельность, а не стабильность работы и гарантированность занятости: они готовы идти на осознанный риск, чтобы отстаивать свое право быть теми, кем они хотят. Свободные агенты также по-иному относятся к своему рабочему времени. Привычный восьмичасовой рабочий день рассматривается ими как устаревший формат: такие работники желают самостоятельно определять собственный режим труда и отдыха [19].

Несмотря на то, что Д. Пинк в целом положительно оценивает текущие изменения в сфере труда, он отмечает двойственность анализируемых трансформаций. Вместе со сво-

³ Данное понятие изначально было введено в научный оборот американским социологом У. Уайтом в 1950-е гг. для обозначения доминирующей для своего времени трудовой культуры.

бодными агентами рынок труда заполняют различные категории временных работников, которые зачастую характеризуются низким уровнем заработной платы, социально-экономической незащищенностью, а также высоким уровнем неудовлетворенности своим текущим положением [19].

Еще одну важную концепцию, посвященную трансформации социально-профессиональной структуры, разработал исследователь Р. Флорида. Движущей силой социально-экономического развития он видит человеческую креативность как способность создавать нечто новое и постоянно совершенствовать имеющееся [23, с. 18–19]. Проанализировав обширную статистику экономики США, автор говорит о формировании и становлении в этой стране нового социального класса – *креативного*.

Р. Флорида признает, что не использует марксистский подход к определению классов, поскольку не считает его релевантным современности. Критерий классовобразования для автора – это наличие или отсутствие творческих способностей и степень их выраженности. К креативному классу относятся индивиды, занимающиеся внедрением и разработкой инноваций, генерацией идей (как, например, ученые, предприниматели, программисты и т. д.). Р. Флорида противопоставляет креативный класс всем остальным (рабочему, обслуживающему, работникам сельского хозяйства), которые получают зарплату за выполнение определенного плана, а не за создание новых вещей/идей. Труд остальных классов подчинен достаточно строгому режиму, в то же время представители креативного класса имеют возможность работать в условиях большей автономии и гибкости [23].

Формирование и развитие креативного класса происходит совместно с ростом обслуживающего. Отличительным признаком последнего часто является тяжелый, изнурительный, нетворческий труд, за который полагается довольно низкая оплата. При этом обслуживающий класс – «аутсорсер» функций креативного класса: поскольку ценность времени крайне важна для интеллектуальных и творческих работников, у них есть потребность в наличии персонала, который возьмет на себя основные бытовые и досуговые функции. Автор также отмечает, что на сегодняшний момент именно обслуживающий класс является самым многочисленным, несмотря на это, степень его влияния на общество меньше, чем у креативного [23].

Креативный класс характеризуется собственными ценностными ориентациями: члены указанного класса ценят индивидуализм и возможность самовыражения, меритократические принципы, разнообразие и терпимость. В материальном отношении креативные работники чувствуют себя достаточно благополучно, при этом финансовый аспект является для них далеко не единственным при выборе работы. Так, креативному индивиду очень важна возможность решать интересные для себя задачи, иметь возможность работать в своем режиме, получать признание со стороны других работников [23].

Хотя креативные специалисты и практикуют «горизонтальную» карьеру – относительно часто перемещаются между работодателями и организациями, пробуют новые виды деятельности и формы занятости, расширяют социальные связи, – в основном они остаются наемными работниками, что не позволяет автору назвать их свободными агентами [23]. Критики при этом отмечают слабую сторону концепции Р. Флориды: в креативный класс потенциально включается крайне разнородная совокупность трудящихся – от выдающихся профессионалов

и ученых до низовых работников, чья деятельность тем не менее включает ряд творческих аспектов [24, с. 20]. Стоит сказать, что автор концепции отделял «ядро» креативного класса от других его членов, которые вместе все равно объединены одним «этосом» [23, с. 22].

В отличие от двух предыдущих исследователей, Г. Стэндинг предложил более пессимистичный взгляд на новую социально-профессиональную структуру, по-иному расставив акценты относительно выигрывающих и проигрывающих от трансформации института труда. По его мнению, масштабными темпами растет «опасный» социальный класс – *прекариат* [25].

Понятие прекариата наиболее полно раскрывает негативные стороны трансформации труда, дополняя идеи Р. Флориды и Д. Пинка. Данная категория трудящихся отличается в первую очередь негарантированной и нерегулярной занятостью [25, с. 24–29]. Вследствие этого данный класс характеризуется неуверенностью в будущем (в том числе относительно получения оплаты за труд), высоким уровнем недовольства и подавленности, отсутствием четких жизненных стратегий, возможностей для карьерного и профессионального роста, низким уровнем социальной защиты и доходов. Непосредственно в прекариате проявляется максимальное ослабевание связи труда и капитала. Уровень профессиональных связей у прекариев довольно слабый. Попадают в прекариат через временную, неполную занятость, а также стажерство [25].

Однако вместе с прекариатом в социально-профессиональной структуре современного общества можно выделить группу *proficians*, которую на русский язык перевели как «квалифицированные кадры» [25, с. 21]. Эти работники представляют собой профессионалов и специалистов, трудящихся на себя. По сути, «квалифицированные кадры» походят на свободных агентов Д. Пинка. Г. Стэндинг отмечает, что стандартные трудовые отношения им не нужны и они не собираются долгосрочно работать на одну компанию на условиях полного дня [25, с. 21]. Данная группа работников, в отличие от прекариата, имеет больший и относительно стабильный доход, поскольку наиболее полным образом адаптирована под временную занятость. Брать и успешно реализовывать различные проекты не представляет для них существенного труда, в силу обладания широким набором профессиональных навыков. Таким образом, этот класс является, по мысли Г. Стэндинга, «привилегированным», и его положению в обществе мало что угрожает [25, с. 212].

Известный российский социолог Ж. Т. Тощенко перечисляет основные черты прекариата, близкие к позиции Г. Стэндинга: неустойчивое социальное положение, которое приводит к недовольству, страху, разочарованию в обществе и государстве; негарантированность рабочего места; деинтеллектуализация и депрофессионализация работников; потеря или снижение социального статуса; статусный диссонанс; социальная незащищенность и лишение ряда трудовых гарантий; отсутствие достойных перспектив на дальнейшую жизнь и уверенности в своей общественной необходимости; нестабильный доход [26, 27]. Как и автор оригинальной теории, Ж. Т. Тощенко считает прекариат классом-в-себе («протоклас-сом»), который, однако, находится в стадии трансформации: прекарии, вероятно, будут стараться изменить свое уязвимое социальное положение [27, с. 189–190; 28, с. 272–273].

Ж. Т. Тощенко демонстрирует, что российские прекарии характеризуются повышенным уровнем общественно-политической пассивности и социальной изолированности,

а также отсутствием ясных жизненных перспектив [29, с. 36–37]. И. О. Шевченко и П. В. Шевченко показывают, что прекарный труд влечет за собой социальную аномию, препятствует доступу индивида к получению ряда основных для постиндустриального общества благ (сохранение и улучшение своего здоровья, повышение образовательного уровня, достойные способы проведения досуга и др.) [30]. Вследствие этого происходит «прекаризация жизни» – она характеризуется нестабильностью, негативизмом, снижением социальной активности [30].

Итак, изучив три базовые концепции (Д. Пинк, Р. Флорида, Г. Стэндинг) в области социально-профессиональных трансформаций современного общества, можно отметить, что авторы рассматривают изменение института труда амбивалентно, выделяя тех, кто выигрывает от перемен, и тех, кто очевидным образом проигрывает от них. Д. Пинк говорит о свободных агентах, параллельно с которыми существуют различные типы временных работников, Р. Флорида выделил креативный и обслуживающий классы, а Г. Стэндинг – «квалифицированные кадры» (proficians) и прекариат.

Обозначенные социально-профессиональные группы представляются не просто теоретическими конструкциями, но эмпирически наблюдаемыми феноменами. Так, по материалам анализа иностранных исследований в области нестандартной занятости, автором было продемонстрировано, что структура гиг-экономики – социально-трудовой системы, в основе которой лежат временные и краткосрочные договоры, носит амбивалентный характер: в ней прослеживаются два типа занятых, имеющих различные мотивы и существенно отличающихся по своему социально-экономическому статусу [5]. Отечественные исследователи говорят как о фрилансерах – удаленно трудящихся креативных профессионалах [31], так и о незащищенных временных и эпизодических работниках, составляющих российский прекариат [7]. Следовательно, гиг-экономику можно также обозначить как социально-трудовой контекст, в который погружены члены современного общества: с одной стороны, появляются новые возможности для самореализации, творчества и приложения своего труда, а с другой – новые риски с точки зрения социальной защищенности, материального и духовного благополучия работника.

Теоретики постиндустриализма достаточно точно предсказали многие тенденции общественного развития, однако они явно недооценили масштабы социально-экономической поляризации, вызванной нестандартной занятостью. Оптимистичный образ креативного класса и свободных агентов как нового и продвинутого типа работника, с одной стороны, и пессимистичный образ прекариата как группы, лишенной социально-трудовых гарантий, с другой стороны, только укрепляют тезис о «раздвоении» рынка труда. Этот рынок характеризуется наличием привилегированных групп работников, обладающих знаниями, гибкостью и автономией, в противовес растущему прекариату, борющемуся с нестабильностью, низким уровнем оплаты труда и недостатком социальной защиты. Такая двойственная структура подчеркивает настоятельную необходимость дальнейших исследований и теоретических обобщений, которые могли бы использоваться также для разработки политики, направленной на преодоление вышеобозначенного разрыва и обеспечение социальной справедливости.

Заключение. Постиндустриализация института труда, по мнению исследователей, концептуализирующих ее последствия, приводит к тому, что в структуре социума образуются два сильно отличающиеся друг от друга типа социально-профессиональных групп – приви-

легируемый и депривированный. Описанные Д. Пинком и Р. Флоридой привилегированные группы – «свободные агенты», креативный класс – грамотно и умело используют возможности, возникающие в результате появления новых форм занятости. Такие работники более не хотят встраиваться в капиталистические отношения фордистского типа, а ориентируются на гибкость, информационные услуги, креативность, высокую степень независимости и свободы в жизни и труде. В то же время депривированные группы, включая описанный Г. Стэндингом прекариат, вбирают в себя тех, кто не смог адекватно «вписаться» в новые трудовые отношения и является «жертвой» трансформации института занятости. Представители данных групп вынуждены выбирать негарантированную и/или низкооплачиваемую занятость по различным причинам, связанным, например, с недостатком квалификации или образования. Поскольку они остаются ориентированными на традиционную модель занятости, им во многом претят ценности, проповедуемые привилегированными группами.

Таким образом, ученым следует признать, что постиндустриализация оказывает глубокое влияние на социально-профессиональную структуру современного общества, создавая как возможности для инноваций и самореализации, так и уязвимости, связанные с неравенством и нестабильностью. Новые социально-профессиональные группы обладают различными степенями доступа к ресурсам, социальным гарантиям и защищенности – это справедливо не только для обществ западного типа, но, как показал Ж. Т. Тощенко, и для России. Дуализм постиндустриальной занятости, радикализирующийся в ходе цифровизации, предстает важной темой для дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Muntaner C. Digital Platforms, Gig Economy, Precarious Employment, and the Invisible Hand of Social Class // *International J. of Social Determinants of Health and Health Services*. 2018. Vol. 48, no. 4. P. 597–600. DOI: 10.1177/0020731418801413.

2. Zwick A. Welcome to the Gig Economy: neoliberal industrial relations and the case of Uber // *GeoJournal*. 2018. Vol. 83, no. 4. P. 679–691. DOI: 10.1007/s10708-017-9793-8.

3. De Stefano V. The rise of the «just-in-time workforce»: On-demand work, crowdwork and labour protection in the «gig-economy» // *Conditions of work and employment series*. No. 71. Geneva: ILO, 2016. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_protect/@protrav/@travail/documents/publication/wcms_443267.pdf (дата обращения: 20.07.2024).

4. Дианов Р. К. Карьерный габитус студенческой молодежи в контексте гиг-экономики: опыт эмпирического исследования // *Социальное пространство*. 2023. Т. 9, № 4. DOI: 10.15838/sa.2023.4.40.7.

5. Дианов Р. К. Гиг-экономика: опыт эмпирических исследований в США // *Russian Economic Bulletin*. 2023. Т. 6, № 3. С. 71–76.

6. Gig Economy in Chile: Examining Labor Conditions and the Nature of Gig Work in a Global South Country / A. Arriagada, M. Bonhomme, F. Ibáñez, J. Leyton // *The Digital Geography and Society*. 2023. Vol. 5: 100063. DOI: 10.1016/j.diggeo.2023.100063.

7. Прекариат: становление нового класса / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020.

8. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.

9. Белл Д., Иноземцев В. Л. Эпоха разобщенности: размышления о мире XXI века. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007.

10. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. М.: АСТ, 1999.

11. Тоффлер О. Адаптивная корпорация // *Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология* / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Академия, 1999. С. 448–462.

12. Тоффлер О. Будущее труда / пер. с англ. Н. Л. Поляковой // Новая технократическая волна на Западе / сост. П. С. Гуревич. М.: Прогресс, 1986. С. 250–275.
13. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство / пер. с англ. М. Султановой, Н. Цыркун, А. Александровой. М.: АСТ, 2008.
14. Полякова Н. Л. XX век в социологических теориях общества. М.: Логос, 2004.
15. Drucker P. F. Post-Capitalist Society. NY: HarperCollins, 1993.
16. Drucker P. F. The Rise of the Knowledge Society // The Wilson Quarterly. 1993. Vol. 17, no. 2. P. 52–72.
17. Анисимов Р. И. Труд в эпоху неопределенности // Социол. исслед. 2017. № 11. С. 44–52. DOI: 10.7868/S013216251711006X.
18. Слободская А. В. Прекариат и креативный класс: сравнительный анализ паттернов социальной структуры постиндустриального общества // Вестн. ТомГУ. Философия. Социология. Политология. 2018. № 42. С. 51–59. DOI: 10.17223/1998863X/42/5.
19. Pink D. H. Free Agent Nation: How America's New Independent Workers Are Transforming the Way We Live. NY: Warner Books, 2001.
20. Патырбаева К. В. Америка в поисках новой идентичности: концепция свободного агента Д. Пинка // Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. 2012. № 1 (9). С. 70–79.
21. Whyte W. H. The Organization Man. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2002.
22. Hanson D., O'Donohue W. William Whyte's The Organization Man: A Flawed Central Concept but a Prescient Narrative // Management revue. 2010. Vol. 21, no. 1. P. 95–104. DOI: 10.1688/1861-9908_mrev_2010_01_Hanson.
23. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / пер. с англ. А. Константинова. М.: Классика-XXI, 2007.
24. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социол. исслед. 2019. № 1. С. 18–28. DOI: 10.31857/S013216250003744-1.
25. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный клас / пер. с англ. Н. Усовой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
26. Тощенко Ж. Т. Феномен прекариата: теоретические и методологические основания исследования // Социол. исслед. 2019. № 9. С. 51–63. DOI: 10.31857/S013216250006669-8.
27. Тощенко Ж. Т. Прекариат – новое явление на рынке труда // Ядовские чтения: перспективы социологии: сб. науч. докл. конф., СПб., 14–16 декабря 2015 г. / под ред. О. Б. Божкова, С. С. Ярошенко, В. Ю. Бочарова. СПб.: Эйдос, 2016. С. 182–191.
28. Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.
29. От прекарной занятости к прекаризации жизни / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2022.
30. Шевченко И. О., Шевченко П. В. От прекаризации занятости – к прекаризации жизни? // Социол. исслед. 2022. № 7. С. 63–75. DOI: 10.31857/S013216250018913-7.
31. Стребков Д. О., Шевчук А. В. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: ВШЭ, 2022. DOI: 10.17323/978-5-7598-2722-1.

Информация об авторе.

Дианов Роман Константинович – аналитик II категории Отдела качества образования Управления учебно-организационной работы, аспирант кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, пр. Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Россия. Автор более 10 научных публикаций. Сфера научных интересов: исследования в области труда, занятости и карьеры.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 25.07.2024; принята после рецензирования 03.03.2025; опубликована онлайн 19.06.2025.*

REFERENCES

1. Muntaner, C. (2018), "Digital Platforms, Gig Economy, Precarious Employment, and the Invisible Hand of Social Class", *International J. of Social Determinants of Health and Health Services*, vol. 48, no. 4, pp. 597–600. DOI: 10.1177/0020731418801413.
2. Zwick, A. (2018), "Welcome to the Gig Economy: neoliberal industrial relations and the case of Uber", *GeoJournal*, vol. 83, no. 4, pp. 679–691. DOI: 10.1007/s10708-017-9793-8.
3. De Stefano, V. (2016), "The rise of the 'just-in-time workforce': On-demand work, crowdwork and labour protection in the 'gig-economy'", *Conditions of work and employment series*, no. 71, ILO, Geneva, SWZ, available at: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_protect/@protrav/@travail/documents/publication/wcms_443267.pdf (accessed 20.07.2024).
4. Dianov, R.K. (2023), "Career Habitus of University Students in the Context of the Gig Economy: Empirical Study", *Social Area*, vol. 9, no. 4. DOI: 10.15838/sa.2023.4.40.7.
5. Dianov, R.K. (2023), "Gig economy: Empirical research experience in the USA", *Russian Economic Bulletin*, vol. 6, no. 3, pp. 71–76.
6. Arriagada, A., Bonhomme, M., Ibáñez, F. and Leyton, J. (2023), "The Gig Economy in Chile: Examining Labor Conditions and the Nature of Gig Work in a Global South Country", *Digital Geography and Society*, vol. 5: 100063. DOI: 10.1016/j.diggeo.2023.100063.
7. Toshchenko, Zh.T. (ed.) (2020), *Prekariat: stanovlenie novogo klassa* [Precariat: the emergence of a new class], Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga, Moscow, RUS.
8. Bell, D. (1999), *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozi-rovaniya* [The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting], Transl. by Inozemtsev, V.L., Academia, Moscow, RUS.
9. Bell, D. and Inozemtsev, V.L. (2007), *Epokha razobshchennosti: razmyshleniya o mire XXI veka* [The Age of Disunity: Reflections on the World of the 21st Century], Tsentr issledovaniy postindustrial'nogo obshchestva, Moscow, RUS.
10. Toffler, A. (1999), *The Third Wave*, Transl., AST, Moscow, RUS.
11. Toffler, A. (1999), "The Adaptive Corporation", *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade. Antologiya* [The New Post-Industrial Wave in the West: An Anthology], Akademiya, Moscow, RUS, pp. 448–462.
12. Toffler, A. (1986), "The Future of Labour", Transl. by Polyakova, N.L., *Novaya tekhnokraticheskaya volna na Zapade* [A New Technocratic Wave in the West], Gurevich, P.S. (comp.), Progress, Moscow, USSR, pp. 250–275.
13. Toffler, A. and Toffler, H. (2008), *Revolutionary Wealth*, Transl. by Sultanova, M., Tsyrukun, N. and Aleksandrova, A., AST, Moscow, RUS.
14. Polyakova, N.L. (2004), *XX vek v sotsiologicheskikh teoriyakh obshchestva* [The 20th century in sociological theories of society], Logos, Moscow, RUS.
15. Drucker, P.F. (1993), *Post-Capitalist Society*, HarperCollins, NY, USA.
16. Drucker, P.F. (1993), "The Rise of the Knowledge Society", *The Wilson Quarterly*, vol. 17, no. 2, pp. 52–72.
17. Anisimov, R.I. (2017), "Labor in the uncertainty epoch", *Sociological Studies*, no. 11, pp. 44–52. DOI: 10.7868/S013216251711006X.
18. Slobodskaya, A.V. (2018), "The precariat and the creative class: a comparative analysis of the social structure patterns of a post-industrial society", *Tomsk State Univ. J. of Philosophy, Sociology and Political Science*, no. 42, pp. 51–59. DOI: 10.17223/1998863X/42/5.
19. Pink, D.H. (2001), *Free Agent Nation: How America's New Independent Workers Are Transforming the Way We Live*, Warner Books, NY, USA.
20. Patyrbaeva, K.V. (2012), "America is searching new identity: D. Pink's theory of free agent", *Perm Univ. Herald. Philosophy. Psychology. Sociology*, no. 1 (9), pp. 70–79.
21. Whyte, W.H. (2002), *The Organization Man*, Univ. of Pennsylvania Press, Philadelphia, USA.

22. Hanson, D. and O'Donohue, W. (2010), "William Whyte's The Organization Man: A Flawed Central Concept but a Prescient Narrative", *Management revue*, vol. 21, no. 1, pp. 95–104. DOI: 10.1688/1861-9908_mrev_2010_01_Hanson.

23. Florida, R. (2007), *The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*, Transl. by Konstantinov, A., Klassika-XXI, Moscow, RUS.

24. Buzgalin, A.V. and Kolganov, A.I. (2019), "Social Structure Transformation of Late Capitalism: from Proletariat and Bourgeoisie Towards Precariat and Creative Class?", *Sociological Studies*, no. 1, pp. 18–28. DOI: 10.31857/S013216250003744-1.

25. Standing, G. (2014), *The Precariat: The New Dangerous Class*, Transl. by Usova, N., Ad Marginem Press, Moscow, RUS.

26. Toshchenko, Zh.T. (2019), "The Precariat Phenomenon: Theoretical and Methodological Premises of its Study", *Sociological Studies*, no. 9, pp. 51–63. DOI: 10.31857/S013216250006669-8.

27. Toshchenko, Zh.T. (2016), "Precariat – a new phenomenon in the labor market", *Yadovskie chteniya: perspektivy sotsiologii* [Yadov's readings: The perspectives of sociology], *Proc. of the scientific Conf.*, St Petersburg, RUS, 14–16 Dec. 2015, pp. 182–191.

28. Toshchenko, Zh.T. (2018), *Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu. Monografiya* [Precariat: from Protoclass to a New Class], Nauka, Moscow, RUS.

29. Toshchenko, Zh.T. (ed.) (2022), *Ot prekarnoi zanyatosti k prekarizatsii zhizni* [From Precarious Employment to Precarious Quality of Life], Ves' Mir, Moscow, RUS.

30. Shevchenko, I.O. and Shevchenko, P.V. (2022), "From Employment Precarization to Life Precarization?", *Sociological Studies*, no. 7, pp. 63–75. DOI: 10.31857/S013216250018913-7.

31. Strebkov, D.O. and Shevchuk, A.V. (2022), *Chto my znaem o frilanserakh? Sotsiologiya svobodnoi zanyatosti* [What do we know about freelancers? Sociology of free employment], HSE, Moscow, RUS. DOI: 10.17323/978-5-7598-2722-1.

Information about the author.

Roman K. Dianov – Analyst at the Education Quality Department of the Educational and Organizational Work Directorate, Postgraduate at the Sociology Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76 Vernadskogo ave., Moscow 119454, Russia. The author of more than 10 scientific publications. Area of expertise: labor, employment and career studies.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 25.07.2024; adopted after review 03.03.2025; published online 19.06.2025.

Оригинальная статья

УДК 316.4

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-3-67-78>

Вопросы человекоцентричности культуры управления организацией

Ирина Владимировна Калашникова¹, Денис Вячеславович Несмеянов²✉

^{1, 2}*Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия*

¹*006013@togudv.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4950-5862>*

²✉*013319@togudv.ru, <https://orcid.org/0009-0002-5750-0009>*

Введение. В статье рассматриваются социокультурные вопросы паттерна руководителя в концепции человекоцентричного менеджмента, суть которого описывается моделью социально-трудовых процессов, где в центре внимания находятся личность человека, его потребности, ценности, интересы, мотивы. Актуальность темы обусловлена трансформацией подсистем управления, сопровождающейся переходом «субъект-объектных» отношений к модели «субъект-субъектных» взаимодействий и особым вниманием к благоприятным условиям внутрикорпоративной социальной среды.

Методология и источники. Теоретическая часть исследования строится вокруг концепции социального конструктивизма, рассматривающего руководителя с позиции интерсубъективности. Методической основой по составлению формы опроса выступают принципы социоклинического подхода и авторская модель компетенций человекоцентричного поведения. Эмпирическая база – работники государственных и частных организаций г. Хабаровска (n = 390).

Результаты и обсуждение. В результатах исследования, подкрепленных опросами ВЦИОМ, особое внимание уделяется компетенциям руководителей в контексте деловой этики, прозрачности управления, реципрокности и поведения в конфликтных ситуациях. Авторами отмечается существенное влияние стиля управления на формирование управленческой культуры, сплоченности и вовлеченности коллектива. Субъектность работника в системе управления требует от руководителя особого управленческого стиля, ориентированного на человека.

Заключение. В концепции человекоцентричного менеджмента закладываются принципы гуманизма, означающие нахождение в центре социально-трудовых процессов личности человека, его потребностей, ценностей, интересов, мотивов. Быть человекоцентричным руководителем, значит представлять подчиненного в образе партнера, а не «инструмента» для достижения целей организации. Трендом становится курс на инклюзивность как элемент социального равновесия, когда компания остается открытой, признавая и принимая человеческие различия, предоставляя возможность равного участия в деятельности, что способствует развитию чувства принадлежности, социально-культурной сплоченности и коллективного благополучия.

Ключевые слова: культура управления, управление организацией, руководитель, человекоцентричность, сотрудник

Для цитирования: Калашникова И. В., Несмеянов Д. В. Вопросы человекоцентричности культуры управления организацией // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 3. С. 67–78. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-67-78

© Калашникова И. В., Несмеянов Д. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Issues of Human-Centricity of the Organization's Management Culture

*Irina V. Kalashnikova*¹, *Denis V. Nesmeyanov*²✉

^{1,2}*Pacific National University, Khabarovsk, Russia*

¹*006013@togudv.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4950-5862>*

²✉*013319@togudv.ru, <https://orcid.org/0009-0002-5750-0009>*

Introduction. The article examines the socio-cultural issues of the leadership pattern in the concept of human-centered management, the essence of which is described by a model of social and labor processes, where the focus is on human personality, needs, values, interests, and motives. The relevance of the topic is due to the transformation of management subsystems, accompanied by the transition of “subject-object” relations to the model of “subject-subject” interactions and special attention to the favorable conditions of the internal corporate social environment.

Methodology and sources. The theoretical part of the study is based on the concept of social constructivism, which considers the leader from the perspective of intersubjectivity. The principles of the socioclinical approach and the author's competence model of human-centered behavior serve as the methodological basis for compiling the survey form. The empirical base consists of employees of public and private organizations in Khabarovsk (n = 390).

Results and discussion. The results of the study, supported by VTSIOM surveys, pay special attention to the competencies of managers in the context of business ethics, transparency of management, reciprocity and behavior in conflict situations. The authors note the significant influence of the management style on the formation of managerial culture, cohesion and involvement of the team. The subjectivity of the employee in the management system requires a special human-oriented management style from the head.

Conclusion. The concept of human-centered management lays down the principles of humanism, which mean that a person's personality, needs, values, interests, and motives are at the center of social and labor processes. Being a human-centered leader means presenting a subordinate as a partner, not as a “tool” to achieve the goals of the organization. The trend is towards inclusivity as an element of social balance, when a company remains open, recognizing and accepting human differences, providing opportunities for equal participation in activities, which contributes to the development of a sense of belonging, socio-cultural cohesion and collective well-being.

Keywords: management culture, organization management, manager, human-centricity, employee

For citation: Kalashnikova, I.V. and Nesmeyanov, D.V. (2025), “Issues of Human-Centricity of the Organization's Management Culture”, *DISCOURSE*, vol. 11, no. 3, pp. 67–78. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-67-78 (Russia).

Введение. Культура управления, предполагающая совокупность ценностей, идей, взглядов, философских воззрений, регламентов, норм поведения, а также принципов морали, этики, права и ответственности, представляет интерес в качестве предмета исследования для современной социологии. На макроуровне она связана с деятельностью общественных институтов и направлена на регулирование спонтанных и изученных процессов, объективных и субъективных начал, последствий социально-экономической энтропии, на

целесообразное упорядочение складывающихся в обществе отношений. На уровне организации основные элементы культуры управления – культура руководителя; культура аппарата управленческих работников; культура процессов управления и условий труда; культура работы с информацией и документами. Перечисленные элементы органически взаимосвязаны. Определяющей среди них является личная культура руководителя, выражающая комплекс многообразных компетенций, необходимых ему для эффективной управленческой деятельности. В понимании управленческой культуры все более важным становится человек с его ценностными ориентациями, поведением, отношением и реакцией на изменение своего статуса и положения не только как отдельного индивида, но и члена определенной социальной группы (в том числе трудового коллектива).

Человекоцентричность управления, полагают авторы, представляет собой социокультурную составляющую управленческих отношений, где работник, его потребности, интересы, ожидания и права являются приоритетом при принятии решений, а внутрикорпоративное пространство обеспечивает поддержку «субъект-субъектного» социального взаимодействия. Человекоцентричность не только способствует удовлетворению текущих потребностей, но и в первую очередь ориентирована на создание особых системных условий самореализации, развития работников, их удовлетворенности трудом. Управление, выстроенное на принципах человекоцентричности, позволяет говорить о качественной трансформации культуры отношений между руководителем и подчиненными.

Основой культуры управления руководителя, на наш взгляд, является набор определенных ценностных установок, взглядов, норм, правил поведения, представлений о методах управления, реализуемых в процессе управленческой деятельности. Насколько эффективно они применяются в профессиональной деятельности, зависит от наличия у руководителя соответствующих компетенций и/или возможностей их развития. Турбулентность социального пространства современной организации, обусловленная текущей ситуацией «старения» рабочей силы, «сжатия» предложения и перспективами рынка труда, расширение практики внедрение принципов Agile и социальной ответственности в систему менеджмента компаний актуализируют требования человекоцентричности к стилю руководства.

Методология и источники. Не отвергая позитивистские теории, данное исследование основано главным образом на фундаментальных положениях концепции социального конструктивизма, который делает упор на субъективные факторы, а под структурой понимает различные условия и процессы, влияющие на поведение субъектов в обществе. Согласно теории конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана [1], наиболее значимая реальность – интересубъективный мир, который человек разделяет с другими. Поскольку реальность конструируется интересубъективным сознанием, вопрос о качественном различии между объективной и субъективной реальностью жизни нивелируется. Базисным концептом конструктивизма является восприятие человеком времени, которое зависит от временной структуры жизни общества с его кризисами, достижениями, определяет знания и характер социального взаимодействия людей. При этом знание следует трактовать как совокупность того, что каждый знает о социальном мире: правила поведения, моральные принципы, предписания, ценности, верования, традиции и т. д. Таким образом, знанию присущ дуализм. С одной стороны, оно, определяя мотивационную динамику институционализированного поведения,

способствует пониманию intersубъективного мира, социальной реальности, с другой – участвует в созидании этой реальности, в том числе архетипа конкретной организации.

Архетип любой компании детерминирован поведением руководителя. Он как «архитектор» и главный носитель корпоративной культуры, культуры управления сам является продуктом социального конструирования, а его коммуникации с подчиненными и сотрудниками создают социальное внутрикорпоративное пространство. Исследование упомянутого пространства на уровне организации предполагает применение клинического подхода, проведение анализа латентных аспектов деятельности организации как социальной системы. В контексте данной работы подход фокусирует внимание на выявлении переменных, определяющих поведение руководителя и управленческие практики его взаимодействия с подчиненными. В большинстве случаев использование социоклинических методик позволяет обнаружить отклонения во внутрикорпоративной среде от декларируемых ценностей, регламентов, правил, а также диагностировать проблемы, имеющие отношение к культуре управления, устанавливать причины организационных конфликтов, способы их разрешения и недопущения, мотивы поведения сотрудников в компании.

В качестве информационной базы исследования были использованы материалы ВЦИОМ: «Топ-менеджеры России: высокая ответственность и эффективное управление» (2018 г.) [2], «Не только деньги, или О факторах выбора работы в России» (2024 г.) [3].

Изучая культуру управления современных российских компаний, никто лучше, чем сам сотрудник, не может предоставить материал для понимания современных требований со стороны работников. Доверительные деловые практики, справедливость принимаемых решений, создание благоприятного рабочего климата и прочие ожидания – содержательное представление простых сотрудников о современной организации [4].

Онлайн-выборочное исследование культуры управления авторы проводили, руководствуясь фреймом человекоцентричного поведения руководителя. Для этого в период с 10 декабря 2024 г. по 10 февраля 2025 г. был организован интернет-опрос работников государственных и частных компаний, осуществляющих деятельность на территории Хабаровска. Выборка определена методом «снежного кома», что позволило получить ответы на интересующие нас вопросы анкеты ($n = 390$; общая численность работающей части населения городского округа – 367,4 тыс. чел., что свидетельствует о репрезентативности выборки с точностью в 95 %).

Структуру формализованного опроса определил паттерн человекоцентричного руководителя, включающий «ядро» и «оболочечные» умения и навыки, где особая роль отводится таким базисным компетенциям («ядро»), как конгруэнтность, эмпатия и принятие, способствующим формированию доверительных отношений в команде, трудовом коллективе как социальной группе [5] (рис. 1).

Конгруэнтность – этико-психологический идеал, обеспечивающий единение и взаимопонимание [6]. Проявлений конгруэнтности много – от адекватности чувств и эмоций в сложившейся ситуации до соблюдения личностных границ в отношениях «руководитель – работник». Конгруэнтность руководителя в социальном внутрикорпоративном пространстве могут оценить только члены коллектива. Любое применение руководителем манипулятивных средств (давление на чувство вины, лесть, ложные обещания, перекладывание ответ-

ственности, угрозы и др.) по умолчанию делают его неконгруэнтным. Конгруэнтность не тождественна эмпатии. Оба понятия подразумевают понимание чувств и отражение этого понимания в своем поведении. Однако эмпатия заключается в распознавании эмоций и чувств собеседника. Чем эмпатичнее руководитель, тем эффективнее внутрикорпоративные коммуникации [7].

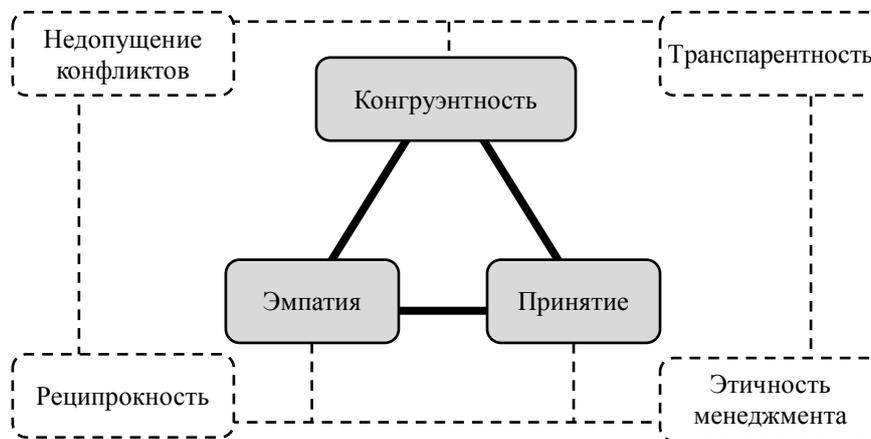

Рис. 1. Модель базисных и «оболочечных» компетенций человекоцентричного поведения руководителя
Fig. 1. A model of the basic and “shell” competencies of human-centered manager behavior

Можно сказать, что для социального пространства организации эмпатия руководителя позволяет учитывать интересы и ожидания сотрудников, упреждая увольнения по собственному желанию, обеспечивая удовлетворенность трудом и формирование лояльности. В ситуации напряженной атмосферы в организации, конфликта эмпатия часто бывает единственно верным способом достижения результата «win-win». «Принятие» человекоцентричного поведения руководителя заключается в позитивном восприятии работников компании. Видя сильные и слабые стороны сотрудников, руководитель содействует повышению эффективности их труда, выступая в роли наставника, создавая атмосферу гармонии отношений в коллективе. Реципрокность культуры управления, по мнению авторов, характеризуется доброжелательным, социально ответственным поведением руководителя, которое предполагает отсутствие манипуляций и ожиданий разного формата благодарности со стороны сотрудников. Принимая персональные решения, руководитель, обладающий компетенцией реципрокности [8], не предусматривает личную заинтересованность, получение выгоды. Транспарентность в паттерне руководителя обеспечивается предоставлением работникам открытой, понятной, полной и своевременной информации, что положительно сказывается на предсказуемости принимаемых решений, действий. Этичность важна для формирования благоприятного социально-психологического климата в коллективе, самореализации и удовлетворенности сотрудников своим трудом. Бесконфликтная среда – важное условие гармонии внутрикорпоративного пространства.

Совокупность компетенций «ядра» человекоцентричности формирует доверие. Его отсутствие порождает чувство недооцененности персонала, снижает мотивацию и продуктивность труда. Наличие/отсутствие компетенций «ядра» у руководителя определялось в исследовании авторов через ответы респондентов, например, на следующие вопросы: «Удовлетворены ли Вы сложившимися отношениями с руководителем?», «Ваш руководитель

использует манипуляции в отношении Вас и коллег?», «Отношение руководителя к подчиненным зависит от наличия у них профессиональных компетенций?» и др. При выявлении «оболочечных» компетенций, учитывалось мнение работников в отношении поведения руководителя в конфликтной ситуации, манипулирования, открытости в общении, этичности.

Первая часть анкетирования посвящена именно выявлению наличия доверия как основополагающего фактора процесса сплочения, инициация которого, согласно мнению авторов, принадлежит руководителю. Вторая часть призвана определить сформированность «оболочечных» компетенций человекоцентричного поведения руководителя: реципрокности, транспарентности, этичности менеджмента и недопущения конфликтов.

Результаты и обсуждение. Человекоцентричное управление формирует благоприятную внутрикорпоративную среду, в которой работники организации удовлетворены своим трудом. Их трудовая деятельность становится более продуктивной, производительной, потому что они довольны своей работой и сложившимися отношениями на рабочем месте. Помимо таких факторов удовлетворенности, как оплата, содержание, условия, безопасность труда, к ним относится поведение руководителя. Помимо удовлетворенности работой, поведение менеджера, ориентированное на человека, обеспечивает вовлеченность, доверие, формирует эмоциональную (аффективную) лояльность персонала, его приверженность организации, что исключительно важно в случае неблагоприятно складывающейся конъюнктуры внешней среды.

Вовлеченность и удовлетворенность близки по смыслу, но измеряют разные стороны отношений, складывающихся во внутрикорпоративном социальном пространстве. Вовлеченность следует понимать как освоение членами организации своих рабочих ролей; вовлеченные сотрудники реализуются физически, когнитивно, интеллектуально и эмоционально в процессе профессиональной деятельности. Как писал Уильям Кан (William Kahn), вовлеченные сотрудники «полностью поглощены своей работой и с энтузиазмом относятся к ней». Удовлетворенность – предпосылка вовлеченности. Последняя показывает, насколько сотрудники сосредоточены на поставленных перед ними задачах и с какой готовностью они отдают свои знания и силы. Вовлеченный работник, как правило, удовлетворен трудом, а удовлетворенный сотрудник необязательно вовлечен в работу, старается не выходить за рамки своих обязанностей, предусмотренных должностью. Именно вовлеченный, вероятнее всего, будет работать сверх своих обязанностей, помогать коллегам, согласится на сверхурочную работу [9].

И удовлетворенность, и вовлеченность сотрудников – частный результат культуры управления и деятельности всего руководства, от руководителей первичного звена до топ-менеджеров.

Топ-менеджеры – особая каста руководителей, принимающих стратегические решения, обладающих широким кругом полномочий и подчиняющихся небольшому числу начальников. В коммерческих организациях это руководители высшего звена, которые несут груз ответственности за эффективное управление. Их отличают степень влияния на деятельность организации, прямое подчинение высшему руководству, работа в крупной компании. В современной литературе научно-практического характера их упоминают через трехбуквенную аббревиатуру: первая буква С (Chief); вторая указывает на конкретный род деятельности

(М (Marketing), Е (Executive) и т. д.); последняя О (Officer). Chief ... Officer – это руководитель высшего уровня. Так, должность генерального директора часто называют CEO. Заметим, что этот термин еще меньше знаком россиянам, чем топ-менеджер.

Несмотря на важность топ-менеджмента для успешной деятельности компании, согласно исследованиям ВЦИОМ (сентябрь 2018 г.) [2], кто такие топ-менеджеры в 2018 г. знали только 41 % респондентов, 53 % слышали это слово, но не знают, что оно означает, а 6 % опрошенных слово «топ-менеджер» даже не слышали. По мнению многих (49 %), должность «топа» могут занять только те, кто с рождения обладает определенными качествами. Оставшиеся 41 % полагают, что можно стать топ-менеджером, если развивать в себе нужные качества. При этом больше 1/3 респондентов полагают, что «топами» становятся обычные управленцы, использующие дружеские связи. В ТОП-3 главных качеств успешного топ-менеджера, по мнению опрошенных, вошли: грамотность, образованность, компетентность (32 %), коммуникабельность (15 %), порядочность (14 %). Помимо порядочности, к человекоцентричности руководителя следует отнести наличие лидерских качеств (12 %), ответственность (10 %), 22 % среди тех, кому 18–24 года; забота о сотрудниках (6 %), особо значимая для возрастной когорты «60+» (12 %); стрессоустойчивость (6 %).

О том, насколько россияне удовлетворены работой, позволяет судить мониторинговый опрос, проводимый ВЦИОМ (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов россиян на вопрос «Удовлетворены ли Вы в целом своей работой?»
Table 1. Distribution of Russians' responses to the question "Are you generally satisfied with your work?"

Варианты ответа	Количество ответивших, %							
	2004	2006	2009	2011	2018	2019	2020	2024
Вполне удовлетворен	24	29	30	25	43	40	40	48
Скорее удовлетворен	46	40	41	43	37	39	44	36
Скорее неудовлетворен	20	23	21	22	13	16	11	10
Совершенно неудовлетворен	9	8	5	7	5	5	4	5
Затрудняюсь ответить	1	0	3	3	2	0	1	1

По опросам ВЦИОМ в 2024 г. [3], 84 % работающих удовлетворены работой. Из них 48 %, почти каждый второй, вполне удовлетворены. Это самый высокий показатель с 2004 г. С 2020 г. он вырос на 8 п. п. По сравнению с 2004 г. численность удовлетворенных работой в 2024 г. возросла на 14 п. п.

При трудоустройстве для россиян по-прежнему наиболее важны размер заработной платы (в 2004 г. – 74 %, в 2024 г. – 50 %); удобный режим, график работы (в 2004 г. – 21 %, в 2024 г. – 31 %); возможность профессиональной самореализации, профессиональный рост (в 2004 г. – 23 %, в 2024 г. – 28 %). Растет значимость установления хороших отношений с коллективом и начальством. Если в 2004 г. на этот фактор обращали внимание 6 %, то в 2024 г. – 17 %. Особенно хорошие отношения в коллективе и с начальством важны для женщин (18 %), а также в возрастных когортах 18–24 года (25 %) и 25–34 года (23 %).

Доверительные отношения в социально-трудовой сфере – результат долгой работы, большей частью ложащийся на плечи руководителя, человекоцентричный профиль которого определяется опционально, исходя из сочетаний конгруэнтности, эмпатии и принятия. Набор данных черт и их уровень развитости детерминируют паттерн человека в гуманистической составляющей менеджмента компании [10, 11].

Сбор и анализ оценочных суждений работающих респондентов о своем непосредственном руководителе позволяет, во-первых, в целом охарактеризовать их соответствие тренду ориентации менеджмента на сотрудника, а во-вторых, выявить распространенность практики человекоцентричности в поведении руководителя.

Большинство сотрудников организаций Хабаровска отмечают удовлетворенность сложившимися отношениями с руководителем (рис. 2). Почти $\frac{3}{4}$ опрошенных на вопрос «Удовлетворены ли Вы сложившимися отношениями между Вами и руководителем?» выразили положительное мнение, заключающееся в ответах «скорее да» и «точно да». Низкую удовлетворенность («скорее нет» и «точно нет») отметили 17,3 % респондентов. Оставшиеся 9,6 % не смогли оценить характер сложившихся отношений с руководителем.

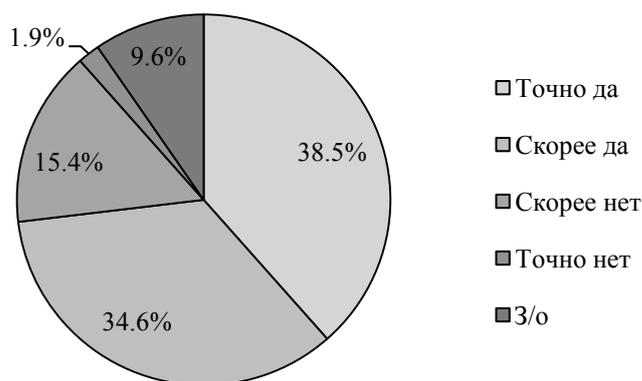

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Удовлетворены ли Вы сложившимися отношениями между Вами и руководителем?»
Fig. 2. The distribution of answers to the question “Are you satisfied with the established relationship between you and your manager?”

Если сравнить с результатами мониторингового опроса ВЦИОМ об удовлетворенности россиян работой в целом в марте 2024 г. [3], только 17 % определили «установления хороших отношений с коллективом и начальством» в качестве важного фактора, влияющего при устройстве на работу. Данный критерий значительно уступает размеру заработной платы (50 %); удобному режиму, графику работы, чтобы было удобно добираться (31 %); возможности профессиональной самореализации (28 %); предоставлению социальных гарантий (26 %) и хорошим условиям труда (22 %). Установление хороших отношений в компании актуально именно среди занятого населения. Так, работающие чаще говорят о значимости создания положительных контактов с коллективом и руководителем (18 %), нежели неработающие (16 %).

На формирование благоприятных условий на рабочем месте оказывают воздействие самые разнообразные факторы. Среди них – отсутствие манипуляций в поведении руководителя, эксплуатирующего свою власть над подчиненными для выполнения своих задач и эгоистических интересов. Манипулятивное поведение традиционно предполагает внушение страха, обязанности, чувства вины. Разновидностью манипуляций является газлайтинг. Он заставляет работника сомневаться в правильности своих действий, понимании сложившейся ситуации, в уровне собственных профессиональных компетенций. Для выявления деструкций этого порядка респондентам был задан вопрос: «Ваш руководитель использует манипуляции в отношении Вас и коллег?» Каждый четвертый опрошенный сотрудник

(25,7 %) в том или ином виде сталкивался с манипулятивным воздействием со стороны руководителя (рис. 3). Среди тех, кто испытал манипуляции на работе, много представителей молодых поколений в возрасте 17–24 и 25–29 лет, на них пришлось 12,6 % и 6,3 % соответственно.

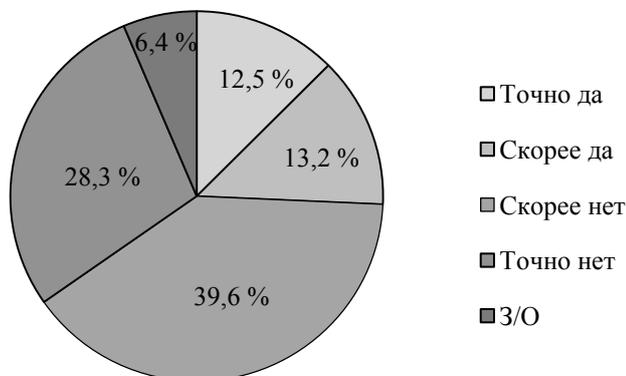

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Ваш руководитель использует манипуляции в отношении Вас и коллег?»
Fig. 3. The distribution of answers to the question “Does your manager use manipulation in relation to you and colleagues?”

Другие ответы на вопрос человекоцентричного поведения руководителя, определяемые «оболочечными» компетенциями, представлены в табл. 2.

Таблица 2. Распределение ответов на вопросы, касающиеся «оболочечных» компетенций человекоцентричности руководителя

Table 2. Distribution of answers to questions concerning the “shell” competencies of the manager's human-centricity

Содержание вопроса	Количество ответивших, %				
	Согласен (точно да)	Скорее согласен (скорее да)	Скорее не согласен	Не согласен	Нет ответа
Ваш руководитель, как правило, придерживается норм деловой этики	35,8	32,1	24,5	1,9	5,7
Поведение руководителя с подчиненными зависит от наличия у них профессиональных компетенций	30,2	30,2	18,9	7,5	13,2
Отношение руководителя к подчиненным зависит от их лояльного отношения к нему	28,3	26,4	26,4	5,7	13,2
Руководитель проявляет открытость в общении с подчиненными, прозрачность принимаемых решений	35,8	49,1	7,5	–	7,5
В критических ситуациях руководитель проявляет выдержку, сохраняет эмоциональное спокойствие	28,3	45,3	11,3	9,4	5,7
Руководитель старается пресекать нарушения деловой этики подчиненными	17,0	34,0	17,0	15,0	17,0
Принимая решение, руководитель придерживаться принципов справедливости, честности, непредвзятости	30,2	41,5	9,4	5,7	13,2
Принимая решения, касающиеся конкретного работника, руководитель не предполагает получение личной выгоды и ответной благодарности в будущем	30,2	39,6	11,3	7,6	11,3

Следует иметь в виду, что границы компетенций человекоцентричности порой размыты, что обуславливает сложность выявления их обособленного проявления и влияния на работника. Но все они призваны содействовать формированию благоприятного внутрикорпоративного пространства, а также не допускать формирования и развития деструктивной культуры.

Почти 68 % опрошенных хабаровчан отмечают приверженность руководителей деловой этике. Руководители проявляют справедливость, честность и непредвзятость – так считают 71,7 % опрошенных; «не согласны» и «скорее не согласны» 5,7 % и 9,4 %. Однако 60,4 % отметили, что «поведение руководителя с подчиненными зависит от наличия у них профессиональных компетенций». К негативным результатам следует отнести тот факт, что 54,7 % участников опроса считают, что отношение руководителя к подчиненным определяется их лояльностью. «В критических ситуациях руководитель проявляет выдержку, сохраняет эмоциональное спокойствие» – так считают 73,6 % тех, кто принял участие в анкетировании; 20,7 % придерживаются иной точки зрения.

При исследовании компетенции транспарентности в профиле человекоцентричного руководителя актуальны вопросы открытости и прозрачности менеджмента. Около 85 % опрошенных уверены, что их руководитель открыт в общении, а принимаемые им решения прозрачны. Почти 70 % респондентов отметили, что, «принимая решения, касающиеся конкретного работника, руководитель не предполагает получение личной выгоды и ответной благодарности в будущем», что свидетельствует о реципрокности менеджмента.

В анкете отдельным блоком были представлены стратегии поведения руководителя в конфликтных ситуациях. Способность предпринимать превентивные меры, упреждая конфликт, умение руководителя уладить конфликтную ситуацию отметили по 67,9 %; 15,1 % указали, что руководитель сам является инициатором конфликта; 32,1 % ответили, что руководитель избегает участия в разрешении спорных ситуаций.

Человекоцентричное поведение руководителя концентрированным образом выражается в стиле управления. Он (стиль управления) либо способствует формированию сплоченности сотрудников, командного духа в коллективе, либо их разрушает, приводя к «загрязнению» социальной среды и деформациям корпоративной культуры. Почти 66 % респондентов полагают, что стиль руководителя содействует сплоченности; 24,6 % «не согласны» и «скорее не согласны» с данным утверждением; 9,4 % затруднились ответить. Это свидетельствует о том, что, к сожалению, руководители не всегда уделяют должное внимание своему стилю менеджмента.

Заключение. Многообразие внутренних и внешних факторов, динамичность внутренней и внешней корпоративной среды, изменение требований регулятора являются триггерами перемен в организации. Осознание прошлого и предвосхищение будущего положения компании на рынке, понимание интересов, ожиданий, мировоззренческих установок сотрудников тоже вызывают необходимость подстройки поведения руководителя под складывающиеся реалии. В зависимости от ситуации формируется запрос на соответствующий стиль управления, доминирование тех или иных компетенций менеджера.

Как и любой человек, руководитель обладает набором личностных и профессиональных компетенций. Они определяют модель его делового поведения. Сегодня для сотрудни-

ков важны комфортная социальная среда, благоприятный социально-психологический климат в коллективе, отношения с коллегами и начальством, возможность самореализации. Все перечисленное актуализирует человекоцентричные принципы управления. Требования человекоцентричности очевидны с позиции повсеместно внедряемой Agile-философии. Она манифестирует конструкт, основой которого является человек как единица социальной группы. Его ценностные ориентации и поведенческие установки становятся проблемным полем культуры управления, у которой первостепенная задача состоит во внутренней интеграции, сплочении сотрудников. Все более востребованными становятся компетенции руководителя, связанные с ориентацией на человека: эмпатия, принятие, конгруэнтность, реципрокность, этичность, транспарентность управления, упреждение возникновения и развития конфликтной ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергер П. Л., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
2. Топ-менеджеры России: высокая ответственность и эффективное управление // ВЦИОМ. 25.09.2018. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/top-menedzhery-rossii-vysokaya-otvetstvennost-i-effektivnoe-upravlenie?ysclid=m8h9n53guq193040029> (дата обращения: 29.01.2025).
3. Не только деньги, или О факторах выбора работы в России // ВЦИОМ. 04.04.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ne-tolko-dengi-ili-o-faktorakh-vybora-raboty-v-rossii?ysclid=m8h9rn8xzj107265548> (дата обращения: 29.01.2025).
4. Калашникова И. В., Козырская И. Е., Анিকেева Н. С. Социальное загрязнение корпоративного пространства как феномен деструктивного менеджмента // Вестн. ТОГУ. 2021. № 3 (62). С. 69–78.
5. Калашникова И. В., Несмеянов Д. В., Акимов Д. В. Человекоцентричная парадигма управления: макро- и микроуровень // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 3. С. 147–155. DOI: 10.24412/2220-2404-2025-3-4.
6. Гуру менеджмента. Карл Роджерс // Управление персоналом. 2008. № 2. URL: <https://www.top-personal.ru/issue.html?1448> (дата обращения: 01.12.2024).
7. Что такое конгруэнтность и как ее развить // РБК Тренды. 25.02.2023. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/6240d5ad9a7947a717a3db6a?ysclid=m53idwm2cw282716905> (дата обращения: 10.12.2024).
8. Барсукова С. Ю. Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика // Социол. исслед. 2004. № 9. С. 20–30.
9. Мочалин Д. Д. Как интерпретировать показатели вовлеченности персонала в компаниях // Организационная психология. 2022. Т. 12, № 4. С. 144–159. DOI: 10.17323/2312-5942-2022-12-4-144-159.
10. Калашникова И. В., Несмеянов Д. В. Организационная культура как технология менеджмента персонала // Вестн. ТОГУ. 2024. № 4 (75). С. 117–126. DOI: 10.38161/1996-3440-2024-4-117-126.
11. Колпачников В. В., Тишова А. Н. Человекоцентрированный подход в организациях: утопия или стратегический потенциал? // Организационная психология. 2016. Т. 6, № 3. С. 38–49.

Информация об авторах.

Калашникова Ирина Владимировна – доктор экономических наук (2004), профессор (2005), профессор Высшей школы менеджмента Тихоокеанского государственного университета, ул. Тихоокеанская, д. 136, г. Хабаровск, 680035, Россия. Автор 215 научных публикаций. Сфера научных интересов: трансформация социально-трудовых отношений, регулирование рынка труда, социальные технологии менеджмента персонала.

Несмеянов Денис Вячеславович – аспирант, преподаватель Высшей школы менеджмента Тихоокеанского государственного университета, ул. Тихоокеанская, д. 136, г. Хабаровск, 680035, Россия. Автор 12 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология управления, корпоративная культура, социально-трудовые отношения.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 21.03.2025; принята после рецензирования 10.04.2025; опубликована онлайн 19.06.2025.*

REFERENCES

1. Berger, P.L. and Luckmann, T. (1995), *The Social Construction of Reality A Treatise on sociology of Knowledge*, Transl. by Rutkevich, E.D., Medium, Moscow, RUS.
2. "Top managers of Russia: high responsibility and effective management" (2018), *VTSIOM*, 25.09.2018, available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/top-menedzhery-rossii-vysokaya-otvetstvennost-i-effektivnoe-upravlenie?ysclid=m8h9n53guq193040029> (accessed 29.01.2025).
3. "Not only money, or about the factors of choosing a job in Russia" (2024), *VTSIOM*, 04.04.2024, available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ne-tolko-dengi-ili-o-faktorakh-vybora-raboty-v-rossii?ysclid=m8h9rn8xzj107265548> (accessed 29.01.2025).
4. Kalashnikova, I.V., Kozyrskaya, I.E. and Anikeeva, N.S. (2021), "Social Pollution of Corporate Space as a Phenomenon of Destructive Management", *Bulletin of PNU*, no. 3 (62), pp. 69–78.
5. Kalashnikova, I.V., Nesmeyanov, D.V. and Akimov, D.V. (2025), "Human-centered management paradigm: macro- and micro levels", *Humanities, socio-economic and social sciences*, no. 3, pp. 147–155. DOI: 10.24412/2220-2404-2025-3-4.
6. "The guru of management. Carl Rogers" (2008), *Upravlenie personalom* [Personnel management], no. 2, available at: <https://www.top-personal.ru/issue.html?1448> (accessed 01.12.2024).
7. "What is congruence and how to develop it", *RBC Trends*, 25.02.2023, available at: <https://trends.rbc.ru/trends/social/6240d5ad9a7947a717a3db6a?ysclid=m53idwm2cw282716905> (accessed 10.12.2024).
8. Barsukova, S.Yu. (2004), "Reciprocal interactions. Essence, functions, specifics", *Sociological research*, no. 9, pp. 20–30.
9. Mochalin, D.D. (2022), "How to interpret employee engagement scores in companies", *Organizational psychology*, vol. 12, no. 4, pp. 144–159. DOI: 10.17323/2312-5942-2022-12-4-144-159.
10. Kalashnikova, I.V. and Nesmeyanov, D.V. (2024), "Organizational culture as a personnel management technology", *Bulletin of PNU*, no. 4 (75), pp. 117–126. DOI: 10.38161/1996-3440-2024-4-117-126.
11. Kolpachnikov, V.V. and Tishova, A.N. (2016), "Person-centered approach in organizations: utopia or strategic potential?", *Organizational psychology*, vol. 6, no. 3, pp. 38–49.

Information about the authors.

Irina V. Kalashnikova – Dr. Sci. (Economics, 2004), Professor (2005), Professor at the Higher School of Management, Pacific State University, 136 Pacific str., Khabarovsk 680035, Russia. The author of 215 scientific publications. Area of expertise: transformation of social and labor relations, labor market regulation, social technologies of personnel management.

Denis V. Nesmeyanov – Postgraduate, Lecturer at the Higher School of Management, Pacific State University, 136 Pacific str., Khabarovsk 680035, Russia. The author of 12 scientific publications. Area of expertise: sociology of management, corporate culture, social and labor relations.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 21.03.2025; adopted after review 10.04.2025; published online 19.06.2025.*

Оригинальная статья
УДК 316.473
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-3-79-90>

Этические аспекты влияния нейросетей на жизнь студенческой молодежи в контексте социологического подхода (на примере студентов ИТ-направления СПбГЭТУ «ЛЭТИ»)

**Анна Сергеевна Курапова¹✉, Сергей Владимирович Курапов²,
Анна Дмитриевна Державина³, Назар Владимирович Шатило⁴**

^{1, 4}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

²Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачёва, Москва, Россия

³Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, Россия

¹✉ ann-shilyaeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2003-7439>
sv_ksv@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3962-2850>

³derzhavina.a.d@guap.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4741-8714>

⁴dzidagorz@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8095-4209>

Введение. Статья посвящена анализу развития и внедрения систем искусственного интеллекта, в частности нейросетей, в жизнь студенческой молодежи. Их использование может как открывать новые горизонты, так и ставить серьезные этические вопросы, особенно в контексте влияния на молодежь и их образовательные траектории. Подчеркивается двойственность восприятия технологий молодежью, где, с одной стороны, их применение вызывает большой энтузиазм, с другой, существует обеспокоенность по поводу рисков манипуляции и распространения дезинформации.

Методология и источники. Рассматривается современное понимание искусственного интеллекта как комплекса технологий, способных имитировать когнитивные функции человека, включая самообучение. Обсуждаются концепции ученых: Э. Тоффлера, М. Кастельса и некоторых других, подчеркивающих значение информации и знаний в процессе общественного развития и возрастание автономии пользователей в цифровую эпоху. Акцентируется внимание на междисциплинарном подходе в изучении искусственного интеллекта. Обсуждаются его возможности в образовательном процессе, основанные на этических принципах человекоориентированного подхода (А. В. Резаев, Н. Д. Трегубов).

Результаты и обсуждение. Проведена социологическая диагностика студентов факультета компьютерных технологий СПбГЭТУ «ЛЭТИ» для изучения влияния нейросетей на принятие ими жизненно важных решений. Опрос охватил 487 респондентов. Результаты показали, что большинство студентов (59,2 %) положительно оценивают использование нейросетей, при этом 85,1 % респондентов используют их в образовательных целях. Значительная часть опрошенных выразила опасения по поводу этических вопросов, связанных с использованием нейросетей, включая потерю автономии при принятии решений и недостаток человеческого взаимодействия. Проведен ана-

© Курапова А. С., Курапов С. В., Державина А. Д., Шатило Н. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

лиз ответов нейросети ChatGPT-3.5 на вопросы, касающиеся решения этических дилемм, что удостоверило способность нейросети к эмоциональному анализу и учету этических аспектов.

Заключение. Авторы акцентируют внимание на широком потенциале использования нейросетей для принятия важных решений, но также подчеркивают риск потери субъектности и возрастания значимости нейросетей в качестве отдельной ценности для личности. Для обеспечения этического и безопасного использования данных технологий рекомендуется повышать прозрачность алгоритмов, проводить обучение пользователей, разработать этические стандарты и нормативное регулирование их применения.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросеть, ChatGPT-3.5, студенты ИТ-направления, этические аспекты, субъектность, человекоориентированный подход

Для цитирования: Этические аспекты влияния нейросетей на жизнь студенческой молодежи в контексте социологического подхода (на примере студентов ИТ-направления СПбГЭТУ «ЛЭТИ») / А. С. Курапова, С. В. Курапов, А. Д. Державина, Н. В. Шатило // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 3. С. 79–90. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-79-90.

Original paper

Ethical Aspects of the Influence of Neural Networks on the Lives of Students in the Context of a Sociological Approach (using the Example of Students of the IT Department of ETU)

Anna S. Kurapova¹✉, **Sergey V. Kurapov**², **Anna D. Derzhavina**³, **Nazar V. Shatilo**⁴

^{1, 4}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

²*Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russia*

³*Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St Petersburg, Russia*

¹✉*ann-shilyaeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2003-7439>*

²*sv_ksv@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3962-2850>*

³*derzhavina.a.d@guap.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4741-8714>*

⁴*dzidagorz@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8095-4209>*

Introduction. The article is devoted to the analysis of the development and implementation of artificial intelligence systems, in particular neural networks, in the life of students. Their use can both open up new horizons and raise serious ethical questions, especially in the context of influencing young people and their educational trajectories. The article highlights the ambivalence of young people's perception of technology, where, on the one hand, their use arouses great enthusiasm, on the other, there is concern about the risks of manipulation and the spread of misinformation.

Methodology and sources. The modern understanding of artificial intelligence as a complex of technologies capable of imitating human cognitive functions, including self-learning, is considered. The concepts of A. Toffler, M. Castells and some other researches are discussed, emphasizing the importance of information and knowledge in the process of social development and the increasing autonomy of users in the digital age. The article focuses on an interdisciplinary approach in the study of artificial intelligence. Its possibilities in the educational process based on the ethical principles of a human-oriented approach are discussed (A.V. Rezaev, N.D. Tregubov).

Results and discussion. A sociological diagnosis of the students of the Faculty of Computer Technology of ETU was carried out to study the influence of neural networks on their vital

decision-making. The survey covered 487 respondents. The results showed that the majority of students (59.2 %) positively assess the use of neural networks, while 85.1 % of respondents use them for educational purposes. A significant portion of the respondents expressed concerns about ethical issues related to the use of neural networks, including loss of autonomy in decision-making and lack of human interaction. The analysis of the responses of the ChatGPT-3.5 neural network to questions related to solving ethical dilemmas was carried out, which confirmed the ability of the neural network to emotionally analyze and take into account ethical aspects.

Conclusion. The authors focus on the wide potential of using neural networks to make important decisions, but also emphasize the risk of losing subjectivity and increasing the importance of neural networks as a separate value for the individual. To ensure the ethical and safe use of these technologies, it is recommended to increase the transparency of algorithms, provide user training, and develop ethical standards and regulations for their use.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, ChatGPT-3.5, OT students, ethical aspects, subjectivity, human-oriented approach

For citation: Kurapova, A.S., Kurapov, S.V., Derzhavina, A.D. and Shatilo, N.V. (2025), "Ethical Aspects of the Influence of Neural Networks on the Lives of Students in the Context of a Sociological Approach (using the Example of Students of the IT Department of ETU)", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 3, pp. 79–90. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-79-90 (Russia).

Введение. Развитие и внедрение систем искусственного интеллекта в различные сферы жизни современного человека открывают не только новые возможности и перспективы, но также порождают серьезные этические вопросы его применения. Одной из ключевых проблем является использование нейронных сетей (нейросетей) как сервиса искусственного интеллекта в решении социальных проблем. Технологии искусственного интеллекта как комплекс технологических решений, направленных на создание его систем, обладают потенциалом значительного влияния на выбор студентами образовательной траектории и карьерного пути, а также на формирование их взглядов и убеждений.

Нейросети являются алгоритмом искусственного интеллекта, представляющим собой predetermined последовательность действий с множеством регулируемых параметров, в котором значения выходных данных сложным образом зависят от значений входных данных [1]. Данные технологические системы искусственного интеллекта способны анализировать, обрабатывать большие объемы информации и строить алгоритмы решений конкретных задач, а также могут предлагать информацию, которая влияет на мнение и предпочтения людей, в том числе на подсознательном уровне, что ставит под угрозу разнообразие точек зрения и подлинное участие в процессе принятия собственных решений человеком.

Нейросеть как метод в искусственном интеллекте обучает компьютеры обрабатывать данные таким же способом, как и человеческий мозг. Он создает адаптивную систему, с помощью которой компьютеры учатся на своих ошибках и постоянно совершенствуются. Нейросети все активнее применяются во многих сферах жизни, включая образование, здравоохранение, финансы и даже личные отношения. Использование нейросетей в принятии жизненно важных решений порождает множество вопросов, связанных с этикой и социальной ответственностью.

Формируя информационное пространство, нейросети влияют на принятие решений и взгляды через персонализированные новостные ленты и рекомендации контента, которые создают для человека собственную медиареальность [2]. Понимание степени и природы

влияния нейросетей, в том числе этических аспектов такого влияния, критически важно для проведения необходимых трансформаций в самом ближайшем будущем.

Студенческая молодежь активно использует нейросети для написания эссе, комплексной разработки ответов на экзаменационные вопросы, резюмирования длинных текстов, в качестве помощи для совершенствования уровня владения иностранным языком и т. д. При этом до сих пор существуют ограничения по использованию таких систем, связанные с недостатком информации о событиях или явлениях, происшедших после 2021 г., а также возможностью сгенерировать неприемлемый «неэтичный» или лживый контент.

Как правило, технологии искусственного интеллекта воспринимаются студенческой молодежью с большим воодушевлением, несмотря на вполне аргументированную критику со стороны ученых о возможных угрозах и рисках их применения. Достаточно давно существуют опасения, что нейросети могут быть источником скрытой манипуляции, которая может привести к одиночеству и потере человеком идентичности [3], а также для распространения дезинформации или подталкивания к принятию решений, которые не соответствуют интересам индивида или даже общества.

В настоящее время законодательные и этические нормы, регулирующие использование нейросетей, еще не полностью развиты. Исследования в данной области помогут в выявлении аспектов позитивного и негативного влияния нейросетей на жизнь студентов, позволят лучше понять потенциал и риски их использования, а также разработать рекомендации по их безопасному и ответственному применению.

Методология и источники. Термин «искусственный интеллект» (artificial intelligence) закреплен в национальных стандартах Российской Федерации ГОСТ Р 59277–2020 Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение, поиск решений без заранее заданного алгоритма и достижения инсайта) и получать при выполнении конкретных практически значимых задач обработки данных результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. При этом комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе то, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных, анализу и синтезу решений [4].

Понятие «искусственный интеллект» ввел в научный оборот Дж. Маккарти – лауреат премии Тьюринга за большой вклад в исследование технологий искусственного интеллекта. Ученый интерпретирует его, как «способ сделать компьютер, компьютер-контролируемого робота или программу, способную так же разумно мыслить, как человек». То есть стоит вопрос о создании в машине интеллекта, аналогичного человеческому, что определило вектор его разработки: изучение умственных способностей человека и использование обобщенных результатов в качестве основополагающей разработки различных интеллектуальных программ, способных мыслить, обучаться и вести себя подобно человеку [5].

Концепции Э. Тоффлера, а также Д. Белла и З. Бжежинского определяли поэтапное развитие общества, при этом закреплялась доминанта за знаниями и информацией, которые должны определять направление и динамику его развития [6]. В этой связи важно обратить

внимание и на гипотезу М. Кастельса, заключающуюся в возрастании массовой самокоммуникации на основе возрастающей автономии пользователей, которая предоставляется современными цифровыми платформами [7], что ставит перед социологической наукой проблемы понимания содержания, механизмов и последствий феномена искусственного интеллекта и его субъектности.

Оценивая роль научного знания в разработках искусственного интеллекта, стоит вспомнить тезис Дж. Лэдимена о том, что наука является единственной интеллектуальной традицией получения объективного знания, и только она оказывает значительное влияние на характер дискурса о проблеме [8]. Однако в настоящее время в изучении влияния искусственного интеллекта явно просматривается общая тенденция к росту междисциплинарных исследований [9], что отличает эту тенденцию от Веберовской строгой специализации науки. Вопросы, касающиеся искусственного интеллекта, предстоит рассматривать в единой связи с информационным обществом и вызываемыми им изменениями в познавательной деятельности человека, в состояниях массового сознания и его биосоциальной природе [10].

Ряд ученых, рассматривающих проблему применения сервисов и технологий искусственного интеллекта в образовании, включая научную дискуссию о человекоориентированном подходе (Human-Centered AI), при котором в приоритете станут потребности и ценности людей (А. В. Резаев и Н. Д. Трегубова, Е. Н. Ивахненко, В. С. Никольский), считают, что инструменты искусственного интеллекта должны не заменять, а расширять человеческие возможности, оставляя место для творчества студентов и преподавателей, и не уменьшать этическое и ответственное использование таких инноваций [11, 12]. Примером могут являться онлайн-обучение, междисциплинарность преподаваемых дисциплин, запрос на персонализацию в организации учебного процесса, применение технологий виртуальной и дополненной реальности, усиление связи между университетами и студенческими сообществами и т. д.

Роль социологического подхода в решении этических аспектов влияния нейросетей связана также с развитием искусственной социальности и искусственной субъектности, что позволяет по-новому увидеть концептуальное единство социологии и других наук в вопросе технологий искусственного интеллекта и побуждает социологов к развитию новых теорий социальной жизни общества.

Результаты и обсуждение. В рамках данной социологической диагностики было проведено анкетирование студентов факультета компьютерных технологий СПбГЭТУ «ЛЭТИ» на тему использования и восприятия нейросетей как источника влияния на принятие ими важных решений в жизни. Всего в опросе приняло участие 487 чел., из которых 63 % – парни и 37 % – девушки. Предполагалось, что именно эта группа студентов наиболее активно использует технологии искусственного интеллекта в повседневной жизни и имеет уже сформированное отношение к различным аспектам взаимодействия с нейросетями.

Первая часть анкеты была направлена на оценку целей и частоты использования нейросетей в повседневной жизни, т. е. применения для решения текущих жизненных задач, включая работу, учебу и личные проблемы. Респондентам предлагалось указать, как часто они обращаются к нейросетям, а также оценить их взгляд на эффективность в этом контексте.

Далее следовали вопросы, касающиеся этического характера использования нейросетей. Респондентам предлагалось высказать свое мнение о способности нейросетей анализировать

эмоциональные и этические аспекты. При этом была часть открытых вопросов, чтобы респонденты могли более подробнее раскрыть свои взгляды и опыт использования нейросетей.

Вопросы о влиянии нейросетей на формирование у студентов собственного мнения и принятие жизненно важных решений были необходимы для понимания последствий использования этой технологии. Респондентам предлагалось поделиться своими опасениями и предложить меры для улучшения этического использования нейросетей.

По результатам анкетирования выяснилось, что большинство респондентов (59,2 %) положительно относятся к использованию нейросетей, что свидетельствует о широком признании их пользы и потенциала применения в повседневной жизни. Значительная часть респондентов (38,2 %) остались нейтральными по отношению к нейросетям, и только небольшая доля респондентов (2,5 %) выразили отрицательное отношение к ним, что еще раз говорит о низком уровне негативного восприятия данной технологии. При этом студенты используют нейросети для работы (25,5 %), образования (85,1 %), здравоохранения (4,3 %), в сфере культуры и развлечений (31,2 %), для принятия жизненных решений (7,8 %). Небольшая доля респондентов (16,6 %) заявили, что они не используют нейросети.

На вопрос: «Как Вы оцениваете эффективность использования нейросетей в этих областях?» большинство респондентов (60,5 %) рассказали о положительном опыте взаимодействия с сервисами искусственного интеллекта и достаточно сформированном доверии к тем ответам, что предоставляется нейросетями.

Вопрос, затрагивающий влияние сервисов и технологий искусственного интеллекта на формирование мнений студентов по жизненно важным вопросам, например собственного здоровья, показал, что нейросети не влияют на это (48,4 %). Однако большое количество респондентов (39,5 %) в этом не уверены, что может говорить как об осознании влияния нейросетей на формирование мнений, так и о некотором недоверии к сервисам искусственного интеллекта.

Большинство респондентов (71,3 %) не уверены, испытывали ли они негативные последствия от использования нейросетей. В качестве примеров можно привести случаи негативных последствий, которые описали респонденты, используя форму свободного ответа. Среди них следующие: несуществующие источники информации, указанные в списке литературы, повлияли на оценку учебных заданий; работа одного студента оказалась похожей на работу другого; случаи, когда нейросети влияли на межличностные отношения, например, ситуация, когда одна из подруг начала использовать нейросеть для свиданий, что привело к изменениям в ее поведении и прекращению общения с респондентом; ошибки и неверные ответы в профессиональных сферах, таких как юридическая, которые привели к негативным последствиям в работе, и другие.

Большинству студентов нейросети не помогли в решении жизненных проблем (57 %), а оставшаяся часть поделилась поровну на тех, кто «не уверен в этом» (21 %), и тех, у кого «такие случаи были» (22 %).

Что касается вопроса об отношении студентов к тому, что «в будущем люди могли бы полностью доверять нейросетям при принятии жизненно важных решений», более половины опрошенных (54,3 %) отнеслись к этой идее отрицательно.

Представим некоторые позитивные последствия использования нейросетей, описанные студентами СПбГЭТУ «ЛЭТИ» в форме свободных ответов, среди них: облегчение вы-

полнения задач и сокращение времени, затраченного на них; помощь в выборе и генерации паролей, рандомайзер чисел и подсказка для творчества; улучшение качества выполненных самостоятельных работ и получение высоких оценок в обучении; помощь в решении эмоциональных и творческих задач; повышение продуктивности и эффективности при работе над проектами и учебными заданиями; улучшение самопонимания и выбор вектора для саморазвития и другие.

При этом стоит отметить, что, несмотря на индивидуальность и разнообразие жизненного опыта студентов ИТ-направления, общая тенденция скорее указывает на положительное влияние нейросетей в их жизни.

В вопросе рисков применения технологий искусственного интеллекта большинство респондентов (72,8 %) выразили опасения относительно использования их именно в принятии жизненно важных решений. Это указывает на широкий спектр обеспокоенности в области этики, прозрачности и надежности в процессе использования и зависимости от нейросетей для принятия решений, которые связаны с потенциальными ошибками под влиянием определенных алгоритмов на индивидуальные выборы и личную автономию, а также сопряжены с общими этическими вопросами, касающимися приватности данных и использования технологий в повседневной жизни.

Потерю автономии в принятии решений считают важной угрозой 58,6 % студентов, выражая беспокойство о том, что использование нейросетей может привести к потере индивидуальной свободы и контроля над собственным выбором. Отсутствие человеческого взаимодействия считают важной угрозой 63,2 % респондентов из-за опасения относительного уменьшения человеческого взаимодействия в процессе принятия решений, что может привести к утрате чувства социальной связи и эмоциональной поддержки.

Значительная часть респондентов (40,6 %) выразили опасения по поводу потери контроля над своей личной информацией и данными, которые используются нейросетями для анализа и принятия решений. Предвзятость или манипуляция данными в качестве опасения выделили 36,1 % участников опроса. Почти треть участников (28,6 %) выразили опасения относительно недостаточной прозрачности алгоритмов, используемых нейросетями, что затрудняет понимание процесса принятия решений и его последствий.

Результаты опроса указывают на то, что большинство респондентов предпринимают определенные меры предосторожности при использовании нейросетей в своей жизни, например проверяют источники информации (52,5 %) или ограничивают доступ к личным данным (37 %).

Что касается рекомендуемых мер для обеспечения этического использования нейросетей, то большинство участников опроса (65,4 %) призывают к повышению уровня образования в этой сфере и лучшему информированию пользователей. Отмечают необходимость повышения прозрачности алгоритмов 42 %, а почти половина участников (48,8 %) поддерживают введение этических стандартов. Это может говорить о том, что молодежь готова к внедрению общепринятых норм и правил, которые регулируют использование нейросетей в обществе и защищают права и интересы людей.

Около четверти студентов (26,5 %) считают необходимым ужесточение регуляции, контролирующей использование нейросетей и обеспечивающей их этичность и безопасность.

Небольшая часть (7,4 %) не считают необходимыми дополнительные меры для обеспечения этического использования нейросетей. Это может быть связано с недостаточным пониманием потенциальных рисков или недостатком осведомленности о проблемах, связанных с использованием нейросетей.

Дополнительно авторами был проведен анализ ответов нейросети ChatGPT-3.5 на вопросы, касающиеся решения личных жизненных задач и этических дилемм. Всего было задано 24 вопроса, включая уточняющие. Оценивалось, насколько нейросеть способна осуществлять эмоциональный анализ и учитывает ли она этические аспекты при предоставлении рекомендаций и решений.

Например, в вопросе о спасении одного человека или пяти человек нейросеть выбрала спасение пятерых, отражая утилитарный принцип. В вопросе о раскрытии информации о частной жизни для общего блага, нейросеть также показывает готовность использовать информацию, даже если это требует нарушения частной жизни. А вот в вопросе о массовой автоматизации и в связи с этим сокращении рабочих мест нейросеть поднимает сложные социально-экономические вопросы и предлагает разносторонний взгляд.

Стоит отметить, что в некоторых случаях ответы могут быть подвержены субъективному восприятию или вследствие этого считаться противоречивыми. Например, вопрос о сохранении тайны пациента в случае его смертельной болезни может вызвать разные мнения в зависимости от культурных, этических и правовых норм и принципов.

Исходя из анализа алгоритмов ответов нейросети можно увидеть их способность анализировать информацию, учитывая этические аспекты проблемы и предлагая взвешенные решения. В целом нейросети проявляют способность к анализу, взвешенному принятию решений и рассмотрению множества факторов, что делает их полезным инструментом для решения этических дилемм и принятия решений в различных сферах жизни.

После тестирования ChatGPT-3.5 авторами было проведено несколько проверочных интервью со студентами, где им были показаны обобщенные результаты ответов с просьбой их прокомментировать. Респонденты оценивали действия нейросети с точки зрения этических аспектов как «соответствующие общечеловеческим принципам». Даже скептически настроенные студенты отмечали повышение уровня доверия к ответам нейросети после тестирования на решение жизненно важных вопросов. Однако некоторые студенты высказали опасение, что формирование доверия к ответам нейросетей может перерасти в «абсолютную ценность» и в конечном счете приведет к потере собственной субъектности.

Заключение. Анкетирование студентов факультета компьютерных технологий СПбГЭТУ «ЛЭТИ» показало, что большинство из них положительно относятся к использованию нейросетей, однако у достаточно значительного количества имеются опасения по поводу их влияния на принятие жизненно важных решений. Более того, многие уже испытывали негативные последствия от использования нейросетей. Тем не менее были отмечены случаи, когда нейросети помогали принять лучшие решения или улучшали качество жизни студентов.

Нейросети имеют широкое применение и потенциал в улучшении жизни студентов, но существуют опасения потери субъектности и возведения нейросетей в абсолютную ценность. Для обеспечения этического и безопасного их использования необходимо повысить прозрачность алгоритмов, образование пользователей и вести разработки соответствующих регуляций.

В ходе обработки ответов ChatGPT-3.5 на этические вопросы был сделан вывод о ее способности к анализу и предложению взвешенных решений. Очевидно, что нейросеть имеет потенциал быть полезным инструментом для принятия решений в различных сферах жизни. При этом необходимо учитывать их ограничения и возможные негативные последствия, а также развигать меры предосторожности и обеспечивать этическое использование нейросетей в социуме.

Анализ результатов социологической диагностики также позволил предложить рекомендации по безопасному и ответственному применению нейросетей:

1. Проводить обучение пользованию нейросетями для более правильного и эффективного их использования.
2. Разрабатывать и внедрять этические стандарты, которые помогут предотвратить негативные последствия и защитить права и интересы пользователей.
3. Нормативно регулировать использование нейросетей, что поможет предотвратить злоупотребление ими и защитит пользователей от нежелательных последствий, в том числе в образовательном процессе.
4. Продолжать исследования в этой области и разрабатывать новые методы и технологии, которые учитывают этические принципы и потребности пользователей.
5. Пересмотреть технологию оценки полученных знаний в образовательном процессе и выработать новые критерии для преподавателей, оценивающих письменные работы студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГОСТ Р 57700.36–2021. Оценка производительности высокопроизводительных вычислительных систем на алгоритмах, использующих сверточные нейронные сети. М.: Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии, 2021.
2. Ромаданова С. В., Мухаметшина Н. С. Влияние нейросетей на формирование медиа-реальности // Вестн. Самар. гос. тех. ун-та. Сер. Философия. 2023. Т. 5, № 2. С. 36–40. DOI: 10.17673/vsgtu-phil.2023.2.4.
3. Очеретяный К. А., Ленкевич А. С. Медиафилософия: между рецепцией и интерпретацией // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 1. С. 12–18.
4. ГОСТ Р 59277–2020. Классификация систем искусственного интеллекта. М.: Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии, 2020.
5. Пospelов Д. А. Фантазия или наука: на пути к искусственному интеллекту. М.: Наука, 1982.
6. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. К. Ю. Бурмистрова, Л. М. Бурмистровой, К. Л. Татариновой и др. М.: АСТ, 2009.
7. Кибакин М. В., Крюкова М. М. Концепция власти коммуникации Мануэля Кастельса в научном дискурсе цифровой социологии // Цифровая социология. 2020. Т. 3, № 3. С. 4–11. DOI: 10.26425/2658-347X-2020-3-3-4-11.
8. Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized / J. Ladyman, D. Ross, D. Spurrett, J. Collier. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007.
9. Rezaev A. V., Maletz O. V. Higher Education Studies: Toward a New Scholarly Discipline // Advances in Education in Diverse Communities: Research, Policy And Praxis. 2012. Vol. 7. P. 169–196. DOI: 10.1108/S1479-358X(2012)0000007011.
10. Дубровский Д. И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. М.: Стратегия-Центр, 2007.
11. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. ChatGPT и искусственный интеллект в университетах: какое будущее нам ожидать? // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 6. С. 19–37. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-6-19-37.

12. Ивахненко Е. Н., Никольский В. С. ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 4. С. 9–22. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-9-22.

Информация об авторах.

Курапова Анна Сергеевна – кандидат социологических наук (2018), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 43 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология молодежи, социология идентичности, социология семьи, социология искусственного интеллекта.

Курапов Сергей Владимирович – кандидат социологических наук (2021), старший научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, ул. Космонавтов, д. 2, Москва, 129366, Россия. Автор 35 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология молодежи, социология идентичности, социология искусственного интеллекта.

Державина Анна Дмитриевна – кандидат технических наук (2022), доцент кафедры бизнес-информатики и менеджмента Института технологий предпринимательства и права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, Большая Морская ул., д. 67, лит. А, Санкт-Петербург, 190000, Россия. Автор 22 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология молодежи, социология искусственного интеллекта.

Шатило Назар Владимирович – студент (3-й курс) факультета компьютерных технологий Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Сфера научных интересов: социология молодежи, социология искусственного интеллекта.

Авторский вклад.

Курапова Анна Сергеевна – разработка структуры исследования, подготовка текста, анализ и интерпретация данных.

Курапов Сергей Владимирович – замысел, разработка концепции и структуры исследования, общее руководство.

Державина Анна Дмитриевна – замысел, сбор эмпирического материала, анализ и интерпретация данных.

Шатило Назар Владимирович – сбор эмпирического материала, анализ и интерпретация данных.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 15.04.2025; принята после рецензирования 30.04.2025; опубликована онлайн 19.06.2025.*

REFERENCES

1. Federal Agency on Technical Regulating and Metrology (2021), *GOST R 57700.36–2021. Otsenka proizvoditel'nosti vysokoproizvoditel'nykh vychislitel'nykh sistem na algoritmakh, ispol'zuyushchikh svertochnye neuronnye seti* [GOST R 57700.36–2021. Evaluation of the performance of high – performance computing systems on algorithms using sparkle neural networks], Federal Agency on Technical Regulating and Metrology, Moscow, RUS.

2. Romadanova, S.V. and Mukhametshina, N.S. (2023), "The influence of neural networks on the formation of media reality", *Vestnik of Samara State Technical Univ. Ser. Philosophy*, vol. 5, no. 2, pp. 36–40. DOI: 10.17673/vsgtu-phil.2023.2.4.

3. Ocheretyany, K.A. and Lenkevich, A.S. (2017), "Media philosophy: between reception and interpretation", *Observatory of Culture*, vol. 14, iss. 1, pp. 12–18.

4. Federal Agency on Technical Regulating and Metrology (2020), *GOST R 59277-2020. Klassifikatsiya sistem iskusstvennogo intellekta* [GOST R 59277-2020. Classification of artificial intelligence systems], Federal Agency on Technical Regulating and Metrology, Moscow, RUS.

5. Pospelov, D.A. (1982), *Fantaziya ili nauka: na puti k iskusstvennomu intellektu* [Fantasy or science: on the way to artificial intelligence], Nauka, Moscow, USSR.

6. Toffler, A. (2009), *The Third Wave*, Transl. by Burmistrov, K.Yu., Burmistova, L.M., Tatarinova, K.L. et al., AST, Moscow, RUS.

7. Kibakin, M.V. and Kryukova, M.M. (2020), "Manuel Castells' concept of the power of communication in the scientific discourse of digital sociology", *Digital Sociology*, vol. 3, no. 3, pp. 4–11. DOI: 10.26425/2658-347X-2020-3-3-4-11.

8. Ladyman, J., Ross, D., Spurrett, D. and Collier, J. (2007), *Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK.

9. Rezaev, A.V. and Maletz, O.V. (2012), "Higher Education Studies: Toward a New Scholarly Discipline", *Advances in Education in Diverse Communities: Research, Policy And Praxis*, vol. 7, pp. 169–196. DOI: 10.1108/S1479-358X(2012)00000007011.

10. Dubrovskli, D.I. (2007), *Soznanie, mozg, iskusstvennyi intellekt* [Consciousness, brain, artificial intelligence], Strategy Center, Moscow, RUS.

11. Rezaev, A.V. and Tregubova, N.D. (2023), "ChatGPT and artificial intelligence in universities: what kind of future can we expect?", *Higher education in Russia*, vol. 32, no. 6, pp. 19–37. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-6-19-37.

12. Ivakhnenko, E.N. and Nikolskiy, V.S. (2023), "ChatGPT in higher education and science: a threat or a valuable resource?", *Higher education in Russia*, vol. 32, no. 4, pp. 9–22. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-9-22.

Information about the authors.

Anna S. Kurapova – Can. Sci. (Sociology, 2018), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 43 scientific publications. Area of expertise: sociology of youth, sociology of identity, sociology of the family, sociology of artificial intelligence.

Sergey V. Kurapov – Can. Sci. (Sociology, 2021), Senior Researcher at the Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, 2 Cosmonauts str., Moscow 129366, Russia. The author of 35 scientific publications. Area of expertise: sociology of youth, sociology of identity, sociology of artificial intelligence.

Anna D. Derzhavina – Can. Sci. (Engineering, 2022), Associate Professor at the Department of Business Informatics and Management at the Institute of Business Technology and Law, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 67 Bolshaya Morskaya str., let. A, St Petersburg 190000, Russia. The author of 22 scientific publications. Area of expertise: sociology of youth, sociology of artificial intelligence.

Nazar V. Shatilo – Student (3rd year) at the Faculty of Computer Technology, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. Area of expertise: sociology of youth, sociology of artificial intelligence.

Author's contribution.

Anna S. Kurapova – development of the research structure, text preparation, data analysis and interpretation.

Sergey V. Kurapov – the idea, development of the research concept and structure, and general guidance.

Anna D. Derzhavina – the idea, collection of empirical material, analysis and interpretation of data.

Nazar V. Shatilo – collection of empirical material, data processing.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 15.04.2025; adopted after review 30.04.2025; published online 19.06.2025.*

Оригинальная статья
УДК 811.11
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-3-91-100>

Сравнительный анализ семантики предикатов летописного и медицинского средневековых текстов

Мария Станиславовна Яковлева

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
yakovl3va@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-8674-0326>*

Введение. Одной из жанрообразующих черт нехудожественных жанров литературы является лексико-семантическая организация предложения. Классификация предикатов текста по семантическим группам позволяет проследить в его информационной структуре семантико-грамматическую однородность рем – единую рематическую доминанту. В статье сопоставляется семантика предикатов в двух текстах на древнеанглийском языке, относящихся к разным жанрам нехудожественной литературы.

Методология и источники. Материалом исследования послужили тексты летописи «Англосаксонская хроника» и лечебника *Lacnunga*; в ходе работы применялись методы компонентного и семантико-синтаксического анализа, контекстуальный и трансформационный метод.

Результаты и обсуждение. Продемонстрировано, что в летописных записях преобладают предикаты движения, донативного действия, деятельности, выраженные прежде всего полнознаменательными глаголами в форме прошедшего времени изъявительного наклонения или сочетанием глагола-связки в той же форме с причастием I или прилагательным; актантами выступают преимущественно существительные, обозначающие одушевленное лицо. В рецептах лечебника, помимо преобладающих предикатов со значением физического действия, высока доля со значением состояния, изменения состояния или каузации, выраженные глаголом или глагольным сочетанием в форме 2-го лица повелительного наклонения, а актантами выступают преимущественно существительные со значением неодушевленного лица.

Заключение. Для текста летописи характерна нарративность, изложение последовательности действий; в то время как текст сборника медицинских рецептов обладает предписывающим, регулятивным характером. Эти характеристики обеспечиваются семантической структурой предикатов. Хотя в обоих рассмотренных текстах преобладают предикаты физического действия, в текстах летописи наблюдается большое число предикатов со значением движения, донативного действия, деятельности. В медицинских же текстах увеличена доля предикатов со значением состояния, изменения состояния или каузации. Это распределение семантики формирует рематическую доминанту нехудожественного текста и шире – его жанровую принадлежность.

Ключевые слова: «Англосаксонская хроника», *Lacnunga*, семантика предикатов, древнеанглийский язык, жанры нехудожественной литературы

© Яковлева М. С., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Яковлева М. С. Сравнительный анализ семантики предикатов летописного и медицинского средневековых текстов // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 3. С. 91–100. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-91-100.

Original paper

Predicate Semantics in Old English Chronicle and Medical Texts: a Comparative Analysis

Maria S. Yakovleva

*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia,
yakovl3va@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-8674-0326>*

Introduction. In non-fiction literary genres lexical and semantic arrangement of text units becomes a specific trait for defining a genre. Clustering text predicates into semantic groups allows to trace the semantic-grammatical homogeneity of rhemes in its informational structure (also referred to as its rhematic dominant). The present article compares the semantics of predicates in two Old English texts that belong to different genres of non-fiction literature.

Methodology and sources. The research material includes texts from the *Anglo-Saxon Chronicle* and *Lacnunga*, a historical records book and a collection of Anglo-Saxon medical texts and prayers, respectively. A combination of methods is applied, such as componential, contextual, and transformation analysis, as well as analysis of semantics and syntax.

Results and discussion. Predicates of physical action prevail in both texts, but a closer examination reveals that the chronicle entries predominantly feature predicates of motion, donative action, and activity. These are primarily expressed by full verbs in the past tense indicative mood or by an auxiliary verbs in the same form combined with participle I or adjective. The actants are primarily denoted by animate nouns. In the *Lacnunga* medical recipes there is a significant proportion of predicates denoting state, change of state, or causation. These are expressed through verb or verbal combination in the imperative mood (second person), with actants primarily being nouns denoting inanimate entities.

Conclusion. The chronicle text is characterized by narrativity, presenting a sequence of actions, whereas the medical recipe text has a prescriptive, instructive nature. These characteristics are shaped by the semantic structure of the predicates. While predicates of physical action predominate in both texts, the chronicle text exhibits a high number of predicates indicating motion, donative action, and activity, and the medical text shows an increased proportion of predicates denoting state, change of state, or causation. This semantic distribution shapes the rhematic dominant of the non-fiction text and, more broadly, its genre affiliation.

Keywords: Anglo-Saxon Chronicle, Lacnunga, semantics of predicates, Old English, genres of non-fiction

For citation: Yakovleva, M.S. (2025), "Predicate Semantics in Old English Chronicle and Medical Texts: a Comparative Analysis", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 3, pp. 91–100. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-91-100 (Russia).

Введение. В древнеанглийской литературе раннего Средневековья (VII–XII вв.) представлено множество сочинений нехудожественных жанров (по астрономии, медицине, истории, религиозного характера и др.). Своеобразие текстов разных жанров проявляется среди прочего в лексико-семантической организации предложения и может быть изучено посредством обращения к распределению предикатов в тексте по семантическим группам.

Изучение предикатов и пропозициональной структуры предложения в целом восходит к исследованию логики предикатов и связано с работами по лексико-семантической организации предложения и семантическому синтаксису таких отечественных и зарубежных лингвистов, как Н. Арутюнова, В. Гак, Г. Золотова, В. Касевич, Е. Падучева, Л. Теньер, Ш. Балли, Ч. Филлмор, У. Чейф и др. План содержания предложения можно выразить как пропозициональную функцию с переменными аргументами, где центром пропозиции служит предикат, а аргументы выполняют определенные семантические функции: «С точки зрения семантики предикат сообщает о действии, состоянии, качестве и других признаках предмета, названного предикатируемым именем» [1, с. 168]. Как правило, позицию предиката в предложении занимает глагол, однако на этом месте может также стоять прилагательное, существительное, глагольно-именное сочетание, наречие, союз; кроме того, есть «некоторое количество глаголов, не являющихся предикатами» [2, с. 10–11]. Г. Золотова с соавторами [3, с. 209] указывают также на существование полипредикативных конструкций типа «Своеволье нрава старухи удивляет друзей», в которых с главным предикатом соотносятся полупредикативные компоненты с имплицитными значениями времени, модальности и лица. Е. Иванова [4, с. 174] показывает, что, в зависимости от глубины анализа, метод трансформаций позволяет реконструировать семантические предикаты в словах типа *sunlight* (=the light comes from the sun) и *eggshell* (=a shell of an egg); это положение особенно актуально для исследования поэтических текстов на древнеанглийском языке, поскольку позволяет реконструировать предикаты в отглагольных метафорических образованиях типа *beahgyfa* – *кольцедаритель*.

В древнеанглийском языке основная роль в создании предложения также принадлежит глаголу [5]. У древнеанглийского глагола различались формы настоящего и прошедшего времени (последняя в том числе могла обозначать совершенное действие), для выражения значения будущего времени употреблялись формы настоящего времени в сопровождении контекстуальных или лексических уточнителей, а также сочетания глаголов *sculan*, *willan*, обладавших оттенком долженствования или желательности, с инфинитивом. Сочетания глаголов *beon* и *wesan* с причастиями I, II в этот период еще не подверглись грамматикализации; в древнеанглийский период эти конструкции с причастием I передавали значения длительности (в том числе неопределенной), начинательности, интенсивности действия, состояния, с причастием II – пассивное значение. Значение состояния могло также передаваться сочетанием глагола *weorþan* с причастием II. В древнеанглийском зафиксированы также предикаты с неполнознаменательным глаголом и адъективными, инфинитивными, субстантивными и наречными составляющими [5, 6, с. 10].

Семантическая типология предикатов формируется на основе их значений и функций в предложении. Ю. Степанов [7, с. 121] указывает, что уже 10 категорий Аристотеля (сущность, количество, отношение, действие, обладание, претерпевание и др.), связанных с частеречным делением, представляют собой в том числе абстрагированную классификацию предикатов-сказуемых (характерных для древнегреческого языка). Одну из первых современных классификаций находим в работе Л. Щербы, разграничившего предикаты со значением действия, состояния и качества [8, с. 17–21]; в дальнейших работах разных исследователей дополнительно были выделены бытийные, результативные, пространственные предикаты и др.; отдельную группу представляют предикаты суждения (ментальные). Исследуя семантику времени, вида и нарратива на материале русского языка, Е. Падучева выделила

также такие типы значений предикатов, как ментальный, эпистемический, оценки, суждения, восприятия и др. [9].

В данной работе за основу взята классификация, представленная в монографии под общей редакцией О. Селиверстовой [10], где на материале русского, английского, а также некоторых других языков определены основания для классификации предикатов по семантическим типам и выделены предикаты состояния, процесса, действия, качества, бытийные, результативные, предикаты отношения, нахождения в пространстве. Кроме того, учитывалась семантико-синтаксическая классификация глаголов Г. Золотовой [3, с. 59–80], где на материале русского языка была выделена оппозиция акциональность/неакциональность и уточнены классы неполнозначительных, акциональных и неакциональных глаголов.

Методология и источники. Материалом исследования послужили оригинальные непереводные тексты из летописи «Англосаксонская хроника» и лечебника *Lacnunga*. Оба произведения написаны на древнеанглийском языке и относятся к нехудожественной литературе исторической и медицинской тематики соответственно. И «Англосаксонская хроника», и *Lacnunga* представляют собой сборник объединенных сквозной темой отдельных текстов, каждый из которых в данной работе рассматривается как отдельное сверхфразовое единство (далее – СФЕ). Каждый отдельный текст в «Англосаксонской хронике» представляет собой описание последовательности событий за определенный год в промежутке от заселения Британских островов до начала XII в.; лечебник *Lacnunga* составлен из 191 медицинского рецепта, предписывающего использовать определенные снадобья при указанной в начале каждого рецепта болезни. Таким образом, в информационной структуре и «Англосаксонской хроники», и лечебника *Lacnunga* прослеживается семантико-грамматическая однородность рем – единая рематическая доминанта [1, с. 306–307, 314–319].

Вслед за И. Руберт [11, с. 34] в данной работе разграничиваются понятия жанра и типа текста по линии дистинктивных признаков: понятие жанра предполагает фокус на жанроспецифических и стилеобразующих признаках, в то время как для определения типа текста важно выявление инварианта текстовой модели. Жанр реализуется в определенном стереотипизированном социокоммуникативном контексте; текстотип как инвариантная текстовая модель предполагает наличие жесткой структурно-семантической схемы построения. Таким образом, в настоящей работе сопоставляются тексты двух **жанров** – летописи и лечебника, представленных конкретными **текстотипами** – погодной записью (анналом) и рецептом лечебника.

В ходе работы использовался комплекс методов. Для выявления оттенков значения исследуемых единиц применялись компонентный анализ и контекстуальный метод; трансформационный метод позволил, перестраивая синтаксическую структуру предложения, выявить полупредикативные конструкции; семантико-синтаксический анализ использовался для выявления значимых семантических ролей актантов.

Результаты и обсуждение.

1. Англосаксонская хроника – это условное название комплекса из восьми рукописей на древнеанглийском (условно обозначаются исследователями буквами от А до Н¹), содержащих погодные летописные записи об английской истории до середины XII в. Основная

¹ Далее примеры приводятся из рукописи А по электронному изданию Т. Джебсона [12].

часть хроники, так называемые *common stock* (начальные анналы), как считается, была составлена по приказу короля Альфреда Великого около 890–891 гг. Этот текст присутствует, хотя и с разночтениями, во всех рукописях [13, с. 96–101, 106]; записи позже этого времени совпадают между собой не полностью и отражают в том числе события регионов, где хранились рукописи. «Англосаксонская хроника» – важный источник исторических сведений: она содержит информацию о римском завоевании Британии, становлении англосаксонских королевств, династиях и военных кампаниях, а также о борьбе с вторжениями. Каждая погодная запись представляет собой относительно самостоятельную по структуре и тематике единицу, содержательно охватывающую события одного года истории Британских островов (преимущественно Уэссекской династии). Записи за разные годы значительно различаются по объему и степени литературной обработанности (ср., например, в рукописи А лаконичную запись за 671 г.: *Her wæs þæt micle fugla wæl. – Тогда была множественная гибель птиц*, более объемную прозаическую запись за 893 г. и запись за 937 г., которая представляет собой развернутое повествование о сражении при Брунанбурге, написанное аллитерационным стихом). Политика и жизнь христианских представителей королевской династии подается через призму ценностей дохристианского общества с его «героическим» мировоззрением [14], для которого важно следование судьбе, верность правителю, защита родной земли и своего народа от врагов, происхождение и родственные связи, храбрость, мудрость и щедрость правителя, героизм и преданность дружины. В хронике широко используются стилистические средства, характерные для общегерманской эпической традиции: аллитерация, тулы, повторы и параллелизмы, формульные вариации, устойчивые зачины (хотя доля этих средств, конечно, выше в поэтическом тексте).

Каждая погодная запись, за редкими исключениями, представляет собой сверхфразовое единство, объединенное общей тематикой (события за год). Его структурно-семантическая модель – указание номера года, особый стандартный зачин *her – тогда, здесь, в этом месте, в это время*, и последовательность повествовательных предложений, простых, сложных с бессоюзной связью или сложносочиненных с союзом *and* (в рукописи обозначен тироновым значком 7). Когезия внутри такой записи обеспечивается референциальными средствами: наречием *þa – потом*, местоимением *se – этот*, союзом *and – и*, формулой *þy ilcan gearе – в тот же год*. Часть погодных записей представляют собой аллитерационные поэмы (всего в разных рукописях «Хроники» насчитывается девять), тем не менее придерживающиеся указанной структуры. Рематическую доминанту погодной записи можно охарактеризовать как акциональную: рассказывается о чередующихся значимых событиях и происшествий за год.

Предикаты в тексте «Хроники» выражены преимущественно акциональными глаголами физического действия (*feahт – сражался, towearp – разрушила, getimbrade – построил*), движения (*ferde – отправился, gewat – бежал, gefliemde – бежали, com – прибыл*), донативного действия (*gesealde – даровал, lædde [ælmessan] – отвезти [дары], geeode – захватил, gegifod – одарил*), деятельности и занятия (*arærde – основала, forbærndon – сожгли*), а также неакциональными глаголами состояния (*forþferde – умер, gedældun – расстались*), локализирующего значения (*gesæt – занял [место], wunode – обитал*), каузации (*bedrifon – принудили, aflutde – вынудил обратиться в бегство*). Следует отметить большую долю предикатов, выраженных сочетанием неполнозначенательного глагола-связки с причастием I неакционального глагола состояния (*wearp ofslægen – был убит, wæs forgifen – была отдана в жены*,

is gecueden – зовется) и каузации (*hæfde adrifenne* – изгнал), а также сочетанием неполнознаменательного полуслужебного глагола с инфинитивом или инфинитивным оборотом (*healdan sceoldon* – должны править, *sculon beon underðeodde* – должны быть подвластны, *ne meahte <...> rice gewinnan* – не смог завоевать королевство, *wolde adræfan* – решил изгнать). Значительная часть предикатов с аналогичной семантикой выражена сочетанием существительного и неполнознаменательного глагола с ограниченной сочетаемостью. Такие сочетания носят устойчивый клишированный характер, ср.: *heold biscepdom* – держал в своей власти епископство / *heold to rice* – держал в своей власти королевство (семантика занятия), *herereaf genot* – захватил добычу / *tunas genot* – захватил города (донативная семантика), *onfeng tunichade* – принял постриг / *onfeng fulwihte* – принял крещение (семантика изменения состояния), *ahton wælstowe gewald* – захватили поле битвы / *sige ahton* – одержали победу (семантика действия/результата действия). Актантами со значением агента выступают прежде всего существительные, обозначающие лиц – представителей правящих династий, высшего духовенства, собирательные существительные (народ, люди); некоторые существительные, обозначающие неодушевленные объекты – природные (*sunne aþiastrode* – солнце затмилось, *oþiewde cometa* – показалась комета, *Her wæs se mona swelce he wære mid blode begoten.* – Тогда луна была словно налитая кровью) или связанные семантически с первыми двумя категориями (ср.: *Ceolred Miercna cyning forþferde, ⁊ his lic restef on Licetfelda* – умер король Мерсии Кеолред, и его прах покоится в Личетфельде; *Her Wihtræd Cantwara cyning forþferde, þæs sun is beforan.* – В этот год скончался король Кента Вихтрэд, чья родословная [приведена] выше).

В прозаических погодных записях полупредикативные компоненты практически не представлены; отглагольные метафорические образования, способные к разворачиванию в предикативную структуру, единичны и встречаются в устойчивых формулах, но не служат центром пропозиции (например, *tundbora < mund – защита + beran – нести: gesohte him <...> to mundboran* – просили его стать защитником, *geces him to hlaforde ⁊ to mundboran* – выбрал его лордом и защитником).

В поэтических погодных записях присутствуют полупредикативные конструкции со значением состояния/каузации, ср.: *wæs Engla waldend <...> to cyninge gehalgod* – правящий англами был помазан в короли. Кеннинги правителей и Бога, которыми насыщены поэтические фрагменты, могут быть трансформированы в полные предложения: *beahgifa* – кольцедаритель, *dædfrita* – совершатель [великих] дел, *hilderinc* – человек битвы. Предикаты в подобных реконструированных предложениях характеризуются специфической семантикой состояния, которую можно обозначить как «героическая легитимация»: подобная лексика отсылает к мировоззрению англосаксов с присущей ему так называемой «героической картиной мира». Присутствуют адъективные обороты со значением причины (*fæge to gefeohte* – обреченные на сражение; *hama bereafod* – лишенный дома), встречаются дополнительно предикаты с глаголами-компенсаторами (*fæge feollan* – нали обреченными [на гибель]; *ne wurndon heeardes hondplegan* – не отказывали в тяжелой игре рук [битве]; *geaf blisse* – дал радость).

2. *Lacnunga* («Лекарства») – сборник рецептов, заклинаний и молитв, содержащийся в рукописи *British Library Harley MS 585* (X–XI вв.) представляет собой значимый источник сведений о лечении у англосаксов, в частности о приготовлении лекарственных снадобий. В нем представлены как рецепты на случай рядовых болезненных состояний, например го-

ловная боль или боль в животе, так и многоэтапные предписания по исцелению, например от отравления, лихорадки или подагры. Кроме того, сборник содержит инструкции по изготовлению и благословлению мазей и масел широкого применения, предписания по лечению болезней, посылаемых злыми волшебными существами, а также предписания по лечению скота и поиску пропавшего имущества. Тексты сборника написаны преимущественно на древнеанглийском. В некоторых рецептах наряду с использованием лекарственного средства или вместо него предписывается произносить заговор или молитву (народную или каноническую). В ряде рецептов записан только этот заговор без контекста выполнения процедуры.

И. Руберт [11, с. 38] указывает на то, что тексты-рецепты, являясь разновидностью регулятивных текстов, в коммуникативном процессе выступают как знак-посредник между первичной ситуацией автора (прескриптора) и вторичной ситуацией адресата (исполнителя). За счет прямой адресации к получателю агентивный компонент, как правило, изымается из поверхностной структуры текста, а целевой доминантой выступает результат лечения.

Структурно-семантическая схема рецепта варьирует в зависимости от конкретного лексико-семантического наполнения и интенции текста. Ее костяк состоит из следующих элементов: 1) целевая доминанта – начало текста², в котором указано условие применимости лечения (*wiþ geswel³ – от опухоли, gif ðeor sy in men – если у человека болезнь ðeor³, sing ðis gebed on ða blacan blegene – пой эту молитву над черными нарывами*) или дана краткая характеристика получаемого лекарства: *ut-urnende drænc – очищающее питье, briw – каша, þis is seo seleste eah-sealf – вот лучшая мазь для глаз*; 2) перечисление действий, направленных на исцеление: манипуляции с лекарственными средствами (*genim cwic-rinde – возьми кору рябины, gnid to duste – измельчи в порошок*), больным (*wyrс him – названия, syle drincan – дай выпить*) или использование особого текста (*sing þæt galdor – пой это заклинание, writ þis – напиши это*). Дополнительно могут быть указаны: 3) ожидаемые промежуточные и конечные итоги лечения (*sona him bið sel – скоро он будет здоров, wundorlice hraðe þæt sar gelyhted – чудесно быстро эта боль уменьшится*). Большинство рецептов представляет собой каждый сверхфразовое единство, объединенное общей темой (один рецепт соответствует одной болезни, названной в сильной позиции – в начале текста; при наличии вариантов лечения они вводятся самостоятельным зачином, например: *wiþ þon – от того же* или *eft drænc – другой напиток*). Пропозициональная структура предложений выражает побуждение. Преобладает акциональная рематическая доминанта (указывается последовательность действий, которые должен выполнить целитель), вместе с тем высока доля предложений со статуальной и статуально-динамической рематической доминантой (описываются состояние и изменение состояния больного).

Вместе с тем в некоторых рецептах можно дополнительно выделить сверхфразовые единства, объединенные более дробной тематикой по отношению к общей теме рецепта.

² Термин «заголовок» представляется не совсем подходящим для описания данной позиции применительно к древнеанглийскому тексту. Прежде всего, в древнеанглийской рукописи практически не используются знаки препинания, а точки, разделяющие некоторые слова, не совпадают с границами предложений. Поэтому в рецептах вида *wiþ heafod-wærce betan wyrtruman... – от головной боли корни свеклы...*, невозможно четко указать, является *wiþ heafod-wærce*, стоящее в сильной позиции начала текста, заголовком или частью первого предложения. Кроме того, некоторые рецепты сборника *Lacnunga* получили у исследователей устоявшиеся названия, отсутствующие в тексте (ср. *Nigon Wyrta Galdor*).

³ Здесь и далее цитируется по [15].

Так, в тексте о девяти травах-антидотах отчетливо выделяются 14 СФЕ, в частности, последовательные стихотворные описания трав, обладающих свойством противоядия, стихотворное перечисление ядов, от которых они помогают, стихотворное метафорическое описание действий целителя «от первого лица» и прозаическая инструкция по приготовлению и использованию самого противоядия. В части блоков указано заклинание, которое целителю или больному нужно прочитать или записать. Это обогащает структурные схемы предложений сборника повествовательными предложениями с полносмысловым или полуслужебным глаголом в *pres.* и *past. ind.*, обозначающими не условие, а положение дел в прошлом (и настоящем историческом), настоящем и будущем.

Предикаты в рецептах-предписаниях сборника выражены преимущественно акциональными глаголами физического действия (*genim – возьми, snuca – измельчи, mængc – смешай, ofgeot – пропитай*), речевого действия (*sing – спой, sweþe – произнеси*), физиологического действия (*drince – пей, ete – ешь*), в подавляющем большинстве в форме 2-го лица единственного числа повелительного наклонения. Субъект не указан, но подразумевается (исполнитель предписания). Кроме того, позицию предиката занимают неакциональные глаголы состояния (*асу – болит*). Также позицию предиката регулярно занимает сочетание неполнознаменательного глагола с инфинитивом (*læt reocan – позволь испаряться, læte flowan – позволь течь, syle etan – дай в пищу*) со значением каузации. Состояние или изменение состояния передается при помощи сочетания глагола-связки с прилагательным (*bið sel / bið hal – будет здоров, clæne sy – будет чистым*), причастием I (*sy geleored – закончится*), наречием (*sceal aweg – исчезнет*). В рецептах, содержащих заговорный текст, увеличивается доля предикатов, выраженных глаголами в форме изъявительного наклонения. Прежде всего это глаголы с семантикой физического (*geweox – выросла, sette – установил, geblawe – сдуваю*) или речевого (*hattest – зовешься, ameldodest – объявила*) действия, глаголы движения (*com snican – выполз*), а также фнктивные глаголы (*wiðstunað – противостоит*).

Заключение. Проведенный анализ свидетельствует, что семантическая структура медицинского текста более разнообразна в сравнении с летописным.

Для текста летописи характерна нарративность, изложение последовательности действий. В нем встречаются преимущественно такие семантические типы предикатов, как физические действия, движение, деятельность, занятие, состояние, нахождение в пространстве, каузация. Они выражены прежде всего полнознаменательными глаголами в форме прошедшего времени изъявительного наклонения и сочетанием глагола-связки в той же форме с причастием I или прилагательным. Дополнительно в стихотворном подтипе летописного текста увеличивается количество отглагольных существительных, которые с точки зрения грамматики формируют полупредикативные конструкции со значением действия или каузации.

Текст сборника медицинских рецептов обладает предписывающим, регулятивным характером. В нем встречаются преимущественно такие семантические типы предикатов, как физическое действие, физиологическое действие и каузация. Они выражены полнознаменательными глаголами в форме повелительного наклонения 2-го лица, сочетанием инфинитива полнознаменательного глагола с каузативным (*lætan, habban*) в той же форме. Дополнительно в тексте ограничено встречаются предикаты состояния и изменения состояния, выраженные

знаменательным глаголом, сочетанием глагола-связки или полуслужебного глагола (*sculan*, *willan*) с прилагательным, причастием I, наречием. В тех текстах рецептов, где наряду с лекарственным средством или вместо него используется заговор, за счет текста заговора повышается доля предикатов со значением речевого действия, intersубъектных отношений, способа функционирования.

Выявленные различия демонстрируют, что семантическая структура текста отражает специфику жанра. В обоих рассмотренных текстах преобладают предикаты физического действия. При этом в нарративных текстах летописи дополнительно увеличивается количество предикатов со значением движения, донативного действия, деятельности, а актантами предикатов выступают преимущественно существительные, обозначающие одушевленное лицо. В медицинских же текстах актантами при глаголах физического действия выступают преимущественно существительные со значением неодушевленного лица и больше предикатов со значением состояния, изменения состояния или каузации. Это указывает на значительные различия в использовании семантических типов предикатов в зависимости от жанровой принадлежности нехудожественного текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.
2. Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике. М.: Наука, 1985.
3. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Ин-т русского языка РАН, 2004.
4. Иванова Е. В. Лексикология и фразеология современного английского языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2011.
5. Смирницкий А. И. Древнеанглийский язык. М.: МГУ, 1998.
6. Рючина Е. В. Двухместные предикаты в древнеанглийском: на материале «Беовульфа» и «Англосаксонских хроник»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / КГУ им. К. Э. Циолковского. Калуга, 2006.
7. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения. М.: Наука, 1981.
8. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Русская речь. Л., 1928. С. 5–27.
9. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 2010.
10. Семантические типы предикатов / отв. ред. О. Н. Селиверстова. М.: Наука, 1982.
11. Руберт И. Б. Становление и развитие английских регулятивных текстов. СПб.: Образование, 1995.
12. Jebson T. Manuscript A: The Parker Chronicle // The Anglo-Saxon Chronicle: An Electronic Edition. URL: <http://asc.jebbo.co.uk/a/a-L.html> (дата обращения: 23.03.2025).
13. Гимон Т. В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: сравнительное исследование. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011.
14. Цвинариа М. Е. «Героический» дискурс в историко-культурном контексте «Англосаксонской хроники» // Филологический аспект: междунар. науч.-практ. журнал. 2022. № 06 (86). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/geroicheskij-diskurs-v-istoriko-kulturnom-kontekste-anglosaksonskoj-khroniki.html> (дата обращения: 23.03.2025).
15. Niles J. D. Lacnunga // Medical Writings from Early Medieval England / J. D. Niles, M. A. d'Aronco (eds.). Vol. I: The Old English Herbal, Lacnunga, and Other Texts Cambridge. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 2023. P. 419–532.

Информация об авторе.

Яковлева Мария Станиславовна – аспирантка кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного университета (Университетская наб., д. 7–9, Санкт-Петербург 199034, Россия). Автор трех научных публикаций. Сфера научных интересов: древнеанглийский язык, историческая прагматика, жанры нехудожественной литературы.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 25.01.2025; принята после рецензирования 28.02.2025; опубликована онлайн 19.06.2025.*

REFERENCES

1. Zolotova, G.A. (1982), *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative Aspects of Russian Syntax], Nauka, Moscow, USSR.
2. Boguslavskii, I.M. (1985), *Issledovaniya po sintaksicheskoi semantike* [Studies in Syntactic Semantics], Nauka, Moscow, USSR.
3. Zolotova, G.A., Onipenko, N.K. and Sidorova, M.Yu. (2004), *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of Russian], In-t russkogo yazyka RAN, Moscow, RUS.
4. Ivanova, E.V. (2011), *Leksikologiya i frazeologiya sovremennogo angliiskogo yazyka* [Lexicology and Phraseology of Modern English], SPb., Akademiya, SPbSU, Moscow, RUS.
5. Smirnitiskii, A.I. (1998), *Drevneangliiskii yazyk* [Old English], Moscow, MSU, RUS.
6. Ryuchina, E.V. (2006), "Two-place predicates in Old English. Based on Beowulf and Anglo-Saxon Chronicle texts", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, TKSU, Moscow, RUS.
7. Stepanov, Yu.S. (1981), *Imena, predikaty, predlozheniya* [Names, predicates, sentences], Nauka, Moscow, USSR.
8. Shcherba, L.V. (1928), "On parts of speech in Russian", *Russkaya rech'* [Russian speech], Leningrad, RUS, pp. 5–27.
9. Paducheva, E.V. (2010), *Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrative* [Semantics of tense and aspect in Russian; Semantics of the narrative], Yazyki slavyanskoj kul'tury, Moscow, RUS.
10. Seliverstova, O.N. (1982), *Semanticheskie tipy predikatov* [Semantic types of predicates], Nauka, Moscow, USSR.
11. Rubert, I.B. (1995), *Stanovlenie i razvitie angliiskikh regulativnykh tekstov* [Formation and development of English regulatory texts], Obrazovanie, SPb., RUS.
12. Jebson, T. "Manuscript A: The Parker Chronicle", *The Anglo-Saxon Chronicle: An Electronic Edition*, available at: <http://asc.jebbo.co.uk/a/a-L.html> (accessed 23.03.2025).
13. Guimon, T.V. (2011), *Istoriopisanie rannesrednevekovoi Anglii i Drevnei Rusi: Sravnitel'noe issledovanie* [Historical writing of early medieval England and Rus: A comparative study], Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, Moscow, RUS.
14. Tsvinaria, M.E. (2022), "'Heroic' discourse in the historical-cultural context of 'Anglo-Saxon Chronicle'", *Filologicheskii aspekt: mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii zhurnal*, no. 06 (86), available at: <https://scipress.ru/philology/articles/geroicheskij-diskurs-v-istoriko-kulturnom-kontekste-anglosaksonskoj-khroniki.html> (accessed 23.03.2025).
15. Niles, J.D. (2023), "Lacnunga", *Medical Writings from Early Medieval England. Vol. I: The Old English Herbal, Lacnunga, and Other Texts*, Harvard Univ. Press, Cambridge, MA, USA, pp. 419–532.

Information about the author.

Maria S. Yakovleva – Postgraduate at the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of three scientific publications. Area of expertise: ancient English, historical pragmatics, genres of non-fiction literature.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 25.01.2025; adopted after review 28.02.2025; published online 19.06.2025.*

Оригинальная статья

УДК 81'42

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-3-101-116>

Интерпретация концепта FEAR в политическом миграционном дискурсе

**Екатерина Олеговна Зубарева¹, Светлана Викторовна Шустова²✉,
Алина Геннадьевна Гавшина³**

^{1, 2, 3}Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹fialka21-85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8212-8929>

²✉lanaschust@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8318-7864>

³gavshina_000q@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-5260-3775>

Введение. Рассматривается концепт FEAR как особый, эмоционально-психологический инструмент в сфере миграционной политики. Актуальность работы связана с тем, что исследование проводится в рамках миграционной лингвистики, в задачи которой входит изучение миграционного дискурса, миграционной политики и особенностей ее языковой реализации, а также малой изученностью англоязычного политического миграционного дискурса. Цель статьи – исследовать семантический потенциал лексемы *fear*, выявить актуальные семантические компоненты ее значения в политическом миграционном дискурсе, а также проиллюстрировать особенности трансляции англоязычного политического миграционного дискурса на русский язык. Лексема *fear* является актуализатором одноименного концепта.

Методология и источники. В качестве основных методов исследования были использованы интерпретация, категоризация, систематизация и контекстуальный анализ. Материалом для работы послужила статья Gundogmus B., Mete M. «The Politics of Fear: Fear of Migrants as an Instrument Shaping the Political Environment». Исследование опирается на теоретические работы в области концептологии, дискурсологии и миграционной лингвистики.

Результаты и обсуждение. Миграция оказывает огромное влияние на межкультурное общение, тесно связана с политической и языковой безопасностью, лингвотолерантностью и лингвистической дискриминацией, что обуславливает интерес к миграционной лингвистике. В статье рассмотрены основные задачи миграционной лингвистики, дано определение миграционному дискурсу в аспекте интерферентности и институциональности, раскрыта жанровая структура миграционного дискурса. В работе обоснована позиция включения исследуемого концепта в концептосферу миграции. В статье представлены актуальные семантические компоненты лексемы *fear*, не зафиксированные в лексикографических источниках. Все компоненты разделены на две большие группы: общая и политическая (власть и миграция). Также выявлены и проиллюстрированы контекстуальные синонимы и рассмотрены основные трудности перевода политического миграционного дискурса.

Заключение. В результате исследования выявлено 24 актуальных семантических компонента, функционирующих в политическом миграционном дискурсе. Концепт FEAR рассматривается как инструмент формирования миграционной политики, цель

© Зубарева Е. О., Шустова С. В., Гавшина А. Г., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

которой – вызвать у граждан чувство страха и недоверия к мигрантам, что приводит к ужесточению миграционной политики и снижению уровня толерантности. Среди особенностей перевода политического миграционного дискурса можно выделить частое использование таких переводческих трансформаций, как антонимический перевод, грамматические и контекстуальные замены и технические приемы.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, миграционная лингвистика, миграционный дискурс, политический миграционный дискурс, семантический компонент

Для цитирования: Зубарева Е. О., Шустова С. В., Гавшина А. Г. Интерпретация концепта FEAR в политическом миграционном дискурсе // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 3. С. 101–116. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-101-116.

Original paper

Interpretation of the Concept FEAR in Political Migration Discourse

Ekaterina O. Zubareva¹, Svetlana V. Shustova²✉, Alina G. Gavshina³

^{1, 2, 3}Perm State University, Perm, Russia

¹*fialka21-85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8212-8929>*

²✉*lanaschust@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8318-7864>*

³*gavshina_000q@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-5260-3775>*

Introduction. The article is considered the concept FEAR as a special emotional and psychological tool in the field of migration policy. The relevance of the work is related to the fact that the research is conducted within the framework of migration linguistics, the tasks of which include the study of migration discourse, migration policy and the specifics of its linguistic implementation, as well as the low level of study and development of the English-language political migration discourse. The purpose of the article is to explore the semantic potential of the lexeme fear, identify the relevant semantic components of its meaning in political migration discourse. The lexeme fear is an actualizer of the same name concept.

Methodology and sources. Interpretation, categorization, systematization and contextual analysis were used as the main research methods. The material for the work was an article by B. Gundogmus, M. Mete “The Politics of Fear: Fear of Migrants as an Instrument Shaping the Political Environment”. The research is based on theoretical work in the fields of conceptology, discursology and migration linguistics.

Results and discussion. The article was examined the main tasks of migration linguistics, defines migration discourse in terms of interference and institutionality, and revealed the genre structure of migration discourse. The paper also was substantiated the position of including the concept under study in the migration conceptsphere. The article was presented the actual semantic components of the lexeme fear, which are not recorded in lexicographic sources. All components were divided into two large groups: general and political (power and migration).

Conclusion. As a result of the research, 24 relevant semantic components functioning in the political migration discourse have been identified. The concept FEAR is considered as a tool for shaping migration policy, the purpose of which is to cause citizens to feel fear and distrust of migrants, which consequently leads to a tightening of migration policy and a decrease in the level of tolerance.

Keywords: concept, conceptsphere, migration linguistics, migration discourse, political migration discourse, semantic component

For citation: Zubareva, E.O., Shustova, S.V. and Gavshina, A.G. (2025), "Interpretation of the Concept FEAR in Political Migration Discourse", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 3, pp. 101–116. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-101-116 (Russia).

Введение. Понятия «политика» и «миграция» тесно связаны между собой. Различные политические события, экономический кризис в стране, стихийные бедствия неизбежно приводят к увеличению миграционных потоков. Мигранты спасаются от последствий политических катаклизмов или стремятся реализовать свой трудовой потенциал в странах, где экономика более развита. Известно, что государство использует различные инструменты и средства в области миграционной политики. Среди таких инструментов можно выделить особый, так называемый психологический инструмент, например, пробуждение у людей определённых эмоций, в том числе страха. Этот метод является не таким очевидным, поскольку государство действует на сознание людей, пытаясь манипулировать и управлять решениями граждан имплицитно. Это тонкое, зачастую скрытое воздействие не всегда просто распознать.

Актуальность работы связана, во-первых, с тем, что миграция – это мировой процесс, набирающий обороты в настоящее время в связи с глобализацией, а также постоянный круговорот территориальных перемещений населения, который отражается на всех уровнях жизни общества; во-вторых, работа выполняется в рамках направления миграционной лингвистики, в задачи которой входит изучение миграционного дискурса, миграционной политики и особенностей ее языковой реализации, ключевых категорий, связанных с миграционными процессами; в-третьих, налицо малая изученность и разработанность англоязычного политического миграционного дискурса. Цель – исследование семантического потенциала лексемы *fear*, выявление актуальных семантических компонентов ее значения в политическом миграционном дискурсе, а также представление особенностей трансляции англоязычного политического миграционного дискурса на русский язык. Теоретическая и практическая значимость определяется как вклад в развитие теории и методологической базы миграционной лингвистики, возможность использования результатов исследования в дисциплинах «Актуальные проблемы лингвистики», «Миграционная лингвистика», «Язык и глобализация» и др.

Методология и источники. В качестве основных методов исследования были использованы интерпретация, категоризация, систематизация и контекстуальный анализ. Материалом для работы послужила статья Gundogmus B., Mete M. «The Politics of Fear: Fear of Migrants as an Instrument Shaping the Political Environment», объемом 63 486 печатных знаков без пробелов, опубликованная в 2024 г. [1]. Исследование опирается на теоретические работы в области когнитивной лингвистики, дискуртологии и миграционной лингвистики.

Результаты и обсуждение. Миграция как процесс уже довольно хорошо изучена с точки зрения социологии, демографии, политики, права, экономики. Поскольку миграция оказывает огромное влияние на межкультурное общение, связана с такими категориями, как лингвотолерантность, речевая агрессия и языковая безопасность, то вполне логично, что в настоящее время активно развивается миграционная лингвистика. К задачам миграционной лингвистики относятся: моделирование миграционного дискурса, формирование базовых категорий миграционной лингвистики, разработка системы методов миграционной лингвистики [2, с. 7–8]. Учитывая возросший в последнее время интерес к теме миграции, можно

выделить миграционный дискурс как самостоятельный вид дискурса. Актуальность изучения миграционного дискурса подтверждается повышенным к нему вниманием в последние десятилетия как отечественных, так и зарубежных исследователей [3–7].

Миграционный дискурс рассматривается как «вид социальной практики, поскольку его формируют социальные структуры, социальные практики, социальные агенты, участники, вовлечённые в социальные события» [8, с. 120]. В миграционном дискурсе выделяются социальные участники, т. е. социальные агенты первичной социализации: семья, родители, родственники, и вторичной социализации: руководители учреждений, официальные представители государства и его органов, иммиграционная служба, управление по вопросам миграции. По словам С. В. Шустовой, «ключевой социальный участник миграционного дискурса – это мигрант» [8, с. 121]. Т. А. ван Дейк определяет миграционный дискурс как сложную структуру, включающую лингвистические, политические, социальные и культурные аспекты. Также он подчёркивает, что миграционный дискурс – это не только о миграции, но и составная часть миграции [9, с. 230]. Согласно концепции В. З. Демьянкова, дискурс «концентрируется вокруг некоторого опорного концепта, создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки...» [10, с. 7]. Соответственно, можно сделать вывод, что опорным концептом миграционного дискурса выступает концепт МИГРАЦИЯ. Миграция, в свою очередь, затрагивает всевозможные сферы общества (политика, экономика, религия, искусство и т. д.), поэтому можно предположить, что «миграционный дискурс представлен огромным количеством сопутствующих концептов» [2, с. 11]. МИГРАЦИЯ и МИГРАНТ – самые очевидные концепты миграционного дискурса, поэтому они уже довольно хорошо изучены [11]. Как уже отмечалось, миграционная лингвистика – новое научное междисциплинарное направление, поэтому возможные концепты миграционного дискурса пока не обозначены, и концептосфера миграции продолжает разрабатываться. Миграция часто связана с политической безопасностью, формированием настроений членов титульной нации по отношению к иностранным гражданам. Авторы считают, что концепты СТРАХ и FEAR можно отнести к концептосфере миграции, так как они актуализируются в качестве скрытого инструмента власти, в том числе в сфере миграционной политики.

В. И. Мукомель утверждает, что «взаимопроникновение, коммуникации между различными дискурсами... присущи западной традиции, но не российской: массмедийный, чиновничий, политический и академический дискурсы о миграции и миграционной политике существуют изолированно» [12, с. 57]. Т. А. ван Дейк считает, что миграционный дискурс включает в себя множество дискурсивных жанров, каждый из которых относится к определённому аспекту миграции как социального и политического феномена. Исследователь выделяет следующие жанры миграционного дискурса: медийный, политический, юридический, административный, социальный и др. [9, с. 230–233]. Таким образом, можно говорить не просто о миграционном дискурсе, а о политическом миграционном дискурсе.

Авторами выделено 36 примеров из статьи, в которых раскрываются актуальные семантические компоненты лексемы *fear*. Эти семантические компоненты разделены на две группы:

1. Общая (15 примеров).

2. Политическая (внутри этой группы дополнительно выделяются две подгруппы): власть (14 примеров) и миграция (7 примеров).

Следует уточнить, что к общей группе относятся семантические компоненты, которые не вошли в политическую группу, но являются весьма важными для целостного понимания сущности исследуемого концепта в политическом миграционном дискурсе. Также авторы акцентируют внимание на трудностях и особенностях, с которыми столкнулись во время перевода примеров политического миграционного дискурса при интерпретации лексемы *fear*. Рассмотрим каждую группу более подробно.

1. Общая группа

1.1. Условие существования

1.1.1. Шанс на выживание: «*Fear, as an emotion that prepares a person for any situation, increases the probability of survival by keeping its owner away from dangerous situations*» (Страх – эмоция, готовящая человека ко всему – увеличивает шанс выживания, удерживая своего обладателя подальше от опасных ситуаций)¹. Интерпретация лексемы *fear* выражается в том, что эта эмоция спасает от неприятных и опасных ситуаций, она помогает выжить и избежать в дальнейшем чрезвычайных ситуаций. В этом предложении авторы используют генерализацию: слово *person*, хоть и употребляется в единственном числе, но означает множество людей. Использование местоимения *any* в словосочетании *any situation* подчеркивает обобщенность и распространенность страха.

1.1.2. Условие продолжения рода: «*The explanation for the origin of fear in the biological process is simple: a creature without fear cannot continue its species*» (С биологической точки зрения, объяснение зарождения страха элементарно: существо, лишённое страха, не может продолжить свой род). Пример демонстрирует важный семантический компонент лексемы *fear*. Человек не может существовать и жить, не испытывая страха. Использование слова *creature* в единственном числе носит генерализованный характер, с точки зрения перевода этого предложения использована перестановка, фраза *с биологической точки зрения* поставлена в начало предложения, благодаря чему смещается фокус внимания читателя на главный аспект интерпретации лексемы *fear*.

1.1.3. Условие развития: «*It is possible to build cities, houses, weapons and even laws on fear (Svendson, 2021)*» (На страхе можно строить города, дома, оружие и даже издавать законы (Свендсен, 2021)). Складывается впечатление, что можно построить целое государство на страхе. При переводе в целях адаптации под русскоязычный узус и логичной интерпретации лексемы *fear* был изменён порядок слов в предложении.

1.1.4. Неотъемлемая часть живого существа и мира: «*It is important to read Mannoni's (Mannoni, 1992) rhetorical account of the ubiquity of fear, which is close to Aristotle's, noting that animals undoubtedly recognize fear, but that what they see as fear falls short of what humans know as fear: "Fear arises or makes itself felt in situations that are in its favor. It is aroused by the near as well as the far, by the new as well as the old, it settles among the waves and in the clouds, haunts the forests, lives in the darkness and does not shrink from the light of day. Whether subtle or persistent, there is no period and no place without it. But beyond this general diffusion, fear finds its true home in the human heart, or rather in the human mind: it is here that its powers are fully appreciated*» (Следует прочитать риторический рассказ Маннони (Маннони, 1992) о вездес-

¹ Здесь и далее перевод авторов статьи.

сущности страха, что близко аристотелевским работам. В рассказе упоминается, что животные, безусловно, опознают страх, но их понимание страха уступает человеческому: «Страх порождается или дает о себе знать в ситуациях, складывающихся в его пользу. Он возбуждается близким и далеким, новым и старым, он поселяется среди волн и в облаках, бродит по лесам, он живет в темноте и не чурается дневного света. Трудно уловимый или настойчивый, он всегда и везде. Опустив это многословие, можно сказать, что страх находит свой истинный дом в человеческом сердце, или, скорее, в человеческом разуме. Именно здесь его сила осознается в полной мере»). В этом примере широко и метафорично раскрывается значение лексемы *fear*. В цитате Маннони страх предстаёт перед нами как *живое существо*, автор использует олицетворение: «*Fear arises or makes itself felt in situations that are in its favor; ...fear finds its true home in the human heart...*» Он подчеркивает и *вездесущность* страха, используя антитезы и повторение: «*It is aroused by the near as well as the far, by the new as well as the old, it settles among the waves and in the clouds, haunts the forests, lives in the darkness and does not shrink from the light of day*». Использование существительных во множественном числе: *situations, the waves, the clouds, the forests, powers*, отвлеченных прилагательных с абстрактным значением *the new, the old, the near, the far*, абстрактных существительных *the darkness, the light, period, place, powers* также создаёт ощущение всеобщности и всеохватности. Первое предложение оказалось, пожалуй, самым трудным с точки зрения перевода. Во-первых, предложение весьма развернутое и длинное, во-вторых, содержит в себе цитату. В цитируемом тексте чувствуется уже другая «энергия» другого автора, используются более литературные и метафоричные выражения, текст визуально похож на художественный, поэтому важно «переключиться» с одного стиля на другой. Мы разделили это большое предложение, так как при переводе целого предложения было бы труднее сохранить смысл и согласованность. Трудность трансляции лексемы *fear* на русский язык возникла во фразе *but that what they see as fear falls short of what humans know as fear*. При первой интерпретации этого выражения перевод будет примерно таким: «их [животных] понимание страха сильно отличается от понимания страха людьми», но если мы обратим внимание на выражение *falls short of...*, то обнаружим, что оно означает *не оправдывать ожиданий, не достигнуть цели, быть меньше (чего-то)* [13]. Таким образом, при переводе нам важно было передать не только значение *отличаются друг от друга*, но и *один хуже другого*. В связи с этим принято решение перевести фразу как «...но их понимание страха уступает человеческому». Во фразе *fear arises or makes itself felt in situations that are in its favor* первым вариантом перевода *makes itself felt* было «чувствуется», но после анализа разных вариантов переводов в словарях был найден более подходящий вариант – *дает о себе знать*, так как он в какой-то степени «оживляет» *fear*, а в цитате Маннони *fear* предстает как живое существо, и мы сохраняем олицетворение. В следующем контексте *...and does not shrink from the light of day* нас заинтересовал перевод слова *shrink*. В словарях даются значения: *уменьшаться, садиться, сжиматься, съживается, удаляться, исчезать* [13]. Поскольку в этой части предложения говорится о вездесущности страха, то, скорее всего, автор имеет в виду, что *fear* «и живет в темноте, и не боится дневного света», и нам нужно передать ту же экспрессивность, поэтому для перевода мы остановились на варианте *не чурается дневного света*. Во фразе *whether subtle or persistent, ...* перед нами стояла задача выбрать из обшир-

ного ряда значений этих прилагательных наиболее подходящие. В словарях приведены значения *subtle*: тонкий, неуловимый, нежный, хитроумный, ловкий, едва различимый, изысканный, коварный, изворотливый; ненасыщенный, негустой; а слово *persistent* определяется как: стойкий, постоянный, настойчивый, устойчивый, упорный, непрекращающийся [13]. Необходимо обратить внимание на контекст союза *and* между этими прилагательными, а также на часть предыдущего предложения, где следуют регулярные противопоставления: *by the near as well as the far, by the new as well as the old*. Это означает, что эта фраза логически должна продолжать противопоставление, поэтому нужно выбрать максимально противоположные по смыслу слова. Во-вторых, автор продолжает описывать страх, поэтому при выборе следует опираться на описание страха как живого существа. Учитывая эти нюансы выбран соответствующий перевод «трудно уловимый или настойчивый». Отметим, что при переводе фразы *...there is no period and no place without it* мы использовали антонимический перевод, а отрицание заменили на утверждение: «он всегда и везде».

1.2. Эмоция, снижающая умственную активность: «*Although biochemically emotions have no significant difference in animal physiology, just as fear and anger have the same biochemical effects (Reddy, 2001), compared to other emotions, fear reduces the human mind's ability to develop counter-alternatives*» (Хотя в биохимическом плане эмоции не имеют существенных различий в физиологии животных, как страх, так и гнев обладают одинаковыми биохимическими эффектами (Редди, 2001), но по сравнению с другими эмоциями страх снижает способность человеческого разума вырабатывать альтернативные решения). В предложениях выражается идея: страх мешает человеку принимать быстрые и адекватные решения, человек не способен разумно мыслить под влиянием этой эмоции.

1.3. Социальная составляющая

1.3.1. Предмет социальных наук: «*In this study, firstly, the biological and physiological basis of the emotion of fear is expressed, and the arguments for fear as a subject in social sciences are put forward by utilizing the literature*» (В этом исследовании, во-первых, выражаются биологические и физиологические основы страха, и, во-вторых, с использованием разных источников, приводятся аргументы в пользу того, что страх является предметом социальных наук). В первой части предложения лексема *fear* используется в словарном значении [14], а во второй части мы видим новый семантический компонент: автор определяет страх как предмет социальных наук. При переводе фразы *...of the emotion of fear* решено опустить слово «эмоции», страх – это и есть эмоция.

1.3.2. Эмоция, формирующаяся в результате социальных изменений: «*All emotions, including fear, are shaped not only as physiological and biological outputs but also under the influence of the social*» (Все эмоции, включая страх, формируются не только вследствие физиологических и биологических процессов, но в том числе и социальных). Существительные во множественном числе (*emotions, outputs*) вновь придают обобщенное значение, поэтому в названии компонента также отражаем множественность.

1.3.3. Эмоция, объединяющая людей: «*In this metaphor, it is significant that fear is the power of the ship, holding the passengers and crew together*» (В этой метафоре важно подчеркнуть, что страх является силой корабля, поскольку он сплачивает пассажиров и экипаж). Отметим, что в этом примере страх приравнивается к силе, *power* выступает как контекстуальный синоним.

При переводе мы обратили внимание на слово *to hold*: *удерживать, останавливать, сохранять контроль, вмещать, содержать в себе* [13]. Этот глагол используется в сочетании с наречием *together* и приобретает другое значение: *скреплять, быть сплоченными, едиными*. Считаем, что необходимо употребление глагола в активном залоге, поскольку действующее лицо в предложении – страх, поэтому для перевода выбираем вариант «сплачивает».

1.3.4. Эмоция, разделяющая общество: «*It would not take us too far to say that the process of determining “who rules and who must obey” is based on fear*» (Не будет преувеличением сказать, что процесс определения того, «кто управляет» и того, «кто должен подчиняться», основывается на страхе). «*In this way, the power has the power to decide who will be the other and who will be excluded from the category of the other by using fear and uncertainty*» (Таким образом, власть имеет право решать, кто будет «другим» и кто будет исключён из категории «других», используя страх и неуверенность). При переводе первого предложения используется грамматическая замена «не будет преувеличением сказать, что...», в целях экономии и адаптации к русскоязычному узусу. Отметим интересный момент лексического повтора во втором примере *the power has the power to decide*, в переводе повтор не сохраняется и предлагается вариант «власть имеет право решать».

1.3.5. Социальный триггер: «*When expressed as doubt experienced in interpersonal relationships (Knobloch & Solomon, 1999), uncertainty eliminates clarity in communication and transforms uncertainty into fear as a social trigger*» (Выражаясь в виде сомнения в межличностных отношениях (Кноблук & Саломон, 1999), неопределенность устраняет ясность в общении и превращается в страх как социальный триггер). *Социальный триггер* выступает как контекстуальный синоним. Интересно, что одним из первых, кто использовал понятие «триггер» в области социальных наук, был Ч. Кули, он определяет триггер как возбудимость или вспыльчивость [15, с. 334]. В настоящее время всё большую популярность приобретает понятие «эмоциональный триггер», что означает «автоматические эмоциональные реакции, возникающие в ответ на какое-либо событие. Любое событие служит спусковым крючком, который запускает определенную эмоциональную реакцию» [16, с. 15]. Отталкиваясь от этого определения, мы приходим к выводу, что это эмоция, возникающая у человека в ответ на внешние раздражители, и государство может намеренно создавать триггеры, вызывая подходящие события.

1.3.6. Орудие для создания хаоса: «*Fear is a very useful tool for power to create chaos and for the spaces created by chaos*» (Страх – это очень полезный инструмент власти для создания хаоса, и для пространств, сотворенных хаосом). С помощью страха государство создает волнения и переживания в обществе. Невозможность рационально мыслить ведет к необдуманным действиям, теряется чувство контроля, и человека охватывает чувство неопределенности, он больше не уверен в своем будущем, в счастливом будущем своей страны, что приводит к глобальному хаосу.

1.3.7. Эмоция, заполняющая пустоту в обществе: «*Without exception, every power fills a void in society, which is where Berle (1980) explains in his book on power that power and fear have something in common*» (Без исключения каждая сила заполняет пустоту в обществе, и именно здесь, по мнению Берли (1980), сила и страх имеют что-то общее). Когда общество морально разлагается, оно теряет способность мыслить и чувствовать, в нем появляется пу-

стога, государство стремится заполнить ее исходя из своих целей. Сила вновь выступает как контекстуальный синоним, сила и страх – самые удобные инструменты, так как общество наиболее уязвимо под их воздействием.

2. Политическая группа

2.1. Власть

2.1.1. Неотъемлемый компонент политики: «*The limits of this study cover the politics of fear rather than discussing fear as an emotion*» (Рамки этого исследования охватывают скорее политику «устрашения», чем саму эмоцию). «*It is not possible for an emotion that is so effective in the formation of society not to have a unique place in the political order*» (Невозможно, чтобы эмоция, столь эффективная в управлении обществом, не занимала особого положения в политике). Выражение *politics of fear* говорит о том, что *fear* действительно является компонентом политики, ее инструментом управления обществом. С помощью указательного местоимения *so* в данном предложении акцентируется внимание на эффективности страха в управлении обществом, следовательно, страх – это неотъемлемый элемент политики, обеспечивающий мощь и власть. Более того, страх занимает особое положение (*unique place*), что еще раз подчеркивает его значимость в политике.

2.1.2. Психологический инструмент управления: «*Fear is an emotion that has been instrumentalized throughout history as a powerful catalyst in directing societies through its effect on human psychology*» (Страх – это эмоция, которая на протяжении всей истории использовалась в качестве мощного катализатора в управлении обществом посредством воздействия его на психологию человека). Использование Present Perfect Continuous для заострения внимания на длительности этого процесса и на том, что он ещё продолжается, абстрактные существительные *an emotion, a catalyst, psychology*, а также существительные во множественном числе – *societies* (при переводе на русский язык используется грамматическая замена числа, так как для русскоязычного читателя это более привычный вариант) – подчеркивает вездесущность процесса. Интересно отметить, что автор статьи использует стилистический прием сравнения и тем самым рассматривает «мощный катализатор» как контекстуальный синоним страха.

2.1.3. Инструмент манипулирования общественным мнением: «*To the extent that society is subjected to the fear imposed by the power, it is channeled to areas that are the opposite of the fear pointed out in order to “survive”*» (В той же степени, в какой общество подвергается страху, вызванному властью, оно направляется в сферы, противоположные страху и направленные на «выживание»). В этом предложении раскрывается следующая мысль: государство вызывает в обществе необходимый ему уровень страха, после этого, общество «направляется» в нужные сферы. Общество поступает так, как это нужно для государства, человеку лишь кажется, что выбирает он, а на самом деле ситуация совершенно другая, нежели он себе ее представляет. Безусловно, государство играет огромную роль в формировании мнения общества. Вследствие страха люди начинают выполнять такие действия и принимать такие решения, каких они не стали бы делать, будучи в спокойном состоянии или обусловленные собственным желанием.

2.1.4. Инструмент легитимизации: «*According to Çetin (2012), the legitimacy crisis is tried to be eliminated through fear*» (Согласно Четину (2012), кризис легитимности пытаются устранить с помощью страха). В примере используется выражение *the legitimacy crisis*.

Обратимся к словарю: кризис легитимности – ситуация, в которой правомерность существующего социального порядка подвергается сомнению и открыто выражается недоверие к существующей власти [17]. Следовательно, в примере указывается, что с помощью страха предпринимаются попытки устранить или снизить недоверие к власти, повысить ее легитимность. Автором приводится мысль, что страх узаконивает отношения между властью и подчиненными; страх заставляет людей подчиняться даже против их воли, принимать существующую систему в государстве; страх минимизирует возникновение восстаний, неповиновений; люди боятся признать принятое государством решение незаконным, тогда они предпочитают просто принять его. В процессе наименования данного семантического компонента возникли трудности с разграничением понятий *легитимность* и *легитимизация*. Обратимся к толковому словарю: легитимность – это свойство по значению прилагательного «легитимный»; в свою очередь «легитимный» – законный; общественно признанный [18, с. 89]. Легитимизация – действие по значению глагола *легитимизировать*; в то время как *легитимизировать* – узаконивать какое-либо право, чье-либо полномочие и т. п.; признавать, подтверждать правомочность выборных структур, организаций и т. п. [18, с. 88]. Таким образом, легитимность – это свойство, а легитимизация – процесс. Страх сопровождает процесс узаконивания, соответственно нам подходит вариант *легитимизация*.

2.1.5. Инструмент формирования политических отношений: «*The first step in the formation of power relations is fear*» (Первый шаг к формированию политических отношений – страх). Стоит обратить внимание на то, что автор называет страх *первым шагом* к формированию политических отношений. Возможно, это связано с врожденным чувством страха человека относительно всего «чужого» или тем, что в истории сильные государства захватывали слабые территории и устанавливали свою власть. Благодаря страху зарождались политические отношения «власть – подчинение». Рассматривая современные реалии страх можно связать с перспективой новой войны. Ощущая этот страх, государства принимают соответствующие решения, чтобы не допустить этого, что и обуславливает политические взаимоотношения.

2.1.6. Инструмент, скрывающий недостатки власти: «*For instance, the ruler can reflect his/her responsibility for his/her inadequacy in any issue by activating the instrument of fear*» (Например, с помощью страха правитель может обратить свои недостатки в положительный исход). «*Fear, which gives the rulers a lot of freedom for political actions, can become a refuge for the negativities in governance*» (Страх, дающий правителям свободу политических действий, может стать убежищем для отрицательных сторон управления). В этих примерах *fear* предстает перед нами как убежище, а благодаря олицетворениям (*fear...gives a lot of freedom, can become a refuge; fear provides political space...by shifting the focus*), страх представляется как некое существо, которое оберегает власть, скрывает ее недостатки и даже преобразует их в другие, выгодные государству исходы. Использование неопределенного местоимения *any* усиливает мысль о том, что с помощью страха можно превратить недостатки власти в любой подходящий для государства исход.

2.1.7. Инструмент власти, уничтожающий способность рационального мышления: «*Power takes advantage of the loss of rational abilities and attention to reality that fear creates in people*» (Власть использует в своих интересах потерю рациональных способностей и внимания к реальности, порождаемую страхом). Мы уже выделили в общей группе семантический компо-

нент «эмоция, снижающая активность умственной деятельности». В данном примере указывается, что государство отлично понимает и активно использует это в проведении политики.

2.2. Миграция

2.2.1. Инструмент, формирующий миграционную политику: «*Fear, and nowadays fear of migrants, is an active emotion in political decision-making processes and the politics of this emotion plays an active role in determining the political conjuncture of countries*» (Страх, а сегодня ещё и страх перед мигрантами, активно используется в процессе принятия политических решений, и политика этой эмоции играет важную роль в определении политической конъюнктуры стран). Повторяющееся прилагательное *active* в словосочетаниях *active emotion, active role* подчеркивает то, что страх – это важная и часто используемая эмоция в политике. Словосочетание *politics of this emotion* помогает нам понять, что в государстве даже существует специальная политика, которая проводится с целью вызвать страх у населения. Пример показывает, что страх используется для формирования определенной позиции государства в отношении мигрантов.

2.2.2. Инструмент создания негативного образа мигранта: «*Migration movements that take place for reasons such as political and social processes and geographical conditions are included in the politics of fear by presenting migrants in target countries as a threat to economic stability, national security, nation-state, and cultural identity*» (Миграционные потоки, возникающие по политическим и социальным причинам, а также из-за географических условий, включаются в политику «устрашения» и представляют иммигрантов в целевых странах как угрозу экономической стабильности, национальной безопасности, культурной самобытности). Говоря о миграциях, автор использует существительные множественного числа *movements, reasons, processes, conditions, migrants, concerns, preferences*, абстрактные существительные: *stability, security, nation-state, identity, the future*, тем самым сообщая, что данное явление широко распространено по всему миру. В этих примерах *fear* предстает перед нами как инструмент государства для создания негативного образа мигранта. С точки зрения перевода, интересно выражение *migration movements*: слово *movement* определяется как: 1) *an act of moving from one place to another or of moving something from one place to another*; 2) *a group of people who share the same ideas or aims* [19]. С одной стороны, выражение *миграционные потоки* можно рассматривать как географическое перемещение мигрантов, а с другой – как особое движение, члены которого объединены общей целью и ценностями. Интересно, как меняется восприятие предложения, если принять во внимание оба примера по очереди. В первом случае получается, что территориальные перемещения мигрантов входят в политику «устрашения» государств, представляя мигрантов в глазах страны как угрозу для экономики, безопасности и т. д. Во втором же случае получается, что *движение мигрантов* (их движение за свои права, например, по аналогии с *the labour movement*), включено в политику «устрашения» государства. Здесь мигранты представляются как люди, борющиеся за свои права, и этим государство может устрашать население. Обратимся к еще одному составному существительному (*compound noun*) – *Target country*. В нашем случае это страны, в которых проводится политика «устрашения». В словаре даются следующие определения *target*: *a result that you try to achieve; an object, a person or a place that people aim at when attacking* [19]. Исходя из контекста, лучше всего подходит второе значение, тогда само

выражение «...by presenting migrants in target countries...» приобретает интересный семантический оттенок: государство «атакует» свою страну сообщениями о том, что мигранты – это угроза для национальной безопасности, экономической ситуации и т. д.

2.2.3. Инструмент манипулирования обществом, основанный на формировании негативного отношения к мигрантам: «*This is because actors try to bring about behavioral and thought changes in the target audience regarding the fear of migrants*» (Это происходит потому, что политики пытаются изменить поведение и мышление целевого государства, внушая страх перед мигрантами). Этот семантический компонент – результат объединения компонентов *Инструмент манипулирования общественным мнением* и *Инструмент создания негативного образа мигранта*. В примере *fear* – орудие, к которому прибегают политики, чтобы изменить восприятие гражданами целевого государства мигрантов. Было решено выделить этот семантический компонент отдельно, поскольку компонент *Инструмент создания негативного образа мигранта* дополняет компонент *Инструмент манипулирования общественным мнением*, мы понимаем, что манипуляция происходит именно с помощью формирования негативного образа мигранта, а не каким-либо иным способом. Перевод слова *actors* можно рассмотреть в двух аспектах: *a person or an organization that is involved in or important in politics, society, etc. in some way because of their actions* [20]; *a person who plays a part, pretending by their behaviour to be a particular kind of person* [19]. Таким образом, *actors* могут быть как отдельными лицами (политиками), так и организациями (государствами). Это значение тоже важно, поскольку в примере также упоминается *audience: a number of people or a particular group of people who watch, read, or listen to the same thing* [19]. Возможно, автор статьи использовал игру слов, чтобы показать политиков как актеров, играющих свои определенные роли, притворяющихся другими людьми, а жителей государства – как их «зрителей». Было решено оставить вариант *политики*, исходя из контекста: например, в предыдущем предложении различные манипуляции проводятся властями.

2.2.4. Политический инструмент против мигрантов: «*The common feature of today's politics of fear globally is that it is directed against migrants, which is a global topic of debate*» (Главной особенностью нынешней политики «устрашения» во всем мире является то, что она направлена против мигрантов и является глобальной темой для дискуссий). В данном примере четко оговаривается направленность политики против мигрантов, а также глобальность этой темы (наречие *globally* и прилагательное *global*).

2.2.5. Инструмент для успешной выборной кампании, основанный на действиях, ограничивающих миграционные потоки: «*By utilizing different methods of political communication such as propaganda, governments, political leaders and parties impose fear of migrants on the society and lead people to accept their policies and try to secure the support of the masses in the elections*» (Используя различные методы политической коммуникации (например, пропаганду), правительства, политические лидеры навязывают обществу страх перед мигрантами и заставляют людей принять их политику, а также заручаются поддержкой масс на выборах). В этом примере примечательны выражения *political communication, propaganda, the support of the masses*, которые означают взаимодействия власти с обществом, направленные на формирование определённого мнения. «*In addition, the arguments of fear of immigrants in shaping political policies and elections are listed from a psychopolitical perspective*» (К тому же

аргументы страха перед иммигрантами, влияющие на формирование политического курса и проведение выборов представлены с психополитической точки зрения). В данных примерах мы видим, что страх и политика «устрашения» мигрантами используются политиками как некий залог успеха в предвыборных и выборных кампаниях. Формируя мнение граждан таким образом, что мигранты рассматривались как угроза для государства, и принимая разные законодательные запреты по отношению к ним, они представляют себя защитниками государства, привлекая избирателей.

Говоря о статье в целом, ключевым словосочетанием является *politics of fear*, причем автор разграничивает понятия *politics of fear* и *political fear*. Возможно, *politics of fear* – это собственно политика, имеющая цель вызвать страх, а также различные методы и рычаги давления, а *political fear* – это результат успешно проведенной политики, т. е. страх, который появился у людей вследствие политики «устрашения».

Заключение. Итак, мы выделили 24 актуальных семантических компонента, функционирующих в политическом миграционном дискурсе. Такое обилие семантических компонентов подчёркивает сложность и развитие семантического потенциала концепта FEAR. Отметим наличие противоречащих друг другу семантических компонентов: *эмоция, объединяющая людей в общую группу* и *эмоция, разделяющая общество*, что говорит о его многоаспектности. В политическом миграционном дискурсе страх рассматривается как инструмент формирования миграционной политики, цель которой – вызвать у граждан чувство недоверия к мигрантам, что приводит к ужесточению миграционной политики и снижению миграционных потоков в государстве. В проанализированных примерах обнаружены контекстуальные синонимы: *power, social trigger, powerful catalyst*: *power* – заполняет пустоту в обществе; *social trigger* – эмоциональная реакция на внешние раздражители; *powerful catalyst* – стимулирует изменения в обществе и миропонимании. Обратив внимание на подгруппу *Миграция* политической группы, отметим, что ключевое слово во всех семантических компонентах – инструмент. Следовательно, страх определяется в политическом миграционном дискурсе как инструмент формирования миграционной политики, определяющий позицию общества в отношении мигрантов, а также негативный образ мигрантов в сознании общества с помощью манипулирования общественным мнением; политический инструмент против мигрантов и инструмент для успешной выборной кампании, основанный на действиях, ограничивающих миграционные потоки. В подгруппе *Власть* этой же группы страх представлен как важный и значимый элемент политики в целом, а также олицетворяется в некоторых примерах и выступает в качестве живого существа. Страх используется государством в качестве инструмента манипулирования обществом для исполнения государственных целей.

Среди особенностей перевода политического миграционного дискурса можно выделить следующие переводческие трансформации: изменение порядка слов в предложении, использование антонимического перевода, опущение, использование грамматической замены. Также среди трудностей отметим явление несоответствия или частичного соответствия семантического потенциала русских и английских слов. Для политического миграционного дискурса характерно обилие сложных предложений с несколькими грамматическими основами, полисемичной лексикой и нестандартных адъективных словосочетаний. Миграционный политический дискурс обладает и своей стилистикой, используются такие приемы как метафора, олицетворение, сравнение, обобщение, эпитеты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gundogmus B., Mete M. The Politics of Fear: Fear of Migrants as an Instrument Shaping the Political Environment // J. of Erciyes Communication. 2024. Vol. 11, iss. 1. P. 61–80. DOI: 10.17680/erciyesiletisim.1352206.
2. Зубарева Е. О. Актуальные проблемы лингвистики. Лингвистическое моделирование концептуального поля МИГРАЦИЯ. Пермь: ПГНИУ, 2024.
3. Мукомель В. И. Миграционная политика России: постсоветские контексты. М.: Диполь, 2005.
4. Панарина А. С., Пищальникова В. А., Радченко О. А. Этнопсихолингвистика как теоретико-методологическая база миграционной лингвистики // Этнопсихолингвистика. 2022. № 4 (11). С. 7–27. DOI: 10.31249/epl/2022.04.01.
5. Арекеева Ю. Е. Философское осмысление оппозиции «СВОЙ-ЧУЖОЙ» // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 31–38.
6. Шустова С. В., Романова А. И. Категория лингвистической дискриминации // Миграционная лингвистика. 2024. № 6. С. 4–21.
7. Зубарева Е. О., Колегова А. А. Синтагматическая модель концепта TRAVELLER в британском и американском вариантах английского языка // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 6–18.
8. Шустова С. В. Миграционная лингвистика и миграционный дискурс // Теоретическая и прикладная лингвистика, 2018. Т. 4, № 2. С. 114–125. DOI: 10.22250/24107190_2018_4_2_114_125.
9. Van Dijk T. A. Discourse and Migration // Qualitative Research in European Migration Studies / Zapata-Barrero, R. and Yalaz, E. (ed.), Cham: Springer, 2018. P. 227–245. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-76861-8_13.
10. Демьянков В. З. Английские термины и русские эквиваленты // Тетради новых терминов. 1982. № 2. С. 7–8.
11. Зубарева Е. О. Синтагматический анализ концепта МИГРАЦИЯ (на материале корпусных данных) // Миграционная лингвистика. 2019. №1. С. 23–42.
12. Мукомель В. И. Российские дискурсы о миграции // Вестн. общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 1. С. 48–57.
13. Woordhunt. URL: <https://woordhunt.ru/> (дата обращения: 01.09.2024).
14. Lexicon of Psychology – Terms, Treatments, Biographies, URL: <https://www.psychology-lexicon.com/cms/glossary/39-glossary-f/426-fear.html?highlight=WyjmZWFyIiwZmVhcmZ1bClslmZlYXJmdWxuZXNzliwiZmVhcmVkliwiZmVhcnMlLClmZmVhciciLCJmZWYyaW5nIl0=> (дата обращения: 08.08.2024).
15. Cooley C. H. Genius, Fame and the Comparison of Races // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1897. Vol. 9, iss. 3. P. 317–358. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002716297009003>.
16. Дубравин Д. Психология эмоций: чувства под контролем. Киев: Агенция «Айпио», 2015.
17. Антинази А. Энциклопедия социологии. 2009. URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/socio/index.htm> (дата обращения: 20.10.2024).
18. Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич. Т. 9. М.: Наука, 2007.
19. Oxford Learner's Dictionaries. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/fear_1?q=fear (дата обращения: 01.09.2024).
20. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/fear> (дата обращения: 01.09.2024).

Информация об авторах.

Зубарева Екатерина Олеговна – кандидат филологических наук (2019), доцент кафедры лингвистики и перевода Пермского государственного национального исследовательского

университета, Букирева, д. 15, Пермь, 614068, Россия. Автор 41 научной публикации. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, семантика, миграционная лингвистика, лексикографирование.

Шустова Светлана Викторовна – доктор филологических наук (2011), профессор (2019), профессор кафедры лингвистики и перевода Пермского государственного национального исследовательского университета, Букирева, д. 15, Пермь, 614068, Россия. Автор 306 научной публикации. Сфера научных интересов: функциональная грамматика, теория семантической валентности, теория семантического синкретизма, лингвокультурология, лингвистическая прагматика, прагмалингводидактика, дискурсология, паремиология, миграционная лингвистика.

Гавшина Алина Геннадьевна – студентка (3-й курс) кафедры лингвистики и перевода Пермского государственного национального исследовательского университета, Букирева, д. 15, Пермь, 614068, Россия. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, семантика, миграционная лингвистика, теория перевода.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 23.01.2025; принята после рецензирования 28.02.2025; опубликована онлайн 19.06.2025.*

REFERENCES

1. Gundogmus, B. and Mete, M. (2024), "The Politics of Fear: Fear of Migrants as an Instrument Shaping the Political Environment", *J. of Erciyes Communication*, vol. 11, iss. 1, pp. 61–80. DOI: 10.17680/erciyesiletisim.1352206.
2. Zubareva, E.O. (2024), *Aktual'nye problemy lingvistiki. Lingvisticheskoe modelirovanie kontseptual'nogo polya MIGRATSIYA* [Actual problems of linguistics. Linguistic modeling of the MIGRATION conceptual field], Perm State University, Perm', RUS.
3. Mukomel', V.I. (2005), *Migratsionnaya politika Rossii: Postsovetskie konteksty* [Migration policy of Russia: Post-Soviet contexts], Dipol', Moscow, RUS.
4. Panarina, A.S., Pishchalnikova, V.A. and Radchenko, O.A. (2022), "Ethnopsycholinguistics as a theoretical and methodological basis for migration linguistics", *Ethnopsycholinguistics*, no. 4 (11), pp. 7–27. DOI: 10.31249/epl/2022.04.01.
5. Arekeeva, Ju.E. (2023), "Philosophical Understanding of the Opposition "Friend - Foe"", *Eurasian Humanitarian J.*, no. 2, pp. 31–38.
6. Shustova, S.V. and Romanova, A.I. (2024), "The category of linguistic discrimination in migration discourse", *Migration linguistics*, no. 6, pp. 4–21.
7. Zubareva, E.O. and Kolegova, A.A. (2024), "The syntagmatic model of the concept traveller in the British and American variants of the English language", *Eurasian Humanitarian J.*, no. 1, pp. 6–18.
8. Shustova, S.V. (2018), "Migration linguistics and migration discourse", *Theoretical and Applied Linguistics*, vol. 4, no. 2, pp. 114–125. DOI: 10.22250/24107190_2018_4_2_114_125.
9. Van Dijk, T.A. (2018), "Discourse and Migration", *Qualitative Research in European Migration Studies*, Zapata-Barrero, R. and Yalaz, E. (eds.), Springer, Cham, UK, pp. 227–245. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-76861-8_13.
10. Dem'yankov, V.Z. (1982), "English terms and Russian equivalents", *Tetrad'i novy'x terminov* [Notebooks of new terms], no. 2, pp. 7–8.
11. Zubareva, E.O. and Shustova, S.V. (2019), "Syntagmatic analysis of the concept migration (on the material of corpus)", *Migration Linguistics*, no. 1, pp. 23–42.
12. Mukomel', V.I. (2005), "Russian discourses on migration", *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*, no. 1, pp. 48–57.
13. *Woordhunt*, available at: <https://woordhunt.ru/> (accessed 01.09.2025).

14. *Lexicon of Psychology – Terms, Treatments, Biographies*, available at: <https://www.psychology-lexicon.com/cms/glossary/39-glossary-f/426-fear.html?highlight=WyJmZWYliwiZmVhcmZ1bCIsImZlYXJmdWxuZXNzliwiZmVhcmVkliwiZmVhcnMlLClnZmVhciciLCJmZWYyaW5nIl0=> (accessed 08.08.2024).

15. Cooley, C.H. (1897), "Genius, Fame and the Comparison of Races", *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 9, iss. 3, pp. 317–358. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002716297009003>.

16. Dubravin, D. (2015), *Psikhologiya emotsii: chuvstva pod kontrolem* [Psychology of emotions: feelings under control], Agentsiya "Aipio", Kiev, UKR.

17. Antinazi, A. (2009), *Entsiklopediya sotsiologii* [Encyclopedia of Sociology], available at: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/socio/index.htm> (accessed 20.10.2024).

18. Gorbachevich, K.S. (2007), *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Great Academic Dictionary of the Russian language], vol. 9, Nauka, Moscow, RUS.

19. *Oxford Learner's Dictionaries*, available at: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/fear_1?q=fear (accessed 01.09.2024).

20. *Cambridge Dictionary*, available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/fear> (accessed 01.09.2024).

Information about the authors.

Ekaterina O. Zubareva – Can. Sci. (Philology, 2019), Associate Professor at the Department of Linguistics and Translation, Perm State University, 15 Bukireva str., Perm 614068, Russia. The author of over 41 scientific publications. Area of expertise: cognitive linguistics, semantics, migration linguistics, lexicography.

Svetlana V. Shustova – Dr. Sci. (Philology, 2011), Professor (2019), Professor at the Department of Linguistics and Translation, Perm State University, 15 Bukireva str., Perm 614068, Russia. The author of over 306 scientific publications. Area of expertise: functional grammar, theory of semantic valence, theory of semantic syncretism, linguoculturology, linguistic pragmatics, pragmalinguodidactics, discoursology, paremiology, migration linguistics.

Alina G. Gavshina – Student (3rd year) at the Department of Linguistics and Translation, Perm State University, 15 Bukireva str., Perm 614068, Russia. Area of expertise: cognitive linguistics, semantics, migration linguistics, theory of translation.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 23.01.2025; adopted after review 28.02.2025; published online 19.06.2025.

Оригинальная статья

УДК 81'272

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-3-117-130>

Структурно-содержательные характеристики вступительного собеседования как жанра англоязычного академического дискурса

Ирина Михайловна Теплыгина

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
irina@wn-travel.com, <https://orcid.org/0009-0008-0613-8410>*

Введение. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом лингвистики к академическому дискурсу как ключевому типу коммуникации в современном обществе, где наука и высшее образование играют центральную роль. Вступительное собеседование, как жанр, находящийся на пересечении учебного, педагогического и научного общения, остается недостаточно изученным, что подчеркивает научную новизну работы. Цель исследования – выявить и описать лингвокультурный сценарий вступительного собеседования на английском языке как жанра академического дискурса, определив его этапы и соответствующие типы речевых действий.

Методология и источники. В работе использовались методы дискурсивного и интерпретативного анализа. Эмпирической базой исследования послужили скрипты вступительных собеседований в высшие учебные заведения, объемом 70 тыс. слов, что помогло детально изучить жанровые особенности.

Результаты и обсуждение. Исследование выявило структурно-содержательные характеристики жанра, включая лингвокультурный скрипт, состоящий из шести этапов, объединенных в две группы речевых действий: метадискурсивную (инициирующий, ориентирующий, завершающий этапы) и идеационную (тестирующий, резюмирующий, оценивающий этапы). Метадискурсивные действия регулируют диалог, создавая рамки общения, тогда как идеационные фокусируются на содержании, проверке знаний и оценке компетенций кандидата. Каждый этап характеризуется специфическими тактиками, отражающими институциональную природу жанра и его ориентацию на академические ценности.

Заключение. Выполненный анализ подтвердил, что вступительное собеседование представляет собой многоуровневый жанр, сочетающий традиционные академические функции (оценка знаний, критического мышления) с современными коммуникативными практиками (диалогичность, интерактивность). Результаты исследования уточняют место жанра в системе академического дискурса, подчеркивая его уникальность по сравнению с другими типами интервью (например, при приеме на работу), где акцент смещен на опыт, а не образовательный потенциал. Предложенная методика анализа этапов и речевых действий обогащает теорию жанров, предоставляя инструмент для изучения других устных интерактивных жанров, и способствует пониманию их структурной и содержательной специфики в контексте социокультурных норм. Полученные выводы имеют практическое значение для подготовки к академическим собеседованиям и дальнейшему развитию лингвокультурных исследований.

© Теплыгина И. М., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: дискурс, академический дискурс, жанр, вступительное собеседование, английский язык

Для цитирования: Теплыгина И. М. Структурно-содержательные характеристики вступительного собеседования как жанра англоязычного академического дискурса // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 3. С. 117–130. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-117-130.

Original paper

Structural and Content Characteristics of the Admissions Interview as a Genre of English-Language Academic Discourse

Irina M. Teplygina

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
irina@wn-travel.com, <https://orcid.org/0009-0008-0613-8410>*

Introduction. The growing interest of linguistics in academic discourse, a pivotal communication type in contemporary society where science and higher education are central, underscores the relevance of this study. The admissions interview, a genre intersecting educational, pedagogical, and scientific communication, remains under-researched, highlighting the study's scientific novelty. This research aims to identify and delineate the linguacultural script of the English-language admissions interview as an academic discourse genre, specifying its stages and corresponding speech act types.

Methodology and sources. The study employed discursive and interpretive analysis methods. The empirical data comprised 70,000 words of admissions interview transcripts from higher education institutions, enabling a detailed examination of genre characteristics.

Results and discussion. The research revealed the genre's structural and content-related features, including a six-stage linguacultural script categorized into metadiscursive (initiating, orienting, concluding) and ideational (testing, summarizing, evaluating) speech act groups. Metadiscursive acts regulate dialogue, framing communication, while ideational acts focus on content, knowledge assessment, and candidate competency evaluation. Each stage exhibits specific tactics, reflecting the genre's institutional nature and orientation towards academic values.

Conclusion. The analysis confirms the admissions interview as a multi-layered genre, integrating traditional academic functions (knowledge assessment, critical thinking) with contemporary communicative practices (dialogicity, interactivity). The findings refine the genre's position within academic discourse, emphasizing its uniqueness compared to other interview types (e.g., job interviews), which prioritize experience over educational potential. The proposed methodology for analyzing stages and speech acts enriches genre theory, offering a tool for exploring other oral interactive genres and enhancing understanding of their structural and content-related specificities within sociocultural norms. The study's conclusions have practical implications for academic interview preparation and the advancement of linguacultural research.

Keywords: discourse, academic discourse, genre, admissions interview, English language

For citation: Teplygina, I.M. (2025), "Structural and Content Characteristics of the Admissions Interview as a Genre of English-Language Academic Discourse", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 3, pp. 117–130. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-117-130 (Russia).

Введение. В современном мире стремительно повышается роль науки и престиж высшего образования, что делает академический дискурс важнейшим типом общения. Этот тип

дискурса отличается значительным жанровым разнообразием, в котором выделяются первичные и вторичные, устные и письменные жанры. Анализ существующих исследований показывает, что проблеме жанровой специфики академического дискурса посвящено значительное количество работ. Центральное место в жанровой системе академического общения отводится научной статье [1, с. 42; 2, с. 5; 3, с. 125; 4, с. 172; 5, с. 3; 6, с. 54] и др. К наиболее распространенным жанрам академического дискурса исследователи относят такие первичные письменные жанры, как монография, эссе, диссертация; вторичные письменные жанры: реферат, аннотация, рецензия и др. Как отмечает И. П. Хутыз, академический дискурс не ограничивается только письменными текстами. К нему относятся и устные жанры – лекции, семинары, конференции, презентации, защиты диссертаций и др. [7, с. 67].

Исследователи отмечают, что жанровая система академического дискурса динамична и находится под влиянием социальных, культурных и технологических изменений в обществе. Так, М. А. Сухомлинова наряду с традиционными выделяет новые жанры академического дискурса, возникшие в последние десятилетия под влиянием цифровизации (электронные журналы, блоги, онлайн-форумы), а также жанровые разновидности лекций и инновационных образовательных жанров, таких как *tutorial* и *small group discussion* [4, с. 172].

Академические жанры в современном английском языке уникальны. Каждый жанр академического дискурса имеет свои особенности, связанные с целью коммуникации, адресатом, ситуацией общения. Овладение этими особенностями – важный этап в становлении языковой личности ученого [8, с. 230–232]. Жанры выстраиваются в определенную иерархию и группируются по таким параметрам, как модус коммуникации, цель высказывания, функциональная направленность. По модусу коммуникации выделяются устные, письменные, гибридные и Интернет-жанры. По функциональной направленности выделяют обучающие и контролируемые академические жанры [3, с. 125]. По цели высказывания жанры делятся на аудиторные, институциональные и исследовательские.

Исследования в области анализа устной академической речи [9–11] акцентируют внимание на таких жанрах, как академическая лекция, презентация, семинар, научная дискуссия. Эти жанры характеризуются специфическими особенностями в плане организации дискурса, использования языковых средств и речевых стратегий. Так, И. П. Хутыз, анализируя лекцию как устный жанр академического дискурса, выделяет следующие ее характеристики: целенаправленность и стратегичность, структурность и фазовость, определенная ритуальность и предсказуемость, спонтанность и разнородность, цельность и фрагментарность [7, с. 77]. Автор исследует вопросы интерактивности, необходимой для установки контакта с аудиторией, выявляет средства, направленные на диалогизацию лекционного дискурса, приемы интерактивности, к которым относятся вопросительные структуры, личностный нарратив, метафоры и идиомы [7, с. 94–100].

Однако вступительное собеседование на английском языке как отдельный жанр академического дискурса не получил достаточного освещения в научной литературе. В существующих работах вступительное собеседование рассматривается фрагментарно, чаще всего в контексте анализа коммуникативных стратегий или ошибок, допускаемых иностранными абитуриентами [12, 13]. Структурные характеристики собеседования, его содержательная и коммуникативная специфика остаются недостаточно исследованными, что определяет актуальность нашей работы.

Вступительное собеседование относится к устным диалогическим жанрам и представляет собой разновидность интервью, т. е. структурированного разговора, в котором один участник (интервьюер) задает вопросы, а другой (интервьюируемый) дает ответы. Институциональный жанр интервью представляет собой динамичный коммуникативный феномен, востребованный в различных коммуникативных ситуациях: дискурсе трудоустройства (собеседование при приеме на работу), политическом дискурсе (интервью политических деятелей), медийном дискурсе (жанры «новой искренности»). Каждый из этих форматов интервью характеризуется специфической целью, особым содержанием и структурой, типами речевых действий, способами выражения точек зрения.

К универсальным структурным особенностям жанра интервью относятся: наличие двух участников: интервьюера и интервьюируемого, асимметрия ролей: коммуникативная инициатива принадлежит интервьюеру, который задает вопросы, а интервьюируемый на них отвечает; целенаправленность: интервью всегда имеет конкретную цель, например, получить информацию о событии, узнать мнение эксперта, раскрыть личность интервьюируемого; структурированность: интервью обычно имеет четкую структуру, включающую вступление, основную часть и заключение. Диалогический характер жанра обуславливает использование разных типов вопросов: открытых, закрытых, альтернативных, риторических и т. д.

В соответствии с коммуникативной целью выделяются различные типы интервью: *информационные интервью*, направленные на сбор фактической информации или экспертных знаний. Примерами могут служить новостные интервью, исследовательские интервью. *Интервью, направленное на выяснение общественного мнения*, цель которого определить точки зрения, мнения и настроения общественности по конкретным темам. В эту группу входят редакционные интервью, ток-шоу. *Интервью о личности*, которые фокусируются на жизни, опыте и личности интервьюируемого. К ним относятся интервью со знаменитостями, биографические документальные фильмы. Особую группу интервью образуют *собеседования*, в частности при приеме на работу, цель которых – оценить соответствие кандидата конкретной должности.

В соответствии с форматом различаются структурированные интервью: следуют заранее определенному набору вопросов, часто с закрытыми ответами (да/нет, множественный выбор); неструктурированные интервью: открытые и разговорные, допускающие гибкость и изучение возникающих тем; полуструктурированные интервью: сочетают в себе структурированные и неструктурированные элементы, обеспечивая баланс между фокусом и гибкостью.

В лингвокультурном описании языка важное место занимает описание сценариев (скриптов) поведения, характерных для того или другого коммуникативного сообщества. А. Н. Баранов рассматривает сценарий как некую структуру, формирующую процедурное представление знаний о той или иной стереотипной ситуации, а также поведение, введенное в ранг стереотипного [14]. Сценарий можно рассматривать как одну из форм проявления скрипта, как схему коммуникативного события, наряду с его нормативными и вариативными формами [15, с. 366–368]. Культурные скрипты отражают национальную специфику народа [16, с. 379–380]. Таким образом, культурный скрипт есть интерактивное событие, обладающее стереотипностью (поведением по образцу) и сценарностью (алгоритмизацией событий), а также прескриптивностью (выбором поведенческих действий в соответствии с

культурными нормами). Модели речевого поведения могут быть универсальными, но их языковая реализация зависит от культурно-семиотических факторов, которые выходят за рамки системы языка [17, с. 51].

Типы дискурса можно классифицировать по критерию перформативности, где перформативный подход рассматривает общение как действие, за которое говорящий принимает ответственность. Вопрос, ответ, просьба, приказ, совет – все это выражение речевых актов, стилеобразующих и социокультурных единиц для речевой диалогической коммуникации [18, с. 137–138]. В лингвокультурном контексте жанры порождаются в соответствии с культурными алгоритмами [19], жанры речи представляют собой вербально выраженные лингвокультурные сценарии, а их структура описывается как последовательность речевых актов [20, с. 68]. В. И. Карасик определяет лингвокультурный сценарий как паттерн коммуникативного поведения, в котором выделяются определенные стадии и участники которого ведут себя в соответствии с принятыми в этом социуме нормами [20, с. 71]. Такие сценарии обладают лингвокультурной национальной или социальной спецификой [18].

Цель исследования состоит в выявлении и описании лингвокультурного сценария вступительного собеседования как жанра академического дискурса. Задачи исследования: выявить этапы и описать соответствующие им типы речевых действий в жанре вступительного собеседования на английском языке.

Методология и источники. Исследование основано на теоретических положениях теории дискурса, когнитивной лингвистики, жанрового анализа, лингвистической прагматики и теории межкультурной коммуникации. В качестве методологической базы используются труды отечественных и зарубежных исследователей: лингвокультурологическая концепция В. И. Карасика [8], жанровый анализ Дж. Свейлза [21], теория фрейминга и самопрезентации Э. Гоффмана [22].

Жанровый анализ, зародившийся в рамках риторической традиции, приобрел особую популярность в последние десятилетия в связи с развитием прикладной лингвистики, в частности, английского языка для академических целей [23, 24]. Дж. Свейлз, один из основоположников жанрового анализа, определяет жанр как «коммуникативное событие», характеризующееся определенной целью, участниками, контекстом и набором коммуникативных стратегий [21, р. 195]. В рамках дискурсивного подхода, изучающего язык в его реальном употреблении, в контексте социального взаимодействия, жанр рассматривается как форма речевого поведения, обусловленная спецификой коммуникативной ситуации, целями и задачами общения, а также ролями и отношениями между участниками дискурса [25, 26]. В этом плане, как отмечает Свейлз, вступительное собеседование на английском языке является комплексным жанром академического дискурса, характеризующимся специфическими структурными, семантическими, прагматическими и социокультурными особенностями (например, активное использование глаголов, отражающих действие и процесс: *demonstrates, aim to assess, is structured not as...*, *allows us to see*; внимание к прилагательным и наречиям для усиления высказываний: *multifaceted, distinctive, specific, actively participate, key*; употребление структур с пассивным залогом: *The interview is structured not as...*; связок и переходных фраз *Unlike job interviews...*, *Thus, the interview allows...*; терминов, характерных для академического дискурса: *academic potential, academic discourse, sociocultural features* и др.) [21, р. 45–58].

Результаты и обсуждение. В жанре вступительного собеседования важную роль играют участники (кандидат, комиссия), их роли, цели, а также контекст взаимодействия (академическая среда, специфика вуза) [27, р. 52]. Опираясь на анализ текстового материала, мы предлагаем следующую структуру лингвокультурного скрипта собеседования, в которой выделяется шесть этапов, включающих две группы речевых действий: метадискурсивную и идеационную. Первая группа включает типы речевых действий: ориентирующие, направленные на информирование об организации собеседования; иницирующий этап, связанный с установлением контакта и завершающий, маркирующий завершение контакта.

Вторая группа касается содержания речи, так называемого «идеационного» содержания в терминах Хэллидея (т. е. отражающая характер отношений между участниками общения) [28, р. 49]. Характеризуя идеационную функцию (ideational function), Халлидей [29, р. 143] писал, что язык служит выражению «содержания», т. е., опыта человека (носителя языка) в реальном мире, включая внутренний мир его собственного сознания. Эту идеационную функцию можно переопределить и в поведенческих, и в чисто понятийных терминах. Выполняя эту функцию, язык одновременно структурирует опыт и помогает определить свой взгляд на вещи [ср. также: 30, р. 27–28]. Синонимы для названия этой же функции: репрезентационная, когнитивная, семантическая, фактически-понятийная и экспериенциальная [29, р. 146].

Идеационная функция связана с тем, как говорящий передает информацию, выражает свои мысли и идеи, и содержит тестирующий, резюмирующий и оценивающий этапы. Для обозначения этой группы речевых действий И. П. Хутиз вводит термин «неметадискурсивная» [7, с. 71], выделяя главные компоненты данной группы – интерактивный, являющийся важной характеристикой данного жанра, а также содержательный, передающий теоретическую информацию, интерактивную (взаимодействие между участниками вербальное и невербальное, которое влияет на коммуникацию между участниками, но не на содержание речи); запрос и обмен информацией (вопросы и ответы, предоставление информации).

Лингвокультурный скрипт коммуникативного поведения участников жанра вступительного собеседования, отражающий его структурную организацию и типы речевых действий, представлен в таблице.

Лингвокультурный скрипт академического жанра вступительного собеседования
Linguocultural script of the interview in the academic discourse

Этапы	Цель	Речевые действия	Тип речевого действия
Иницирующий	Начало взаимодействия, установление контакта	Приветствия, представление участников, описание формата собеседования, создание комфортной атмосферы	Метадискурсивный
Ориентирующий	Определение структуры интервью, формирование ожиданий	Описание этапов собеседования, формулировки задач, указания на важные моменты, уточнения правил. Создание четких рамок дальнейшего общения	Метадискурсивный
Тестирующий	Запрос и обмен информацией, направленный на проверку знаний, навыков и опыта кандидата, демонстрация кандидатом компетенций	Формулирование вопросов, ответы на вопросы, описание опыта, ответы на вопросы, представление опыта, аргументация своей позиции, использование примеров, решения задач, корректирование хода мышления. Важно не само изложение, сколько способность кандидата аргументировать, приводить примеры, решать задачи.	Идеационный

Окончание таблицы
The end of the table

Этапы	Цель	Речевые действия	Тип речевого действия
Резюмирующий	Подведение итогов, обсуждение дальнейших шагов	Благодарности, краткое резюме, указание на сильные стороны, определение следующих шагов	Идеационный
Оценивающий	Оценка основных компетенций и способностей кандидата	Анализ ответов, оценка знаний, навыков и способностей	Идеационный
Завершающий	Завершение взаимодействия	Прощание, пожелания, советы, рекомендации	Метадискурсивный

Проанализируем этапы, включающие различные типы речевых действий [31].

Метадискурсивный тип речевых действий включает следующие этапы:

- иницирующий,
- завершающий,
- ориентирующий.

Для иницирующего этапа характерны речевые действия приветствия и установления контакта, целью которых является создание дружелюбной атмосферы, снижение уровня стресса: «*Hello. Take a seat*» (Здравствуйте. Присаживайтесь); этикетные речевые действия, устанавливающие контакт: «*Nice to meet you. How are you feeling today?*» (Рад познакомиться. Как вы себя сегодня чувствуете?); речевые действия, дающие кандидату возможность рассказать о себе и войти в беседу: «*Can you tell me a little bit about what you've been doing and how you've been exploring that area?*» (Расскажите немного о том, чем вы занимались и как изучали эту область?); «*Why are you interested in studying this subject? What fascinates you about it?*» (Почему вам интересно изучать эту тему? Что в ней вас особенно привлекает?); речевые действия, демонстрирующие расположение интервьюера: «*Please, make yourself comfortable. There's no rush*» (Расположитесь поудобнее. Спешить некуда); речевые действия, направленные на перевод общения в неформальный ключ: «*We know interviews can be stressful, but try to think of this as just a conversation*» (Мы понимаем, что собеседования могут быть стрессовыми, но постарайтесь воспринимать это просто как беседу).

Завершающий этап включает этикетные речевые действия прощания, а также речевые акты совета и уточнения, которые помогут кандидату подготовиться к реальному собеседованию): завершающий этап включает речевые действия выражения благодарности. В конце собеседования кандидат может еще раз подчеркнуть свои сильные стороны, сформулировать свои ожидания от дальнейшего взаимодействия и выразить свою заинтересованность в вакансии, что поможет оставить последнее положительное впечатление о себе и подчеркнуть свой энтузиазм. Например: «*Well, I know Ren the G my club moderator is not here in the video with us but I know he's in the background looking at the questions that people are posting so the rent if we've got questions from the audience please go ahead and put one of them up on the screen for us okay great...*» (Ну, я знаю, что Рен, мой модератор клуба, не с нами на видео, но я знаю, что он в фоновом режиме просматривает вопросы, которые люди публикуют, поэтому, если у нас есть вопросы от аудитории, пожалуйста, выведите один из них на экран, хорошо?).

«...well it looks like that's all the questions that we have from nuran so thank you Kate thanks for doing the interview with me today then thank you to the audience of g-man Club members and streamers and good luck on your interviews thank you. Bye.» (Похоже, это все вопросы от Нур, так что спасибо Кейт, спасибо, что ты сегодня была на интервью, спасибо зрителям, участникам клуба G-man и стримерам, удачи на ваших интервью, спасибо, до свидания!).

Метадискурсивному типу речевых действий соответствует **ориентирующий этап**, определяющий ход собеседования, объясняющий алгоритм и правила его проведения, регулирующий коммуникативное поведение участников. Например: Р: «*Just as we start this interview, I want to give you a bit of an outline of what's going to come next. So, we're going to start off with a question from Nick, and then we're going to talk a little bit about some unseen material. At the end of the interview, there'll be some time for you to ask any questions if you have any. You don't have to have any. If there's anything that we say that doesn't make sense or that you'd like us to repeat or rephrase, please, do just say. We'll be more than happy to do that. Okay?*» (Просто в начале интервью я хочу дать вам представление о том, что будет дальше. Итак, мы начнем с вопроса от Ника, затем поговорим немного о неизвестном материале. В конце интервью у вас будет возможность задать вопросы, если они у вас есть. Это необязательно. Если есть что-то, сказанное нами, что вам не понятно, или вы хотите, чтобы мы повторили или перефразировали, просто скажите. Мы с радостью это сделаем. Хорошо?).

Маркерами ориентации выступают единицы *so, well*, которые помогают перейти к следующему этапу интервью и предвосхитить ожидания интервьюируемого на разных этапах собеседования; *at the end of the interview* четко указывает, когда будет возможность задать вопросы, что создает ожидание и понимание структуры интервью; *you don't have to have any* – успокаивает интервьюируемого, давая понять, что вопросы не обязательны; *we'll be more than happy to do that* – выражает готовность помочь.

Этому этапу соответствуют речевые действия, объясняющие структуру интервью, цель которых сформировать четкие ожидания, уменьшить неопределенность: «*Just as we start this interview, I want to give you a bit of an outline of what's going to come next*» (Прежде чем мы начнем, я хочу кратко рассказать, как пройдет собеседование); «*We'll begin with a general discussion, then move on to some specific problem-solving questions. Finally, you'll have time to ask any questions you may have*» (Мы начнем с общей беседы, затем перейдем к вопросам, связанным с решением задач. В конце у вас будет возможность задать вопросы); «*If there's anything that we say that doesn't make sense or you'd like us to repeat, just ask. We'll be happy to clarify*» (Если что-то будет непонятно или вы захотите, чтобы мы повторили вопрос, просто скажите. Мы будем рады разъяснить). Речевые действия, нацеленные на поощрение кандидата к свободному высказыванию своих мыслей: «*There are no right or wrong answers – we're more interested in how you think*» (Здесь нет правильных или неправильных ответов – нас больше интересует ваше мышление). Речевые действия, ориентирующие кандидата относительно действий комиссии: «*We may take notes during the interview, but don't let that distract you*» (Во время интервью мы будем делать заметки, но это не должно вас отвлекать).

Идеационный тип речевых действий связан с демонстрацией компетенций, проверкой знаний и демонстрацией навыков кандидата. Вопросы, задания и ситуационные кейсы направлены на оценку компетенций; основной фокус направлен на содержание речи, на то, что кандидат знает и умеет; резюмирующие речевые действия.

Этот тип речевых действий охватывает этапы:

- тестирующий,
- резюмирующий,
- оценивающий.

Тестирующий этап включает запрос информации, направленный на оценку знаний, умений и опыта кандидата. Вступительное собеседование, по словам Э. Гоффмана, своеобразная «театральная постановка», где кандидат играет главную роль, а профессор – режиссер, который оценивает искусство игры [22, р. 20]. Ведущей на этом этапе является тактика демонстрации компетенций. Кандидат должен продемонстрировать глубину своих знаний, навыков и опыта, отвечая на вопросы профессора и выполняя задания. Его цель убедить профессора в своей способности к критическому мышлению, аргументированному обоснованию своей позиции, умении иллюстрировать теоретические положения примерами из жизни. Цель интервьюируемого не просто изложить «вызубренную» информацию, а продемонстрировать глубокое понимание темы и способность применить ее на практике. В структуре вступительного собеседования отражается специфика академического дискурса. Отсюда понятно, что в собеседовании как жанре академического дискурса, направленном на оценку знаний, умений и навыков кандидата, используются вопросы, которые помогают оценить его способность мыслить критически, решать проблемы, работать в команде и строить отношения с другими людьми [6, с. 54].

Следующий пример иллюстрирует этап тестирования и обмена информацией:

P: *«In one of your essays you were talking about the theory of functionalism... That things are kind of designed for purpose. And in your archaeological or anthropological reading have you come across that as an idea, as a sort of a school of thought?»* (В одном из своих эссе вы говорили о теории функционализма... О том, что вещи, как бы созданы для определенной цели. А в ваших чтениях по археологии или антропологии вы встречались с этой идеей как с некой школой мысли?).

S: *«Yeah, I've definitely come across... That idea comes across a lot actually. And there's definitely interlinking between sociology and especially social anthropology. And that idea like society works as a body through the organs. It's not necessarily something I believe in. I don't think... the problem with this kind of broad theories that is... they generalize too much, I think, and there are too many exceptions»* (Да, я определенно сталкивался с этой идеей... На самом деле, она встречается очень часто. И существует несомненная взаимосвязь между социологией и особенно социальной антропологией. И эта идея, что общество функционирует, как тело через свои органы. Я не обязательно в нее верю. Я не думаю... Проблема с такими широкими теориями в том, что... они слишком обобщают, по-моему, и существует слишком много исключений).

Собеседниками обсуждается конкретная тема – теория функционализма. Профессор задает вопросы, чтобы оценить, как студент понимает и оценивает эту теорию, и какие ассоциации у него с ней связаны. Студент высказывает свое мнение и приводит аргументы в подтверждение своей позиции. Основной фокус фрагмента направлен на передачу информации и развитие темы, а не на регулирование хода диалога. Тьютор стремится оценить глубину знаний студента и его способность критически мыслить, а не управлять ходом собеседования.

Резюмирующий этап

P: «So, I'm just gonna let you know that you've done a really great job with this answer» (Итак, я просто хочу вам сказать, что вы отлично справились с этим ответом).

P: «*And we will make notes as we go along as well. Please don't be thrown by that. Okay?*» (И мы будем делать записи по ходу интервью. Пожалуйста, не пугайтесь этого. Хорошо?).

S: «*Yeah, I've definitely come across... That idea comes across a lot actually*» (Да, я определенно сталкивался с этим... Эта идея действительно встречается часто).

P: «*So, if I write down... the function is Y is equal to $\sin(X)$ divided by X . Okay? And what I would like you to do is sketch the behavior of that function between -2π and 2π* » (Итак, если я напишу... функция Y равна $\sin(X)$, деленному на X . Хорошо? И я бы хотел, чтобы вы нарисовали поведение этой функции в диапазоне от -2π до 2π .)

S: «*Because the three bases are needed, so you can have different combinations to code for different amino acids*» (Потому что нужны три основания, чтобы иметь разные комбинации для кодирования различных аминокислот).

Оценивающий этап включает речевые действия, направленные на самооценку и оценку собственных сильных и слабых сторон. Кандидату предстоит отвечать на вопросы о своих достижениях, ошибках и о планах на будущее, показывая самосознание и способность к самоанализу. Важно доказать профессору, что у вас нет страха перед критикой и вы открыты развитию.

P: «*So, I like the way that you begin with telling the career goal in a very specific way, which makes it really easy to listen to the answer and figure out what's coming next*» (Мне нравится, как вы начинаете с описания своей карьерной цели очень конкретно, что делает ответ легким для восприятия и понимания того, что будет дальше).

P: «*In one of your essays you were talking about the theory of functionalism... That things are kind of designed for purpose. And in your archaeological or anthropological reading, have you come across that as an idea, as a sort of a school of thought?*» (В одном из ваших эссе вы говорили о теории функционализма... О том, что вещи как бы созданы с определенной целью. В вашем археологическом или антропологическом чтении вы сталкивались с этой идеей как с направлением мысли?).

Таким образом, лингвокультурный скрипт вступительного собеседования в англоязычном академическом дискурсе имеет четкую структуру [32]. В метадискурсивных фазах интервьюер (профессор) управляет ходом диалога, в то время как идеационная фаза фокусируется на взаимодействии участников коммуникации, содержании речи и оценке знаний студента. Завершающая фаза в английском академическом дискурсе не только заканчивает собеседование, но также может включать в себя дополнительные советы и уточнения, которые помогают кандидату подготовиться к реальному собеседованию.

Заключение. В современном мире стремительное развитие науки и повышение престижа высшего образования делают академический дискурс важным типом общения, а его жанровое разнообразие отражает динамичность и многогранность академической деятельности, которая связана не только с трансфером знаний, но и другими функциями такими, как подготовка специалистов в определенной области знания, что предполагает отбор наиболее мотивированных и обладающих соответствующими компетенциями кандидатов.

Вступительное собеседование на английском языке можно рассматривать как особый жанр, находящийся на пересечении академического и делового общения. Оно сочетает элементы академической проверки знаний, умений и навыков с оценкой коммуникативных и презентационных способностей. Анализ выполненного исследования позволяет утверждать, что этот жанр реализуется в соответствии с лингвокультурным скриптом и обладает уникальными структурными, семантическими, прагматическими и социокультурными характеристиками. В отличие от собеседований при приеме на работу, где акцент делается на проверке опыта и навыков, вступительные собеседования в ведущих университетах направлены на оценку образовательного потенциала абитуриента – его мотивации, способности к обучению, критическому мышлению и самостоятельной исследовательской деятельности. В рамках лингвокультурного скрипта собеседования выделяются два основных типа речевых действий и соответствующие им этапы: метадискурсивный (иницирующий, ориентирующий и завершающий этапы, направленные на установление контакта, формирование ожиданий, подведение итогов и завершение) и идеационный, включающий этапы проверки знаний, оценивания и подведения итогов. Этапы отражают ключевые аспекты как процесса управления диалогом, так и его содержательной части. Таким образом, вступительное собеседование представляет собой многоуровневый жанр, объединяющий традиционные академические ценности и современные коммуникативные практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стеблецова А. О. Национальная специфика делового общения в англоязычной и русскоязычной коммуникативных культурах. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2009.
2. Стеблецова А. О. Национально-культурная специфика научного текста как предмет дескриптивно-сопоставительного анализа // Язык. Образование. Культура: сб. науч. трудов по материалам XVI Междунар. науч.-практ. электронной конф., Курск, 23–26 мая 2022 г. / КГМУ. Курск, 2022. С. 4–8.
3. Сухомлинова М. А. Жанровая специфика англоязычного академического дискурса // Общественные науки. 2016. № 3. С. 125–139.
4. Сухомлинова М. А. Трансформация жанра англоязычной академической лекции в условиях цифровой коммуникации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 6. С. 172–178.
5. Сухомлинова М. А. Дискурсивные жанры академической коммуникации: Лингвостилистический аспект: дис. ... д-ра филол. наук / АГУ. Майкоп, 2023.
6. Торубарова И. И. Лингвокультурная специфика научного медицинского текста (на материале англоязычных и русскоязычных статей): дис. ... канд. филол. наук / ТвГУ. Тверь, 2021.
7. Хурыз И. П. Жанры дискурса академической среды: традиционное и новое. М.: ВКН, 2021.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
9. Flowerdew J., Miller L. Second Language Listening: Theory and Practice. NY: Cambridge Univ. Press, 2005.
10. Thompson G. Introducing Functional Grammar. London; NY: Routledge, 2014.
11. Fortanet I. Evaluative language in peer review referee reports // J. of English for Academic Purposes. 2008. Vol. 7, iss. 1. P. 27–37. DOI: 10.1016/j.jeap.2008.02.004.
12. Askehave I., Swales J. Genre identification and communicative purpose: A problem and a possible solution // Applied Linguistics. 2001. Vol. 22, iss. 2. P. 195–212. DOI: 10.1093/applin/22.2.195.

13. Brown P., Levinson S. Politeness. Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987.
14. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. М.: Флинта: Наука, 2007.
15. Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009.
16. Толстых О. Н. Лингвокультурный скрипт коммуникативного поведения в англоязычном академическом дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2023. Т. 55. № 4. С. 379–382.
17. Савицкий В. М. Порождение речи в социосемиотическом аспекте // Жанры речи. 2016. № 1 (13). С. 50–55. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-50-55.
18. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010.
19. Кочетова Л. А., Аль-Баяти Я. Ш. С. Лингвокультурная специфика благодарности в арабском деловом общении на английском языке // Научный диалог. 2020. № 9. С. 82–96. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-82-96.
20. Карасик В. И. Маршруты лингвокультурологии: концепты, сценарии, типажы, сюжеты // Филологические чтения: материалы VI Всерос. науч. конф. посвященной 75-летию со дня рождения Иосифа Абрамовича Стернина (1948–2022), Ярославль, 28–29 апр. 2023 г. / ЯГУ им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2023. С. 67–71.
21. Swales J. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990.
22. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. NY: Anchor Books/Doubleday, 1999.
23. Bhatia V. K. Analysing Genre: Language Use in Professional Settings. London, NY: Routledge, 2014.
24. Hyland K. Academic discourse: English in a global context. London: Continuum, 2009.
25. Discourse and Contemporary Social Change / N. Fairclough, G. Cortese, P. Ardizzone (eds.). Bern: Peter Lang, 2007.
26. Discourse as Structure and Process (Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction) / Van Dijk T. A. (ed.). Vol. 1. London: Sage Publications, 1997.
27. Goffman E. Forms of Talk. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1981.
28. Halliday M. A. Aspects of Language and Learning. Berlin, Heidelberg: Springer, 2016.
29. Halliday M. A. Language structure and language function // New Horizons in Linguistics / Lyons J. (ed.), Harmondsworth: Penguin, 1970. P. 140–165.
30. Chafe W. L. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view in subject and topic // Subject and Topic: A New Typology of Language / C. N. Li (ed.), New York: Academic Press, 1976. P. 25–55.
31. Extracts from 5 mock interviews // YouTube. Cambridge University. 28.07.2014. URL: <https://youtu.be/dUwN6GI-0EQ?si=Zqc6VVPjdqYuYVLh> (дата обращения: 01.10.2024).
32. Biber D., Conrad S. Register, Genre, and Style. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009.

Информация об авторе.

Теплыгина Ирина Михайловна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор трех научных публикаций. Сфера научных интересов: вступительное собеседование как жанр академического дискурса.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 22.02.2025; принята после рецензирования 28.03.2025; опубликована онлайн 19.06.2025.*

REFERENCES

1. Stebletsova, A.O. (2009), *Natsional'naya spetsifika delovogo obshcheniya v angloyazychnoi i russkoyazychnoi kommunikativnykh kul'turakh* [National specificity of business communication in English-speaking and Russian-speaking communicative cultures], IPC VSU, Voronezh, RUS.
2. Stebletsova, A.O. (2022), "National and cultural specificity of a scientific text as a subject of descriptive and comparative analysis", *Language. Education. Culture, Collection of Scientific Papers based on the Materials of the XVI Int. Sci. and Practical Electronic Conf.*, Kursk, RUS, 23–26 May 2022, pp. 4–8.
3. Sukhomlinova, M.A. (2016), "Genre specificity of English academic discourse", *Social Sciences*, no. 3, pp. 125–139.
4. Sukhomlinova, M.A. (2019), "Transformation of the English-language academic lecture genre in the conditions of digital communication", *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical Univ.*, no. 6, pp. 172–178.
5. Sukhomlinova, M.A. (2023), "Discursive genres of academic communication: Linguistic and stylistic aspect", Dr. Sci. (Philology) Thesis, ASU, Maikop, RUS.
6. Torubarova, I.I. (2021), "Linguocultural specificity of a scientific medical text (based on English-language and Russian-language articles)", Can. Sci. (Philology) Thesis, TSU, Tver', RUS.
7. Khutyk, I.P. (2021), *Zhanry diskursa akademicheskoi sredy: Traditsionnoe i novoe* [Genres of academic discourse: Traditional and new], VKN Publishing House, Moscow, RUS.
8. Karasik, V.I. (2002), *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: Personality, concepts, discourse], Peremena, Volgograd, RUS.
9. Flowerdew, J. and Miller, L. (2005), *Second Language Listening: Theory and Practice*, Cambridge Univ. Press, NY, USA.
10. Thompson, G. (2014), *Introducing Functional Grammar*, Routledge, London, NY, USA.
11. Fortanet, I. (2008), "Evaluative language in peer review referee reports", *J. of English for Academic Purposes*, vol. 7, iss. 1, pp. 27–37. DOI: 10.1016/j.jeap.2008.02.004.
12. Askehave, I. and Swales, J. (2001), "Genre identification and communicative purpose: A problem and a possible solution", *Applied Linguistics*, vol. 22, iss. 2, pp. 195–212. DOI: 10.1093/applin/22.2.195.
13. Brown, P. and Levinson, S. (1987), *Politeness. Some Universals in Language Usage*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, USA.
14. Baranov, A.N. (2007), *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoreticheskie osnovaniya i praktika* [Linguistic examination of the text: theoretical foundations and practice], Flinta, Nauka, Moscow, RUS.
15. Karasik, V.I. (2009), *Yazykovye klyuchi* [Language keys], Gnosis, Moscow, RUS.
16. Tolstykh, O.A. (2023), "Linguocultural scripts of communicative behaviour in English academic discourse", *Cognitive research of the language*, vol. 55, no. 4, pp. 379–382.
17. Savitsky, V.M. (2016), "Speech generation in the sociosemiotic aspect", *Speech Genres*, no. 1 (13), pp. 50–55. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-50-55.
18. Demytyev, V.V. (2010), *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres], Znak, Moscow, RUS.
19. Kochetova, L.A. and Al-Bayati, Ya.Sh.S. (2020), "Linguistic and Cultural Specifics of Gratitude in Arabic Business Communication in English", *Nauchnyi dialog*, no. 9, pp. 82–96. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-82-96.
20. Karasik, V.I. (2023), "The Routs of language and culture studies: concepts, scripts, personality types, subject plots", *Philological Readings, Materials VI All-Russian Sci. Conf. "Philological Readings", in the new 75th birthday of Joseph Abramovich Sternin (1948–2022)*, Yaroslavl, RUS, 28–29 April 2023, pp. 67–71.
21. Swales, J. (1990), *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, USA.
22. Goffman, E. (1999), *The Presentation of Self in Everyday Life*, Anchor Books/Doubleday, NY, USA.
23. Bhatia, V.K. (2014), *Analysing Genre: Language Use in Professional Settings*, Routledge, London, NY, UK.

24. Hyland, K. (2009), *Academic discourse: English in a global context*, Continuum, London, UK.
25. Fairclough, N., Cortese, G. and Ardizzone, P. (eds.) (2007), *Discourse and Contemporary Social Change*, Peter Lang, Bern, SUI.
26. Van Dijk, T.A. (ed.) (1997), *Discourse as Structure and Process (Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction)*, vol. 1, Sage Publications, London, UK.
27. Goffman, E. (1981), *Forms of Talk*, Univ. of Pennsylvania Press, Philadelphia, USA.
28. Halliday, M.A. (2016), *Aspects of Language and Learning*, Springer, Berlin, Heidelberg, DEU.
29. Halliday, M.A. (1970), "Language structure and language function", *New Horizons in Linguistics*. Lyons, J. (ed.), Penguin, Harmondsworth, USA, pp. 140–165.
30. Chafe, W.L. (1976), "Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view in subject and topic", *Subject and Topic: A New Typology of Language*, Li, C.N. (ed.), Academic Press, NY, USA, pp. 25–55.
31. "Extracts from 5 mock interviews", *YouTube. Cambridge University*, 28.07.2014, available at: <https://youtu.be/dUwN6GI-0EQ?si=Zqc6VVPjdqYuYVLh> (accessed 01.10.2024).
32. Biber, D. and Conrad, S. (2009), *Register, Genre, and Style*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, USA.

Information about the author.

Irina M. Teplygina – Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author is of three scientific publications. Area of expertise: admission interview as a genre of academic discourse.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 22.02.2025; adopted after review 28.03.2025; published online 19.06.2025.*

Оригинальная статья
УДК 811.112.2
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-3-131-140>

Проблемы использования гендерно нейтрального языка в Германии

Юлия Геннадьевна Тимралиева¹✉, Анна Леонидовна Ломоносова²

^{1, 2}*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия*

¹✉ juliati@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6961-7840>

² annalomo@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9190-6592>

Введение. Статья посвящена проблемам, связанным с гендерным реформированием немецкого языка. Начатый на волне феминистского движения 70-х гг. XX в. переход к гендерно нейтральному языку в последние десятилетия стал одной из самых обсуждаемых тем как в общественно-политических, так и в научных кругах Германии, разделив политиков, юристов, лингвистов и простых граждан на сторонников и противников этого языка.

Методология и источники. В статье рассматриваются правовые документы, регламентирующие нормы использования гендерно нейтрального языка, освещаются мнения участников дискуссии о гендерной корректности, выстраиваемой вокруг так называемого «мифа о невидимой женщине», анализируются используемые в немецком языке гендерно ориентированные трансформации, выявляются проблемы, связанные с гендерно ориентированной коррекцией языка.

Результаты и обсуждение. Отправной точкой лингвистических искажений в сфере гендерной политики стало смешение понятий грамматического рода (Genus), биологического пола (Geschlecht) и гендера (Gender/soziales Geschlecht). Отказ сторонников гендерной реформы от использования форм общего мужского рода (generisches Maskulinum), включающего в себя широкий спектр значений, и внедрение в язык гендерно ориентированных трансформаций спровоцировали проблемы в области языкового словоупотребления, связанные как с искажением смысла, так и с нарушением грамматических норм немецкого языка.

Заключение. Гендерная реформа оказала существенное влияние на различные сферы общественной жизни Германии. Гендерное реформирование немецкого языка, продиктованное политической повесткой, породило множество проблем лингвистического и экстралингвистического характера. Предлагаемые искусственные изменения в языке, направленные на достижение гендерной нейтральности, по факту усложняют коммуникацию и приводят к нарушению языковых норм немецкого языка.

Ключевые слова: гендер, гендерная реформа, гендерная нейтрализация, гендерно нейтральный язык, гендерно ориентированные трансформации

Благодарности: статья подготовлена при поддержке Международной организации «Ассоциация немецкого языка» (Verein Deutsche Sprache, VDS). Авторы выражают благодарность Вольфгангу и Габриэле Хиллер за предоставленные материалы.

© Тимралиева Ю. Г., Ломоносова А. Л., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Тимралиева Ю. Г., Ломоносова А. Л. Проблемы использования гендерно нейтрального языка в Германии // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 3. С. 131–140. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-131-140.

Original paper

The Problems of Using a Gender-Neutral Language in Germany

Julia G. Timralieva¹✉, **Anna L. Lomonosova**²

^{1,2}*Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia*

¹✉*juliati@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6961-7840>*

²*annalomo@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9190-6592>*

Introduction. The article is devoted to the problems related to the gender reform of the German language. Started on the wave of feminist movement of the 70s of the XX century, the transition to gender-neutral language in recent decades has become one of the most discussed topics in both socio-political and scientific circles in Germany, dividing politicians, lawyers, linguists and ordinary citizens into supporters and opponents of gender-neutral language.

Methodology and sources. The article examines legal documents regulating the use of a gender-neutral language, highlights the opinions of participants in the discussion about gender correctness, based on the “myth of the invisible woman”, analyzes gender-oriented transformations used in German, and identifies problems related to gender-oriented language correction.

Results and discussion. The starting point of linguistic distortions in the field of gender politics was the confusion of the concepts of grammatical gender (Genus), biological sex (Geschlecht) and gender (Gender/ soziales Geschlecht). The refusal of gender reform proponents to use the forms of generic masculine gender (generisches Maskulinum), which includes a wide range of meanings, and the introduction of gender-oriented transformations into the language provoked problems in the field of linguistic word usage, associated with both distortion of meaning and violation of grammatical norms of the German language.

Conclusion. Gender reform has had a significant impact on various spheres of public life in Germany. The gender reform of the German language, dictated by the political agenda, has generated many linguistic and extra linguistic problems. The proposed artificial language changes aimed at achieving gender neutrality actually complicate communication and lead to a violation of the linguistic norms of the German language.

Keywords: gender, gender reform, gender neutralization, gender-neutral language, gender-oriented transformations

Acknowledgments: The article was prepared with the support of the International Organization “Association of the German Language” (Verein Deutsche Sprache, VDS). The authors would like to thank Wolfgang and Gabriela Hiller for the materials provided.

For citation: Timralieva, Ju.G. and Lomonosova, A.L. (2025), “The Problems of Using a Gender-Neutral Language in Germany”, *DISCOURSE*, vol. 11, no. 3, pp. 131–140. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-131-140 (Russia).

Введение. Гендерно корректный (гендерно нейтральный, гендерно ориентированный) язык, как и гендерная повестка в целом, является в последние годы одной из самых обсуждаемых тем в общественном, научном, правовом, культурно-образовательном, медийном пространствах Германии. Разговоры о необходимости перехода к так называемому гендерно

нейтральному языку начались еще во второй половине прошлого века и во многом были обусловлены политической повесткой – связаны с так называемой «второй волной» феминизма, которая пришла на 60–70-е гг. XX в. и выступала за полное юридическое и социальное равенство женщин и мужчин, в том числе за гендерную нейтральность в языке [1, с. 47–48].

Гендерное реформирование языка в Германии нашло поддержку не только у общественности, но и у правительства. На законодательном уровне гендерно ориентированное употребление немецкого языка в Германии отразилось, например, в Федеральном законе о госслужащих в редакции от 27 февраля 1985 г. [2], в Федеральном законе о профессиональном образовании от 23 марта 2005 г. [3], в Классификаторе профессий 2010 г. [4]. На уровне федеральных земель данный вопрос уже решался ландтагами и земельными правительствами, предлагающими многочисленные варианты употребления, которые только усложняли ситуацию. Так, администрация города Ганновера еще в 2003 г. стала использовать в официальных документах заглавную букву I (Binnen I) для обозначения гендерной инклюзивности: *FußgängerInnenzone* [5].

Широкое употребление гендерно ориентированный язык находит и в академической среде: многие университеты самостоятельно определяют языковую политику, издавая пособия для обучения сотрудников университета и студентов нормам корректного с точки зрения гендера языка, например, Гёттингенский университет, Свободный университета Берлина и другие. Однако общей позиции или законодательной базы у университетов нет: если у одних подобные руководства носят рекомендательный характер, то другие в своих руководствах указывают на то, что данный университет, помимо других необходимых компетенций, стремится сформировать и так называемую гендерную компетенцию, которая включает в себя обязательное использование в профессиональной среде гендерно корректного языка как в устной, так и в письменной форме. Например, на сайте Гёттингенского университета данное руководство имеет объем 28 страниц и апеллирует к научным исследованиям в области гендерной лингвистики, ставшим научной базой для использования гендерно корректного языка в академической среде [6].

Методология и источники. Сегодня у гендерной повестки в языке есть как ярые сторонники, так и не менее ярые противники, а сама дискуссия о гендерно нейтральном языке выстраивается вокруг так называемого «мифа о невидимой женщине». Сторонники перехода к гендерно нейтральному языку считают, что немецкий язык был сформирован мужчинами и в пользу мужчин, а основной языковой проблемой, главным источником дискриминации женщин в немецком языке называют общий (*generisches Maskulinum*) или инклюзивный (*inklusives Maskulinum*) мужской род [7]. С его помощью в немецком, как и в русском, обозначается группа лиц (по профессии, роду занятий, социальному статусу и т. д.), предполагающая наличие в своем составе как мужчин, так и женщин: *Lehrer sollten in der Pause die Schüler im Blick behalten.* (Учителя должны следить за учениками во время перерыва.); *Alle Wähler müssen bis spätestens 18 Uhr ihre Stimme abgeben.* (Все избиратели должны проголосовать не позднее 18 часов.); *Die meisten Kunden zahlen mit einer Kreditkarte.* (Большинство клиентов расплачиваются кредитной картой.); *Alle Mitarbeiter müssen versichert werden* (Все сотрудники должны быть застрахованы.).

Сторонники гендерной корректности считают существующую норму несправедливой по отношению к женщинам, поскольку инклюзивный мужской род выводит на передний

план мужчину, оставляя женщину «невидимой», и настаивают на разработке новых правил использования языка, которые сделают женщину «видимой», тем более что за последние десятилетия женщины все чаще занимают руководящие посты и осваивают профессии, которые раньше считались мужскими [8].

Противники перехода к гендерно нейтральному языку приводят контраргументы. Указывая, что язык на протяжении веков в равной степени формировался и мужчинами, и женщинами, они предлагают не путать языковые и социальные стандарты, выдавая изменение языковой нормы за устранение социального неравенства, и указывают на фундаментальную ошибку сторонников гендерной нейтральности, ставшую отправной точкой лингвистических искажений и заключающуюся в смешении понятий грамматического рода (*Genus*), биологического пола (*Geschlecht*) и гендера (*Gender/soziales Geschlecht*).

Термин «пол» трактуется как «каждый их двух разрядов живых существ (мужчин и женщин, самцов и самок)» [9, с. 506], генетически и физиологически противопоставленных друг другу, и является внеязыковой биологической категорией, касающейся только живых существ. Грамматический род является языковой категорией, которая обозначает «грамматический класс слов, характеризующийся определенными падежными окончаниями и особенностями согласования» [9, с. 628] и распространяется как на одушевленные, так и на неодушевленные существительные. В немецком языке, как и в русском, грамматический род рассматривается как формальное распределение существительных по трем родовым классам, не связанным с биологическими признаками референтов, т. е. мужской род не значит мужской пол, поэтому говорить о том, что существительные, формально относимые к мужскому роду, исключают женщину или умаляют ее роль, по мнению противников гендерной реформы, в корне неверно. Наконец, понятие «гендер», активно используемое в гендерной лингвистике [10], трактуется как социальная категория и отличается от биологических характеристик человека, определяемых категорией пола (*sex*). Если биологический пол традиционно делится на мужской и женский, то гендер – на маскулинный и фемининный [11]. По определению О. А. Ворониной, гендерная система – социально сконструированная система неравенства по полу и отражает ассиметричные и культурные оценки и ожидания, адресуемые людям в зависимости от их пола, т. е. суть гендера – это полярность и противопоставление [12]. В немецкой научной литературе термин «гендер» (*Gender*) может заменяться термином «социальный пол» (*soziales Geschlecht*), из-за чего периодически возникают разночтения в терминологии.

Результаты и обсуждение. Если говорить о соотносительности категории рода и пола, то при обозначении людей мужской род в немецком языке допускает как специфичное (с привязкой к полу), так и общее (без привязки к полу) употребление. Следующий пример демонстрирует гендерно ориентированное использование формы мужского рода, подчеркивающее половую принадлежность субъекта: *Der Lehrer Franz Müller*. (Учитель Франц Мюллер.). Гендерно нейтральные утверждения используются, когда пол неизвестен или не имеет значения: *Alle Lehrer sind im Unterricht*. (Все учителя на занятиях.). В данном примере с использованием в качестве подлежащего формы множественного числа общего (инклюзивного) мужского рода речь может идти как о наличии в коллективе учителей только мужчин, так и о коллективе, состоящем из мужчин и женщин (вне контекста сложно определить, о

лицах одного или обоих полов идет речь, однако в подавляющем большинстве случаев в подобных примерах имеются в виду представители обоих полов). В отличие от грамматических форм мужского рода, грамматические формы женского рода при обозначении людей всегда указывают на женщину, т. е. всегда гендерно ориентированы: *Alle Lehrerinnen sind im Unterricht*. (Все учительницы на занятиях.). В противоположность предыдущему примеру в данном предложении речь может идти только о представительницах женского пола, наличие мужчин исключается грамматической формой женского рода.

Если проследить образование данных словоформ, то существительное *Lehrer*, образованное с помощью суффикса *-er* от глагола *lehren*, изначально означает любое лицо, которое учит. А вот существительное *Lehrerin*, образованное при помощи женского суффикса *-in*, означает исключительно лицо женского пола, которое учит. В целом с помощью суффикса *-er* (одного из самых частотных в немецком языке) образуются существительные, обозначающие не только людей по происхождению, национальности, профессии, статусу, роду занятий, характеру, привычкам и т. д. (*Italiener, Amerikaner, Schweizer, Berliner, Flieger, Fahrer, Personalberater, Kritiker, Schreiber, Lackierer, Tänzer, Läufer, Schwimmer, Leser, Träumer, Faulenzer*), но и, например, предметы (*Schalter, Hosenträger, Aufkleber, Dosenöffner, Drucker, Wecker*) или предприятия (*Reiseveranstalter, Versicherer, Herausgeber, Arbeitgeber*). В предложении такие существительные могут характеризовать животных, растения, группы, общности, государства и даже абстрактные сущности: *Rosen und Geranien sind Sonnenliebhaber*. (Розы и герани – любители солнца.); *Der Hund ist unser Beschützer*. (Собака – наш защитник.); *Frankreich ist unser Verbündeter*. (Франция – наш союзник.); *Die Musik ist mein ständiger Begleiter*. (Музыка – мой постоянный спутник.). А вот женский суффикс *-in*, который накладывается не только на деривации с суффиксом *-er*, но и на прочие словообразовательные модели (*Freund, Autor, Koch, Arzt, Friseur, Poet, Kandidat, Patriot, Philosoph, General, Student, Kommunist*), означает исключительно живые существа женского пола.

Таким образом, грамматические формы мужского рода включают в себя широкий спектр значений, ни в коем случае не ограничиваясь подчеркиванием биологически мужского, часто выражая сверхиндивидуальное и сверхсексуальное общее, в то время как производные женского рода всегда подчеркивают биологически женское. Поэтому, как это ни парадоксально, но применительно к немецкому языку логичнее говорить о «невидимом мужчине», чем о «невидимой женщине».

Еще один интересный момент заключается в том, что в немецком языке грамматический род ряда одушевленных существительных не совпадает с биологическим полом соответствующего референта (*Weib, Mädchen, Fräulein*), так же, как в каждом из трех родов существуют лексемы, обозначающие живые существа вне контекста их половой принадлежности (*Person, Profi, Genie*). Данные существительные представлены в табл. 1.

Однако, если речь идет о существительных мужского рода (*Mensch, Gast, Profi*), они интерпретируются лингвофеминистками как дискриминирующие женщин, в то время как аналогичные лексемы женского (*Person, Autorität, Lehrkraft*) или среднего (*Genie, Mitglied, Opfer*) рода воспринимаются как гендерно нейтральные и не вызывают ни у кого вопросов и обвинений в дискриминации мужчин. Также как никто не настаивает на непреклонном образовании женских форм от существительных мужского рода, семантика которых связана с негативными поведенческими контекстами (*Schwächling, Schurke, Halunke*).

Таблица 1. Распределение одушевленных существительных по родам вне контекста половой принадлежности
Table 1. Distribution of animate nouns by gender outside the context of gender

Maskulinum	Femininum	Neutrum
Der Mensch	Die Person	Das Kind
Der Gast	Die Autorität	Das Baby
Der Profi	Die Koryphäe	Das Genie
Der Feigling	Die Persönlichkeit	Das Individuum
Der Liebling	Die Lehrkraft	Das Mitglied
Der Spaßvogel	Die Lichtgestalt	Das Opfer
Der Bösewicht	Die Geisel	Das Weib
Der Nichtsnutz	Die Waise	Das Mädchen
Der Star	Die Führungskraft	Das Fräulein

Таковы основные аргументы сторонников и противников перехода к гендерно нейтральному языку. Рассмотрим основные способы «преодоления гендерной дискриминации» в языке, предлагаемые сторонниками гендерной реформы (см. табл. 2).

Таблица 2. Гендерно ориентированные трансформации
Table 2. Gender-oriented transformations

Общий мужской род	Полная форма с указанием обоих полов	Использование символов	Причастия	Иные способы
Lieber Student	Liebe Studentin, Lieber Student	Liebe*r Student*in Liebe_r Student_in	Liebe Studierende	Studentenschaft/ Studierendenschaft
30 Pfleger	30 Pfleger und Pflegerinnen	30 Pfleger*innen 30 Pfleger_innen 30 PflegerInnen 30 Pfleger/-innen	30 Pflegende	30 Beschäftigte in der Pflege
Bewerber	Bewerberinnen und Bewerber	Bewerber*innen Bewerber_innen BewerberInnen Bewerber/-innen	Bewerbende	wer sich bewirbt
Liebe Leser	Liebe Leserinnen und Leser Liebe Leserinnen, liebe Leser	Liebe Leser*innen Liebe Leser_innen Liebe LeserInnen Liebe Leser/-innen	Liebe Lesende	Liebe Leserschaft

Одним из самых распространенных способов гендерной нейтрализации в языке является использование причастных форм. В отличие от существительных, во множественном числе эти формы гендерно нейтральны: *Studenten/Studentinnen – Studierende; Lehrer/Lehrerinnen – Lehrende; Wähler/Wählerinnen – Wählende; Radfahrer/Radfahrerinnen – Radfahrende; Dozenten/Dozentinnen – Dozierende*. Однако при субстантивации форм причастия упускается из виду различие в значении между людьми, которые обычно (регулярно) что-то делают, и теми, кто что-то делает в данный момент. Например, *Studierende* – это студенты, которые в данный момент находятся в процессе обучения. Когда же они собираются на демонстрацию, то превращаются в протестующих (*Protestierende*). И если формулировки: *Alle Studierenden schreiben ein Diktat*. (Все учащиеся пишут диктант.) и *Viele Protestierende unterstützen das neue Gesetz*. (Многие протестующие поддерживают новый закон.) корректны, то формулировка *protestierende Studierende* (протестующие учащиеся) содержит противоречие, поскольку предполагает, что люди протестуют и учатся одновременно. Аналогично, если словосочетания *schlafende Leser* (спящие читатели), *stehende Fußgänger* (стоящие пешеходы) корректны, то их аналоги с причастными формами вместо существительных *schlafende Lesende* (спящие чита-

ющие), *stehende Zufußgehende* (стоящие идущие пешком) абсолютно некорректны, поскольку объединяют взаимоисключающие действия: невозможно одновременно спать и читать, стоять и идти. Следует также отметить, что формы причастия гендерно нейтральны только во множественном числе (*Studierende, Ranfahrende, Lehrende*), но в единственном числе мы снова сталкиваемся с существованием мужской и женской форм: *ein Studierender, eine Studierende; ein Radfahrender, eine Radfahrende; ein Lehrender, eine Lehrende*.

Наконец, из-за различия значений (постоянное действие и совершаемое в данный момент) существительные далеко не всегда могут заменяться в предложении соответствующим причастием, так как при этом будет искажаться смысл сказанного. С. Мертенс на примере пары *Mitarbeiter* (сотрудник) – *Mitarbeitender* (сотрудничающий) показывает, что «малые изменения формы» могут иметь «большие последствия»: *Mitarbeiter* – любой сотрудник предприятия/организации, который имеет трудовой договор и все связанные с этим права, но в момент речи не обязательно исполняет свои обязанности (например, находится в отпуске или на больничном), в то время как *Mitarbeitender* – работающий на предприятии/в организации в данный момент, но не обязательно имеющий трудовой договор. По мнению С. Мертенс, использование причастия *Mitarbeitende* вместо существительного *Mitarbeiter* дискриминирует сотрудников предприятия/организации, по сути «лишая» их трудового статуса и связанных с ним прав [13, с. 12]. Прочие примеры смысловых несоответствий между существительными и причастиями, образованными от одного глагола: *Trinker* (пьяница) – *Trinkender* (пьющий что-либо); *Arbeiter* (рабочий) – *Arbeitender* (занимающийся в данный момент какой-то работой), *Dichter* (поэт) – *Dichtender* (сочиняющий), *Denker* (мыслитель) – *Denkender* (думающий).

Что касается написания полных форм через союз «и» либо использования специальных символов, указывающих на соединение обеих словоформ, то и здесь мы сталкиваемся с рядом проблем. Прежде всего подобное написание сильно удлинняет и усложняет структуру текста, делает ее тяжеловесной и запутанной, в то время как письменный текст, особенно в официально-деловой сфере, стремится к компрессии. Чаше это проявляется, когда в одном предложении есть несколько обозначений людей (примеры 1 и 2 в табл. 3), или присутствуют сложные слова и каждая часть композита представляет собой подобное обозначение (пример 3 в табл. 3), или может наблюдаться искажение смысла в связи с омонимией (пример 4 в табл. 3).

Таблица 3. Проблемы гендерно ориентированной коррекции
Table 3. Problems of gender-oriented correction

№	Исходное предложение	Предложение после гендерной коррекции
1	<i>Ein Pilot trägt große Verantwortung für seine Passagiere.</i>	<i>Ein Pilot oder eine Pilotin trägt große Verantwortung für seine oder ihre Passagiere oder Passagierinnen.</i>
2	<i>Im freien Unternehmertum sind die Gründer von Start-ups Treiber für Innovation.</i>	<i>Im freien Unternehmer*innentum sind die Gründer*innen von Start-ups Treiber*innen für Innovation.</i>
3	<i>Die Bürgermeisterkandidaten unserer Stadt.</i>	<i>Die Bürger*innenmeister*innenkandidat*innen unserer Stadt.</i>
4	<i>Du musst auf dem Bürgersteig bleiben!</i>	<i>Du musst auf dem BürgerInnensteig bleiben!</i>

Кроме того, подобное использование часто ведет к нарушению грамматических норм немецкого языка. Университет прикладных наук Циттау/Гёрлиц на своем сайте в руководстве по использованию гендерно корректного языка объемом десять страниц, четыре из которых отданы глоссарию гендерно корректных форм, призывает использовать их обдуманно так

как они могут нарушать грамматические правила немецкого языка. Так, существительное мужского рода *Ingenieur* имеет форму множественного числа *Ingenieure*, а существительное женского рода *Ingenieurin* имеет форму множественного числа *Ingenieurinnen*, соответственно, предлагаемая новая форма *Ingenieur*innen*, хотя и «верна» с точки зрения гендерной политкорректности, при этом нарушает грамматические правила немецкого языка [14]. Следует также помнить, что при образовании женской формы от мужской наряду с присоединением женского суффикса может меняться и корень слова, соответственно, при гендерных трансформациях с использованием символов одна из инклюзивных форм также будет некорректной. Например, женская форма существительного *Bauer* предполагает наличие умлаута в корне (*Bäuerin*), поэтому при образовании форм множественного числа наблюдаются различия как в корнях слов, так и в их окончаниях: *Bauer* – *Bauern* (крестьянин – крестьяне), *Bäuerin* – *Bäuerinnen* (крестьянка – крестьянки), поэтому, образованная с помощью гендерной звездочки или любого другого символа гендерно нейтральная форма *Bauer*innen* приводит к двойному нарушению грамматической нормы.

Особо следует отметить проблемы, которые появляются в устной коммуникации при прочтении подобных гендерно нейтральных предложений: *Wir suchen eine*n begeisterte*n Teilnehmer*in für ein Interview. Wir suchen eine*n jungen*n Franzos*in für eine Reportage. Wir suchen eine*n erfahrene*n Arzt*in.*

Таким образом, использование гендерно ориентированного языка провоцирует множество проблем в области языкового словоупотребления. В этой связи многие граждане отказываются от использования гендерно ориентированных трансформаций как в повседневной жизни, так и в общественной сфере. По оценкам Международной Ассоциации немецкого языка (Verein Deutsche Sprache), «абсолютное большинство немецкого языкового сообщества (90–95 %) декларирует отказ от гендерно нейтрального языка», поэтому использование языка, «на котором граждане не говорят и не пишут», по мнению противников гендерной реформы, может расцениваться как «ограничение свободы» [13, с. 13].

Наконец, стоит отметить и тот факт, что в последнее время в Германии произошли изменения в самой гендерной политике. Если раньше речь, как правило, шла о гендерной бинарности, основанной на существовании двух полов, то сегодня на Западе активно и во многом агрессивно насаждается гендерная повестка, выходящая за пределы традиционного разделения общества только на мужчин и женщин. И в этой связи уже появляются комментарии о языковой дискриминации лиц третьего пола и представителей ЛГБТ.

Заключение. Таким образом, языковая гендерная реформа, призванная внедрить на языковом уровне идею равноправия полов, в реальности вызывает множество проблем лингвистического и экстралингвистического характера. Предлагаемые сторонниками гендерной реформы нововведения зачастую только усложняют коммуникацию и приводят к нарушению грамматических норм немецкого языка и искажению смысла, вызывая в немецком обществе множество вопросов и споров. В целом граждане без большого энтузиазма откликаются на предлагаемую повестку, которая во многом насаждается искусственно и реализуется в большей или меньшей степени в официальной среде, в то время как в повседневной жизни (межличностном общении) немцы в подавляющем большинстве отказываются от дублирования женских форм и прочих гендерно ориентированных трансформаций при обозначении мужчин и женщин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Samel I. Einführung in die feministische Sprachwissenschaft. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2000.
2. Bundesbeamtengesetz, Jahrgang 1985. URL: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav#__bgbl__%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgbl185s0479.pdf%27%5D__1708328525659 (дата обращения: 18.10.2024).
3. Berufsbildungsgesetz, Jahrgang 2005. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bbig_2005/BBiG.pdf (дата обращения: 18.10.2024).
4. Klassifikation der Berufe 2010. URL: https://statistik.arbeitsagentur.de/DE/Statischer-Content/Grundlagen/Klassifikationen/Klassifikation-der-Berufe/KldB2010-erste-Fassung/Generische-Publikationen/Hinweise/Anwenderhinweise.pdf?__blob=publicationFile&v=13 (дата обращения: 12.01.2025).
5. Gleichstellungsbeauftragte der Landeshauptstadt Hannover. URL: <https://www.hannover.de/Leben-in-der-Region-Hannover/Verwaltungen-Kommunen/Die-Verwaltung-der-Landeshauptstadt-Hannover/Gleichstellungsbeauf%C2%ADtrage-der-Landeshauptstadt-Hannover> (дата обращения: 12.01.2025).
6. Gender in die Lehre – Leitfaden der Universität Göttingen. URL: https://www.uni-goettingen.de/document/download/36012151f45f8bac44c146c88c4eb714.pdf/Leitfaden_Gender_Lehre_Layout.pdf (дата обращения: 18.10.2024).
7. Braun F., Sczesny S., Stahlberg D. Das generische Maskulinum und die Alternativen. Empirische Studien zur Wirkung generischer Personenbezeichnungen im Deutschen // Germanistische Linguistik. 2020. No. 167/168. S. 77–87. DOI: 10.7892/boris.75309.
8. Pusch L. F. Das Deutsche als Männersprache. 2 Auflage. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 2017.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Сов. энциклопедия, 1975.
10. Spieß C., Günthner S., Hüpper D. Perspektiven der Genderlinguistik // Genderlinguistik. Sprachliche Konstruktionen von Geschlechtsidentität. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2012. S. 1–31.
11. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь / пер. с англ.; под ред. С. А. Ерофеева. М.: Экономика, 2004.
12. Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. М.: Информация XXI век, 2002.
13. Mertens S. Trinkende Mitarbeitende. Zum Genderleitfaden bei SAP // Sprachnachrichten. Nr. 103. III/2024. S. 12–13.
14. Gendern an der Hochschule Zittau/Görlitz // Hochschule Zittau/Görlitz. URL: <https://f-mk.hszg.de/aktuelles/detailansicht/gendern-an-der-hochschule-zittau-goerlitz> (дата обращения: 12.01.2025).

Информация об авторах.

Тимралиева Юлия Геннадьевна – доктор филологических наук (2017), доцент (2005), заведующая кафедрой романо-германской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30–32, лит. А, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: германские языки, немецкая литература, лингвопоэтика, функциональная стилистика.

Ломоносова Анна Леонидовна – кандидат филологических наук (2005), доцент (2011), доцент кафедры романо-германской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30–32, лит. А, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: германские языки, межкультурная коммуникация, перевод.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 22.02.2025; принята после рецензирования 20.03.2025; опубликована онлайн 19.06.2025.*

REFERENCES

1. Samel, I. (2000), *Einführung in die feministische Sprachwissenschaft*, Erich Schmidt Verlag, Berlin, DEU.
2. *Bundesbeamtengesetz*, Jahrgang 1985, available at: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav#_bgbl__%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgbl185s0479.pdf%27%5D__1708328525659 (accessed 18.10.2024).
3. *Berufsbildungsgesetz*, Jahrgang 2005, available at: https://www.gesetze-im-internet.de/bbig_2005/BBiG.pdf (accessed 18.10.2024).
4. *Klassifikation der Berufe 2010*, available at: https://statistik.arbeitsagentur.de/DE/Statischer-Content/Grundlagen/Klassifikationen/Klassifikation-der-Berufe/Kldb2010-erste-Fassung/Generische-Publikationen/Hinweise/Anwenderhinweise.pdf?__blob=publicationFile&v=13 (accessed 12.01.2025).
5. *Gleichstellungsbeauftragte der Landeshauptstadt Hannover*, available at: <https://www.hannover.de/Leben-in-der-Region-Hannover/Verwaltungen-Kommunen/Die-Verwaltung-der-Landeshauptstadt-Hannover/Gleichstellungsbeauf%C2%ADtrage-der-Landeshauptstadt-Hannover> (accessed 12.01.2025).
6. *Gender in die Lehre – Leitfaden der Universität Göttingen*, available at: https://www.uni-goettingen.de/de/document/download/36012151f45f8bac44c146c88c4eb714.pdf/Leitfaden_Gender_Lehre_Layout.pdf (accessed 18.10.2024).
7. Braun, F., Sczesny, S. and Stahlberg, D. (2020), “Das generische Maskulinum und die Alternativen: Empirische Studien zur Wirkung generischer Personenbezeichnungen im Deutschen”, *Germanistische Linguistik*, no. 167/168, S. 77–87. DOI: 10.7892/boris.75309.
8. Pusch, L.F. (2017), *Das Deutsche als Männersprache*, 2 Auflage, Suhrkamp Taschenbuch Verlag, Frankfurt am Main, DEU.
9. Ozhegov, S.I. (1975), *Slovar' russkogo yazyka* [Russian dictionary], Sovetskaya enciklopediya, Moscow, USSR.
10. Spieß, C., Günthner, S. and Hüpper, D. (2012), “Perspektiven der Genderlinguistik”, *Genderlinguistik. Sprachliche Konstruktionen von Geschlechtsidentität*, Walter de Gruyter. Berlin, Boston, DEU, S. 1–31.
11. Abercrombie, N., Hill, S. and Turner, B.S. (2004), *The Penguin Dictionary of Sociology*, Transl. by Erofeev, S.A. (ed.), Ekonomika, Moscow, RUS.
12. *Slovar' gendernyh terminov* [Glossary of gender terms] (2002), in Denisova, A.A. (ed.), *Informatsiya XXI vek*, Moscow, RUS.
13. Mertens S. (2024), “Trinkende Mitarbeitende. Zum Genderleitfaden bei SAP”, *Sprachnachrichten*, nr. 103, III/2024, DEU, S. 12–13.
14. “Gendern an der Hochschule Zittau/Görlitz”, *Hochschule Zittau/Görlitz*, available at: <https://f-mk.hszg.de/aktuelles/detailansicht/gendern-an-der-hochschule-zittau-goerlitz> (accessed 12.01.2025).

Information about the authors.

Julia G. Timralieva – Dr. Sci. (Philology, 2017), Docent (2005), Head of the Department of Romance and Germanic Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 30–32, let. A, Griboyedov Canal emb., St Petersburg 191023, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: Germanic languages, German literature, linguistic poetics, functional stylistics.

Anna L. Lomonosova – Can. Sci. (Philology, 2005), Docent (2011), Associate Professor at the Department of Romance and Germanic Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 30–32, let. A, Griboyedov Canal emb., St Petersburg 191023, Russia. The author of more than 30 scientific publications. Area of expertise: German languages, intercultural communication, translation

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 22.02.2025; adopted after review 20.03.2025; published online 19.06.2025.

Оригинальная статья

УДК 811.111

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-3-141-151>

Критерии выделения базовых японизмов-артонимов в английском языке: корпусный подход

Инна Владимировна Кононова¹, Екатерина Юрьевна Мацугина²✉

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

¹ivkononova-unecon@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4903-5856>

²✉ekaterina_ivanova_finec@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-9793-2096>

Введение. В статье проверяется гипотеза о возможности отнесения заимствованных лексических единиц к базовым ксенонимам языка на основе корпусных данных. Научная новизна исследования определяется тем, что ранее не предпринималось попыток установления степени ассимилированности японизмов-артонимов английского языка с использованием методов корпусного анализа, в том числе метода выделения коллокаций. Актуальность работы заключается в развитии исследовательского инструментария интерлингвокультурологии, в изучении значимого для англоязычного описания японской культуры пласта ксенонимической лексики, в уточнении критериев отнесения ксенонима к общеупотребительным заимствованиям.

Методология и источники. Исследование выполнено в русле интерлингвокультурологии. Анализ эмпирического материала, которым послужили японизмы-артонимы, отобранные из корпуса текстов Corpus of Contemporary American English (COCA), выполнен с использованием методов корпусной лингвистики.

Результаты и обсуждения. В статье выявлены японизмы, обладающие наивысшей частотностью и широкой представленностью в разных жанрах (*origami, bonsai, anime, manga, haiku, kabuki, karaoke, kimono, futon* и *geisha*), выделены коллокации, позволяющие проследить семантическую деривацию и оценить метафорический потенциал ксенонимов. Анализ позволил подтвердить правомерность классифицирования японизмов по их статусу в составе английского языка и исключить из базовых общеупотребительных заимствований ксенонимы *Noh* и *ikebana* ввиду низких статистических показателей частотности и слабой жанровой дистрибуции.

Заключение. Алгоритм корпусного анализа ксенонимической лексики, предложенный в исследовании, помогает сделать верифицированные выводы о месте заимствований в составе английского языка. В работе предлагаются *новые* критерии отнесения англоязычных ксенонимов к общеупотребительной лексике: 1) степень распространенности единицы по речевым жанрам (уровень жанровой дистрибуции); 2) представленность ксенонима не менее чем в одном жанре корпуса с нормализованной частотностью, равной или большей 0,5 на 1 млн слов ($X \geq 0,5$) и не менее чем в двух жанрах корпуса с частотностью, равной или большей 0,1 на 1 млн слов ($X \geq 0,1$). К перспективам настоящего исследования можно отнести дальнейшее детальное рассмотрение японизмов других тематических групп, а также экстраполяцию результатов работы на все ксенонимы английского языка для верификации их универсальности.

© Кононова И. В., Мацугина Е. Ю., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: ксеноним, японизм, интерлингвокультурология, корпусная лингвистика, метод выделения коллокаций

Для цитирования: Кононова И. В., Мацугина Е. Ю. Критерии выделения базовых японизмов-артонимов в английском языке: корпусный подход // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 3. С. 141–151. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-141-151.

Original paper

Criteria for Identifying the Basic Japanese Artonyms in the English Language: a Corpus-Based Approach

Inna V. Kononova¹, Ekaterina Yu. Matsugina²✉

^{1,2}Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia

¹ivkononova-unecon@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4903-5856>

²✉ekaterina_ivanova_finec@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-9793-2096>

Introduction. The article tests the hypothesis about the possibility of recognizing borrowed lexical units as the basic xenonyms of the language on the basis of corpus data. The scientific novelty of the study is determined by the fact that there have been no previous attempts to identify the degree of assimilation of Japanese artonyms in English using corpus analysis methods, including the collocation method. The relevance of the study lies in the development of research tools of interlinguoculturalology, the study of the layer of xenonymic lexicon significant for the English-language description of Japanese culture and the clarification of criteria for classifying a xenonym as a commonly used loan word.

Methodology and sources. The research is carried out in line with interlinguoculturology. The analysis of empirical material, which comprises Japanese artonyms retrieved from the Corpus of Contemporary American English (COCA), was conducted using methods of corpus linguistics.

Results and discussion. The article identifies the Japanese loanwords with the highest frequency and wide representation in different genres (*origami, bonsai, anime, manga, haiku, kabuki, karaoke, kimono, futon, and geisha*), highlights collocations that allow tracing semantic derivation and assessing the metaphorical potential of xenonyms. The analysis allowed the authors to confirm the possibility of classifying Japanisms according to their status in the English language and the necessity to exclude the lexical units *Noh* and *ikebana* from the basic common borrowings due to low statistical indicators of their frequency and their low genre distribution.

Conclusion. The algorithm of corpus analysis of xenonymic lexis proposed in this study helps to draw verified conclusions about the status of borrowings in the English language vocabulary. The paper presents *new* criteria for the identifying commonly used English-language xenonyms: 1) the degree of distribution across genres and 2) representation in at least one genre of the corpus with a normalized frequency equal to or greater than 0.5 per 1 million words ($X \geq 0.5$) and in at least two genres with a normalized frequency equal to or greater than 0.1 per 1 million words ($X \geq 0.1$). The prospects of the present study include further detailed examination of Japanese loanwords of other topics, as well as extrapolation of the results to all English xenonyms in order to verify their universality.

Keywords: xenonym, japanism, interlinguoculturalology, corpus linguistics, collocation method

For citation: Kononova, I.V. and Matsugina, E.Yu. (2025), "Criteria for Identifying the Basic Japanese Artonyms in the English Language: a Corpus-Based Approach", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 3, pp. 141–151. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-141-151 (Russia).

Введение. Лексические заимствования отражают динамику взаимодействия культур и языков, поэтому исследование заимствованных единиц как существенной части словарного состава языков является важным направлением лингвистического анализа, особенно в контексте глобализации и культурных обменов. Привлечение корпусов текстов для анализа инокультурной лексики открывает новые горизонты для изучения их структурно-семантических и функциональных характеристик.

Во-первых, использование корпусов текстов позволяет исследователям выявлять частотные характеристики заимствованных слов и выражений, что способствует более глубокому пониманию их распространенности и роли в языке. Корпусный анализ предоставляет возможность изучать контекстуальное употребление заимствований, что является ключевым фактором для выявления векторов изменений их семантики и описания процессов их адаптации в целевом языке. Во-вторых, корпусы текстов позволяют исследовать процесс интеграции заимствованных лексических единиц в языковую систему. Это включает анализ морфологических изменений, которые могут происходить с заимствованными словами, а также динамику их синтаксической сочетаемости. Таким образом, привлечение к исследованию заимствованных лексических единиц корпусов текстов представляет собой важный инструмент для анализа языковых изменений и культурных взаимодействий. Это позволяет не только углубить знания о лексической системе языка, но и сделать вклад в более широкие исследования в области социолингвистики и культурологии.

В качестве объекта настоящего исследования были выбраны японизмы-артонимы, т. е. лексические единицы японского происхождения, которые были заимствованы английским языком и используются для обозначения специфических культурных элементов, понятий или объектов, связанных с архитектурой, декоративно-прикладным искусством, живописью, графикой, музыкой, художественной литературой, поэзией и театром. В терминах интерлингвокультурологии о ксенонимах говорят как о «языковых единицах, функционально направленных на обозначение элементов внешних культур» [1, с. 20]. Процесс адаптации японизмов в английском языке происходит от неассимилированных единиц, находящихся на границе специализированной литературной лексики и являющихся окказиональными ксенонимами, через интеграцию японизмов в язык-реципиент с помощью ассимиляции и адаптации на всех уровнях языковой системы и далее через превращение в словарные ксенонимы, которые в ряде случаев могут перейти в общепризнанную литературную лексику, начать участвовать в словообразовательных процессах, приобретать переносные значения, а также использоваться для создания метафор и устойчивых сочетаний, т. е. стать базовыми ксенонимами [2].

Целью этого исследования является верификация данных о базовых японизмах-артонимах в корпусе текстов *Corpus of Contemporary American English (COCA)*. В частности, исследуется степень ассимиляции ксенонимов в английском языке с помощью выявления маркеров грамматической адаптации и семантической деривации, что позволяет понять, как эти слова интегрируются в английский язык. Анализ статистической информации об использовании японизмов-артонимов в текстах различных жанров дает возможность сделать объективные выводы о месте этих лексических единиц в современном английском языке, об их функциональных и словообразовательных характеристиках. Таким образом, исследование

направлено на уточнение критериев, позволяющих сделать верифицированные выводы о статусе ксенонима в лексическом составе английского языка.

Говоря о степени разработанности проблемы, стоит отметить исследования восточно-азиатских вариантов английского языка З. Г. Прошиной [3], работы по японским заимствованиям в английском языке Г. Кэннона [4], М. Кимура-Кано [5], и С. Дои [6], а также обзор представленности японизмов в корпусах *Corpus of Contemporary American English (COCA)* и *Corpus of Historical American English (COHA)* Ф. Р. Морроу [7], в котором автор указывает год первого использования японизма, проверяет количество токенов в указанных корпусах, а также делает выводы о самых частотных японских заимствованиях в разных жанрах.

Научная новизна данной работы определяется тем, что ранее не предпринималось попыток корпусного исследования японизмов-артонимов в английском языке. Рассмотрение отдельной тематической группы заимствований также представляет собой исследовательскую лакуну. Актуальность работы заключается в её фокусе на выявлении ключевых японизмов-артонимов, которые играют существенную роль в англоязычном описании японской культуры, проверке гипотезы о критериях выбора базовых ксенонимов и использовании метода выделения коллокаций для получения обоснованных выводов об объекте исследования.

Методология и источники. Л. П. Крысиным предлагается последовательный список условий, необходимых для вхождения заимствованного слова в систему языка: 1) передача иноязычного слова фонетическими и грамматическими средствами заимствующего языка; 2) соотнесение слова с грамматическими классами и категориями заимствующего языка; 3) фонетическое освоение иноязычного слова; 4) грамматическое его освоение; 5) словообразовательная активность слова; 6) семантическое освоение иноязычного слова; 7) регулярная употребляемость в речи [8, с. 36]. Первые шесть критериев относятся к проблеме адаптации заимствований и были использованы для классификации японизмов.

В рамках исследования процесса вхождения ксенонимов японской лингвокультуры в английский язык [9, 10] была предложена рабочая модель стадий адаптации японизмов в английском языке:

1) отсутствие адаптации: для введения в текст используется японская знаковая система, слова не имеют грамматических категорий английского языка, связаны с иноязычной культурой, используются для создания стилистического эффекта или в специализированной литературе;

2) начальная адаптация: применяется транскрипция или транслитерация, что приводит к высокой фонетической и орфографической вариативности; наблюдается тенденция к использованию прописных букв в начале слов и несвойственных для английского языка буквосочетаний; японизмы воспринимаются как ономастическая лексика, не требуют артикля, не изменяются по числам, имеют четкую связь с японской культурой и поясняются с помощью полионимов и описательных оборотов;

3) частичная адаптация: происходит фиксирование написания единицы при сохранении фонетических вариантов и отсутствии единого ударения; существительные могут приобретать атрибутивное значение и оформляться определённым артиклем; вариативность наблюдается в образовании множественного числа; значения слов могут расширяться или сужаться, при этом связь с японской культурой всё ещё остается ярко выраженной;

4) полная адаптация: слова получают фиксированное произношение и написание, полностью подчиняются фонетическим нормам английского языка; слова могут менять часть речи с помощью конверсии, использовать продуктивные модели словообразования английского языка, образование множественного числа осуществляется по установленным грамматическим правилам; значения слов могут расширяться, сужаться или переосмысливаться, слова приобретают переносные значения.

Полная адаптация является важным критерием отнесенности японизмов к базовым ксенонимам. Маркером регулярности употребления заимствования может стать лексикографическая регистрация слова в общих словарях, а также его широкая представленность (дистрибуция) в разных жанрах корпуса. В результате анализа степени ассимиляции ксенонимов и пробы на лексикографическую регистрацию были отобраны 13 японизмов-артонимов, относящихся к категории базовых ксенонимов: *ikebana*, *origami*, *bonsai*, *anime*, *manga*, *haiku*, *kabuki*, *Noh*, *karaoke*, *kimono*, *futon*, *tatami* и *geisha*.

В процессе работы было решено проанализировать каждую лексическую единицу в корпусе СОСА по следующему алгоритму:

- поиск японизма по лемме для проверки наличия грамматических категорий английского языка;
- выявление нормализованной частотности японизма;
- анализ представленности в текстах разных жанров;
- выделение коллокаций и анализ семантической деривации;
- подтверждение включения в базовые ксенонимы английского языка/исключения из базовых ксенонимов английского языка.

В исследовании функциональный и деривационный аспекты ксенонимов английского языка рассматриваются с применением метода выделения коллокаций. Метод коллокаций ранее не использовался в работах интерлингвокультурологической направленности – методики корпусных исследований заимствований находятся на стадии разработки. Дж. Р. Фёрс, один из ученых, впервые предложивших термин «коллокация», отмечает, что выделение коллокаций, которые образует слово, является способом понимания его значения через сочетаемостные характеристики и контексты употребления [11]. Дж. Синклер определяет коллокацию как сочетание слов, которые часто встречаются вместе и имеют устойчивое значение в определённом контексте [12]. Автор обосновал идею о том, что коллокации являются ключевыми для понимания языка, и разработал методы их выявления в корпусах, базирующихся на выделении коллокатов слова на основе частоты их совместного появления в текстах: сравнение частоты сочетаний слов в различных контекстах или жанрах, что позволяет выявить устойчивые выражения, характерные для определённых стилей или тематик; использование статистических показателей, таких как коэффициент согласованности, чтобы определить, насколько сильна связь между словами в пределах заданного контекста; изучение контекста, в котором встречаются слова, чтобы понять их семантические связи и устойчивость [12]. Развитие методов, апробированных Дж. Синклером, было предложено в работе Т. МакЭнери и Э. Харди «Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice» [13], послужившей основой для представленного в статье алгоритма установления степени ассимилированности ксенонимов.

Материалом для данного исследования послужили японизмы-артонимы, отобранные из корпуса текстов *Corpus of Contemporary American English (COCA)*, который является самым обширным корпусом американского варианта английского языка, собранным из различных источников, включая журналы, научную и художественную литературу, газеты и разговорные материалы. Он также охватывает широкий временной диапазон, что делает его подходящим инструментом для исследований динамических процессов в языке.

Результаты и обсуждение. На первом этапе исследования был выполнен поиск по лемме потенциально базовых японизмов-артонимов *ikebana, origami, bonsai, anime, manga, haiku, kabuki, Noh, karaoke, kimono, futon, tatami* и *geisha*. Форму множественного числа в соответствии с нормой английского языка приобрели японизмы *bonsai (bonsais), kimono (kimonos), futon (futons)* и *geisha (geishas)*; на использование в форме множественного числа приходится около 10 % от всех словоупотреблений японизмов в корпусе. Так, из 1092 употреблений, отобранных по лемме *kimono*, 155 приходится на форму *kimonos*.

Говоря о частотности японизмов в корпусе COCA, стоит отметить, что 11 из рассматриваемых заимствований входят в список 60 тыс наиболее употребляемых слов корпуса за исключением наименования театра *Noh*. Данные о частотности лексем приводятся по принципу уменьшения: *karaoke* (1810), *anime* (1777), *manga* (1404), *kimono* (1092), *futon* (734), *geisha* (706), *origami* (704), *haiku* (552), *kabuki* (499), *bonsai* (425), *tatami* (184), *Noh* (266, 120 из которых являются антропонимами и аббревиатурами и могут быть исключены), *ikebana* (55).

На следующем этапе выявлялась ранжированность японизмов в текстах разных жанров как признак ассимилированности/неассимилированности лексической единицы. Разнообразие жанров, в которых употребляются заимствования, а также равномерность их распределения по жанрам коррелируют со степенью их ассимиляции в английском языке: относительно одинаковая частотность в текстах разных жанров может говорить о полной адаптации ксенонимов. При анализе данного критерия была использована нормализованная частотность японизмов в корпусе – мера, позволяющая сравнивать частоту использования слов в текстах различного объема и выражающаяся как количество употребления слова на миллион. Нормализованная частотность используется для сравнения частоты слов и выражений в разных корпусах текстов, которые могут существенно различаться по объему; позволяет делать выводы о значимости наблюдаемых частот, что является особенно важным в контексте лексикографии и социолингвистики, где необходимо выявлять тенденции и закономерности в развитии языка; существенно упрощает процесс интерпретации данных, так как представляет собой относительное значение.

Анализ нормализованной частотности японизмов-артонимов в текстах разных жанров (таблица) показал, что наибольшим жанровым разнообразием обладают общеупотребительные лексемы *karaoke, anime* и *manga*, имеющие высокую частотность в развлекательных и интернет-контекстах. Японизм *karaoke* широко распространен в интернет-жанрах (1,42) и телевизионном дискурсе/кинофильмах (3,65). Лексема *anime* популярна в молодежной коммуникации и в интернет-дискурсе, но не используется в научных или новостных текстах, в отличие от *manga*, также обладающей высокой частотностью в блогах (2,25) и интернете (5,75), но представленной в научном дискурсе (1,44), связанном с гуманитарными науками и сферой образования.

Нормализованная частотность японизмов-артонимов в разных жанрах
Normalized frequency of Japanese artonyms in different genres

Лексема	Блоги	Интернет	ТВ/фильмы	Разговорный	Художественная литература	Журналы	Новости	Наука
karaoke	1,34	1,42	3,65	1,63	1,30	1,82	2,66	0,68
anime	4,82	6,62	0,15	0,19	0,35	1,02	0,67	0,34
manga	2,25	5,75	0,09	0,02	0,48	0,31	0,97	1,44
kimono	0,33	0,31	0,99	0,22	3,51	1,51	0,58	1,49
futon	0,22	0,34	0,81	0,11	3,36	0,37	0,26	0,04
geisha	0,26	0,44	1,01	1,20	1,37	0,85	0,42	0,15
origami	0,54	1,18	0,62	0,17	1,43	0,94	0,54	0,28
haiku	0,45	0,58	0,64	0,26	0,95	0,40	0,54	0,65
kabuki	0,48	0,52	0,36	0,40	0,29	0,48	1,35	0,13
bonsai	0,27	0,19	0,36	0,23	0,50	0,66	0,68	0,54
tatami	0,06	0,07	0,00	0,02	0,91	0,15	0,18	0,12
Noh	0,06	0,19	0,13	0,06	0,33	0,25	0,36	0,80
ikebana	0,03	0,06	0,02	0,00	0,07	0,10	0,16	0,02

Ксенонимы *kimono*, *futon*, *geisha*, *origami* и *tatami* имеют более высокую частотность в художественной литературе (3,51, 3,36, 1,37, 1,43 и 0,91) и используются для создания национального колорита или описания японского быта. Частотность лексемы *kabuki* наиболее высока в новостном дискурсе (1,35), что указывает на ее употребление в обзорах культурных событий. Специализированные японизмы *Noh* и *ikebana* имеют низкую частотность и менее известны широкой аудитории, что ставит под сомнение возможность их соответствия базовым ксенонимам английского языка.

Полученные данные позволяют сделать вывод, что частотность слов японского происхождения варьируется в зависимости от жанра и контекста использования, что отражает их степень общеупотребительности и культурную значимость.

Далее для анализа семантических изменений японизмов-артонимов в процессе их адаптации в английском языке были отобраны коллокации корпуса СОСА, включающие анализируемые лексемы (в скобках указана абсолютная частотность коллокаций):

1) *karaoke*: *karaoke bar* (218), *karaoke night* (136), *karaoke machine* (113), *sing karaoke* (146), *karaoke party* (36), *karaoke song* (52), *carpool karaoke* (24);

2) *anime*: *anime manga* (119), *watch anime* (86), *anime series* (85), *anime character* (57), *anime game* (47);

3) *manga*: *manga anime* (114), *read manga* (55), *manga character* (49), *manga series* (44), *manga comic* (38);

4) *kimono*: *wear kimono* (121), *kimono silk* (78), *kimono woman* (47), *dress kimono* (30), *black kimono* (25), *open kimono* (19);

5) *futon*: *sleep+futon* (53), *sit+futon* (37), *futon bed* (32), *futon room* (27), *futon couch* (25), *futon floor* (24);

6) *geisha*: *geisha memoir* (68), *geisha girl* (36), *geisha house* (25), *become geisha* (24), *geisha apprentice* (20);

7) *origami*: *origami paper* (48), *make origami* (43), *fold origami* (24), *origami bird* (16), *origami crane* (16), *origami art* (15), *DNA origami* (11);

8) *haiku*: *write haiku* (57), *haiku poem* (28), *haiku poetry* (22), *haiku poet* (13);

- 9) kabuki: *kabuki theater* (36), *dance kabuki* (15), *kabuki actor* (7), *political kabuki* (6);
10) bonsai: *bonsai tree* (88), *bonsai garden* (16), *bonsai collection*, *bonsai museum* (12),
create bonsai (11), *bonsai tool* (11);
11) tatami: *tatami mat* (60), *tatami room* (29), *tatami floor* (16), *sit+tatami* (13);
12) Noh: *Noh drama* (11), *Japanese Noh* (9), *Noh theater* (9);
13) ikebana: *ikebana flower* (10), *arranging ikebana* (8), *Japanese ikebana* (6).

Большинство выделенных коллокаций образовано по модели «японизм + NOUN», что объясняется приобретением ксенонимом атрибутивного значения в результате заимствования в английский язык. Анализируемые японизмы, за исключением *ikebana*, не используются только в контексте текстов о Японии, что доказывает отсутствие коллокаций с прилагательным *Japanese*. Распространены сочетания с поясняющим значение ксенонима родовым понятием – полионимом: *Noh theater*, *kabuki theater*, *geisha girl*, *futon bed*, *haiku poem*, *tatami mat*.

Ряд японизмов демонстрируют семантическую деривацию и используются для образования новых устойчивых сочетаний: *open kimono* (быть прозрачно открытым в своих планах, делах или намерениях), *DNA origami* (технология направленного конструирования молекул ДНК, способных к самосборке в заранее рассчитанные и смоделированные объекты), *political kabuki* (использование слов или действий для получения политической поддержки с помощью эмоциональных или аффективных призывов). Экспрессивный потенциал японизмов реализуется в их ономастическом использовании: *Kimono Woman* (героиня сериала «Извне», трупоподобное привидение, предстающее в виде одетой в кимоно утопленницы) и *Carpool Karaoke* (популярная рубрика вечернего шоу Джеймса Кордена, в которой ведущий приглашает знаменитостей исполнить их хиты во время поездки в машине).

Количественные данные позволяют подтвердить правомерность классифицирования японизмов по их статусу в составе английского языка. Согласно гипотезе исследования, 13 японизмов-артонимов, входящих в общие словари и прошедших все стадии адаптации, относятся к общедоступным базовым ксенонимам. Анализ нормализованной частотности японизмов в разных жанрах и выделение коллокаций с компонентом-японизмом показал, что лексемы *origami*, *bonsai*, *anime*, *manga*, *haiku*, *kabuki*, *karaoke*, *kimono*, *futon* и *geisha* действительно относительно широко представлены в текстах разной жанровой отнесенности, отсутствует явное преобладание употребления единиц только в одном жанре, выделенные коллокации демонстрируют приобретение японизмами дополнительных значений, а также их метафорический потенциал. На основе выполненного исследования нами предлагается введение *двух дополнительных критериев* для отнесения англоязычных ксенонимов к общеупотребительной лексике: 1) степень распространенности языковой единицы по речевым жанрам и 2) представленность единицы не менее чем в одном жанре корпуса с нормализованной частотностью, равной или большей 0,5 на 1 млн слов ($X \geq 0,5$) и не менее чем в двух жанрах с нормализованной частотностью, равной или большей 0,1 на 1 млн слов ($X \geq 0,1$).

Заключение. Анализ нормализованной частотности японизмов-артонимов в СОСА с дальнейшим выделением коллокаций с японизмами и установлением их абсолютной частотности позволил сделать объективные выводы о месте рассматриваемых ксенонимов в составе американского варианта английского языка. Было установлено, что наиболее значи-

мыми элементами японского искусства в его англоязычном описании являются *origami*, *bonsai*, *anime*, *manga*, *haiku*, *kabuki*, *karaoke*, *kimono*, *futon* и *geisha*. Эти ксенонимы-японизмы представлены в разных жанрах и обладают выраженным словообразовательным потенциалом и также высоким потенциалом к семантической деривации, в том числе метафоризации. Наибольшей репрезентативностью обладают тексты художественной литературы, жанры интернет- и медиадискурсов, что обусловливается семантикой объекта исследования. Японизмы *Noh* и *ikebana*, демонстрирующие низкие статистические результаты и характеризующиеся неравномерным распределением по жанрам, были исключены из категории базовых ксенонимов.

Алгоритм корпусного анализа ксенонимической лексики, предложенный в данном исследовании, помогает верифицировать результаты лингвокультурологических исследований и может быть использован в дальнейшей разработке методологического аппарата этого научного направления. На основании выполненного корпусного анализа предлагаются следующие критерии для отбора общеупотребительных японизмов в английском языке: 1) наличие полной ассимиляции на всех уровнях языка; 2) регистрация в общих словарях; 3) равномерное распределение по жанрам (равномерная жанровая дистрибуция); 4) представленность не менее чем в одном жанре корпуса с нормализованной частотностью, равной или большей 0,5 на 1 млн слов ($X \geq 0,5$) и не менее чем в двух жанрах с нормализованной частотностью, равной или большей 0,1 на 1 млн слов ($X \geq 0,1$). К перспективам настоящего исследования можно отнести дальнейшее детальное рассмотрение японизмов других тематических групп, а также экстраполяцию результатов работы на все ксенонимы английского языка с целью верификации их универсальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кабакчи В. В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 1998.
2. Иванова Е. Ю. Ассимиляция и лексикографическая регистрация японизмов как критерии легитимности инокультурной лексики в словарном составе английского языка // Актуальные вопросы развития современной науки: теория и практика / Е. А. Горбашко и др. СПб.: СПбГЭУ, 2020. С. 95–97.
3. Прошина З. Г. Английский язык и культура народов Восточной Азии: монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001.
4. Cannon G. Recent Japanese Borrowings into English // *American Speech*. 1994. Vol. 69, no. 4. Pp. 373–397. DOI: <https://doi.org/10.2307/455856>.
5. Kimura-Kano M. *Lexical Borrowing and its Impact on English: With Special Reference to Assimilation Process of Newer Loanwords from Japanese and German and Impact on the Existing Lexical System in English*. Tokyo: Hituzi Syobo, 2006.
6. Doi S. The Naturalisation Process of the Japanese Loanwords Found in the *Oxford English Dictionary* // *English Studies*. 2014. Vol. 95, iss. 6. P. 674–699. DOI: <https://doi.org/10.1080/0013838X.2014.942100>.
7. Morrow Ph. R. Japanese loanwords in English: A corpus-based study // *名古屋学院大学論集 人文自然科学篇*. 2020. Vol. 51, no. 1. P. 1–13. URL: http://www2.ngu.ac.jp/uri/jinbun/pdf/jinbun_vol5701_01.pdf (дата обращения: 07.03.2025).
8. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004.

9. Иванова Е. Ю. Морфология японских ксенонимов в английском языке // Россия и Санкт-Петербург: экономика и образование в XXI веке. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. С. 195–196.

10. Иванова Е. Ю. Японские заимствования в современном английском языке: орфографическая норма и вариативность // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2017. Т. 14, № 1. С. 92–96.

11. Firth J. R. *Papers in Linguistics 1934–1951*. London: Oxford Univ. Press, 1957.

12. Sinclair J. *Corpus, Concordance, Collocation*, 2nd ed. London: Oxford Univ. Press, 1991.

13. McEnery T., Hardie A. *Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012.

Информация об авторах.

Кононова Инна Владимировна – доктор филологических наук (2010), профессор (2024), профессор кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30–32, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: аксиологическая лингвистика, диахроническая концептология, корпусные исследования текста и дискурса.

Мацугина Екатерина Юрьевна – старший преподаватель кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30–32, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 22 научных публикаций. Сфера научных интересов: интерлингвокультурология, корпусные исследования, межкультурная коммуникация.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 10.03.2025; принята после рецензирования 14.04.2025; опубликована онлайн 19.06.2025.*

REFERENCES

1. Kabakchi, V.V. (1998), *Osnovy angloyazychnoi mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Fundamentals of English intercultural communication], Herzen Univ., SPb., RUS.

2. Ivanova, E.Yu. (2020), "Assimilation and lexicographic registration of Japanisms as criteria for the legitimacy of foreign cultural lexicon in the vocabulary of the English language", *Aktual'nye voprosy razvitiya sovremennoi nauki: teoriya i praktika* [Topical issues of modern science development: theory and practice], Gorbashko, E.A. et al., UNECON, SPb., RUS, pp. 95–97.

3. Proshina, Z.G. (2001), *Angliiskii yazyk i kul'tura narodov Vostochnoi Azii* [English language and culture of the peoples of East Asia], FEU, Vladivostok, RUS.

4. Cannon, G. (1994), "Recent Japanese Borrowings into English", *American Speech*, vol. 69, no. 4, pp. 373–397. DOI: <https://doi.org/10.2307/455856>.

5. Kimura-Kano, M. (2006), *Lexical Borrowing and its Impact on English: With Special Reference to Assimilation Process of Newer Loanwords from Japanese and German and Impact on the Existing Lexical System in English*, Hituzi Syobo, Tokyo, JAP.

6. Doi, S. (2014), "The Naturalisation Process of the Japanese Loanwords Found in the Oxford English Dictionary", *English Studies*, vol. 95, iss. 6, pp. 674–699. DOI: <https://doi.org/10.1080/0013838X.2014.942100>.

7. Morrow, Ph.R. (2020), "Japanese loanwords in English: A corpus-based study", *名古屋学院大学論集 人文 自然科学篇*, vol. 51, no. 1, pp. 1–13, available at: http://www2.ngu.ac.jp/uri/jinbun/pdf/jinbun_vol5701_01.pdf (accessed 07.03.2025).

8. Krysin, L.P. (2004), *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike* [The Russian word: studies in modern Russian language and sociolinguistics], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, RUS.

9. Ivanova, E.Yu. (2016), "Morphology of Japanese xenonyms in the English language", *Rossiya i Sankt-Peterburg: ekonomika i obrazovanie v XXI veke* [Russia and St Petersburg: Economics and Education in the XXI century], UNECON, SPb., RUS, pp. 195–196.

10. Ivanova, E.Yu. (2017), "Japanese loanwords in modern English Language: spelling norms and variability", *The Humanities and Social Studies in the Far East*, vol. 14, no. 1, pp. 92–96.

11. Firth, J.R. (1957), *Papers in Linguistics 1934–1951*, Oxford Univ. Press, London, UK.

12. Sinclair, J. (1991), *Corpus, Concordance, Collocation*, 2nd ed., Oxford Univ. Press, London, UK.

13. McEnery, T. and Hardie, A. (2012), *Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.

Information about the authors.

Ekaterina Yu. Matsugina – Senior Lecturer at the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 30–32 Griboyedov Channel emb., St Petersburg 191023, Russia. The author of 22 scientific publications. Area of expertise: interlinguaculturology, corpus-based studies, intercultural communication

Inna V. Kononova – Dr. Sci. (Philology, 2010), Professor (2024), Professor at the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 30–32 Griboyedov Channel emb., St Petersburg 191023, Russia. The author of 100 scientific publications. Area of expertise: axiological linguistics, diachronic conceptology, corpus-based studies of text and discourse.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 10.03.2025; adopted after review 14.04.2025; published online 19.06.2025.

Оригинальная статья

УДК 81'272

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-3-152-166>

Социокультурная специфика концептуализации экологической безопасности в британском медийном пространстве

Лариса Анатольевна Кочетова¹, Мария Николаевна Орлянская²✉

¹Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹lakvolgu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5278-7373>

²✉mariyaorl@mail.ru

Введение. Экологическая безопасность как важнейшая ценность современного социума получает множественное и вариативное воплощение в медийном дискурсе, выступающем мощным фактором воздействия и формирования общественного мнения. Научная новизна исследования заключается в выявлении социально-культурной обусловленной вариативности репрезентации концептуальных признаков экологической безопасности в британском медиадискурсе.

Методология и источники. Исследование проводилось на материале корпуса текстов, посвященных экологической безопасности, объемом более 200 тыс. слов, а также с использованием данных корпуса News on Web (NOW), объемом более 1,9 млрд слов. Содержательная специфика ценности в качественных и популярных британских медиа определялась на основе систематизации и квантификации коллокаций с ключевыми лексемами, образующими когнитивно-семантические основания медийного нарратива.

Результаты и обсуждение. Моделирование понятийной составляющей концепта «экологическая безопасность» на основе средств его медийной репрезентации показало, что она включает концептуализацию угроз, рисков, причин и источников угроз; негативных последствий; действий, направленных на борьбу с угрозами и минимизацию рисков; субъектов действий, способствующих обеспечению безопасности; объектов, безопасность которых требуется обеспечить; необходимые действия. Корпусный анализ коллокаций показал социокультурное различие в дискурсивной репрезентации экологической безопасности в текстах качественной и популярной прессы. Качественная пресса акцентирует *global warming*, стратегии решения проблемы, а также адаптации к изменившимся условиям и минимизации рисков; в популярной прессе доминирует проблема климатических изменений (*climate change*), в то время как в качественной прессе расширяется оценочная составляющая концепта и вместо нейтрального существительного *change* в сочетании с существительным *climate* используется отрицательно оценочная лексема *crisis*.

Заключение. Предложенная методика может быть использована в анализе содержательной специфики других концептуальных образований в медийных дискурсивных практиках, в изучении лингвокультурной составляющей дискурса экологической безопасности в аспекте социокультурной и идеологической вариативности.

© Кочетова Л. А., Орлянская М. Н., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: дискурс, медийный дискурс, корпусная лингвистика, экологическая безопасность, метод коллокаций, английский язык

Для цитирования: Кочетова Л. А., Орлянская М. Н. Социокультурная специфика концептуализации экологической безопасности в британском медийном пространстве // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 3. С. 152–166. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-152-166.

Original paper

Sociocultural Specificity of Conceptualization of Environmental Safety in the British Media Space

Larisa A. Kochetova¹, Maria N. Orlyanskaya²✉

¹Volgograd State University, Volgograd, Russia

^{1, 2}Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

¹kochetova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5278-7373>

²✉mariyaorl@mail.ru

Introduction. Environmental safety as the most important value of modern society receives multiple and variable embodiment in media discourse, which acts as a powerful factor in influencing and shaping public opinion. The scientific novelty of the study lies in identifying the socio-culturally determined variability of representation of conceptual features of environmental safety in the British media discourse.

Methodology and sources. The study was conducted using a corpus of texts devoted to environmental safety, with a volume of over 200 thousand words, as well as using data from the News on Web (NOW) corpus, with a volume of over 1.9 billion words. The content specificity of value in high-quality and popular British media was determined based on the systematization and quantification of collocations with key lexemes that form the cognitive-semantic foundations of the media narrative.

Results and discussion. Modeling the conceptual component of the concept of “environmental safety” based on the means of its media representation showed that it includes the conceptualization of threats, risks, causes and sources of threats; negative consequences; actions aimed at combating threats and minimizing risks; subjects of actions that contribute to ensuring safety; objects whose safety must be ensured; necessary actions. Corpus analysis of collocations showed a socio-cultural difference in the discursive representation of environmental safety in the texts of the quality and popular press. The quality press emphasizes *global warming*, strategies for solving the problem, as well as adaptation to changed conditions and risk minimization; in the popular press, the problem of climate change dominates, while in the quality press the evaluative component of the concept is expanded, and instead of the neutral noun *change* in combination with the noun *climate*, the negatively evaluative lexeme *crisis* is used.

Conclusion. The proposed methodology can be used in the analysis of the substantive specificity of other conceptual formations in media discursive practices, in the study of the linguocultural component of the discourse of environmental safety in the aspect of socio-cultural and ideological variability.

Keywords: discourse, media discourse, corpus linguistics, environmental safety, collocation method, English language

For citation: Kochetova, L.A. and Orlyanskaya, M.N. (2025), “Sociocultural Specificity of Conceptualization of Environmental Safety in the British Media Space”, *DISCOURSE*, vol. 11, no. 3, pp. 152–166. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-152-166 (Russia).

Введение. Важным направлением лингвокультурологии является исследование концептов, понимаемых как многомерные смысловые образования, имеющие ценностное измерение [1, 2]. Концепты являются динамическими сущностями, чье содержание под влиянием различных факторов лингвистического и нелингвистического плана претерпевает изменения, которые приводят к обогащению концептуального содержания ментальной структуры [3], а также ее трансформации, выражающейся, например, в экспансии оценочной составляющей [4] и др. Безопасность как важнейшая ценность общества принадлежит к числу универсальных ценностей. Вместе с тем содержание этого концепта динамично, что проявляется в его расширении, выражающемся в том числе в дифференциации видов безопасности, каждый из которых номинируется особым образом. Типы безопасности тесно связаны с различными этапами развития общества, изменениями и трансформациями в системе его ценностей. На современном этапе развития социума базовая потребность в физической безопасности человека дополняется безопасностью в социальной сфере, национальной безопасностью/безопасностью государства; интенсивная финансово-экономическая деятельность компаний и государств привела к возникновению понятий финансовой/экономической безопасности и безопасности в сфере перевозок и логистики [5, с. 15]; развитие информационно-коммуникационных технологий способствовало формированию ценности информационной безопасности, концептуализирующей киберугрозы, их источники и способы противостояния им [6]; расширение представлений человечества о среде своего обитания, осмысление планеты как общего дома [7] способствовали формированию экологической безопасности как экзистенциальной ценности, ориентированные на сохранение и поддержание существования человечества. Экзистенциальные ценности понимаются как выбор в условиях отсутствия объективных смыслов собственных ценностных предпочтений и принятия ответственности за данный выбор, что требует формирования экологического сознания.

В последние десятилетия внимание к проблемам экологии в публичном коммуникативном пространстве достигло своего пика. Сформировался особый вид дискурсивной практики – экологический дискурс, цель которого исследователи видят в освещении взаимодействия человека с окружающей средой, обсуждении вопросов, связанных с угрозами экологии и окружающей среде, решениями, направленными на сохранение и поддержание благоприятной экологической обстановки. В научной литературе экологический дискурс интерпретируется: 1) как коммуникация о природе и окружающей среде; 2) форма социальной практики; 3) инструмент власти и идеологии; 4) комплекс нарративов и, наконец 5) как междисциплинарная сфера. В основе выделения экологического дискурса лежит тематический критерий. Так, Е. В. Иванова определяет данный вид дискурса как «совокупность устных и письменных текстов различных функциональных стилей и жанров, обусловленных ситуацией общения на экологические темы. Ключевым концептом и темой экологического дискурса является природа и состояние окружающей среды» [8, с. 4]. Темы, поднимаемые в такой области, ограничиваются строго экологическим характером, они обращаются к проблемам потери разнообразия, изменения климата, устойчивого развития и загрязнения, находя свое выражение как в медийных, политических и научных, так и в повседневных формах коммуникации. Однако А. В. Зайцева акцентирует внимание на роли

экологической тематики в дискурсе, влияющей на формирование экологического сознания, и определяет понятие экологического дискурса как «сложное коммуникативно-речевое явление, представляющее собой, с одной стороны, вид социальной коммуникации, в основе которой лежит речемыслительная деятельность людей в определенном историко-культурологическом контексте на базе общего предмета – экологии и охраны окружающей среды, выступающих в качестве ключевых концептов. С другой стороны, экологический дискурс – это совокупность экологических текстов различных коммуникативно-речевых сфер (науки и публицистики, художественной литературы, официально-делового и бытового общения), объединенных общей темой и формирующих экологическое сознание реципиентов» [9, с. 23]. Таким образом, ключевым тематическим компонентом дискурса является экология и природоохранная деятельность.

Говоря об участниках экологического дискурса, один из ведущих исследователей области экологической политики и дискурс-анализа Дж. Драйзек подразумевает в понятии экологического дискурса наличие активной формы социального взаимодействия вместе с его устным и письменным выражением. Это означает, что члены социального общества участвуют в дискуссиях по экологическим проблемам, формируют убеждения и, как следствие, ценности и далее принимают решения и осуществляют действия для решения присутствующих проблем в экологии [10]. Таким образом, участниками экологического дискурса становятся не только исследователи и специалисты данной области, политические деятели и журналисты, но и обычные граждане, интересующиеся и занимающиеся вопросами экологической безопасности, исходя из собственного желания или возникших обстоятельств, а также те, кто выступает против экологического движения [10, р. 9]. В то время как Дж. Драйзек рассматривает экологический дискурс как социальную практику, другой исследователь, Маартен Хайер, больший акцент делает на взаимодействии такого дискурса с институтами и структурами власти, анализируя его влияние на формирование политики и процессы, протекающие в ней, а также на взаимодействии между участниками системы управления. М. Хайер определяет экологический дискурс как специфический набор идей, понятий, концептов и категоризаций, которые продуцируются, репродуцируются и трансформируются в набор практик, посредством которых приписываются значения физической и социальной реальности [11, р. 44]. Как и Дж. Драйзек, ученый определяет дискурс как форму коммуникации, в которой проблемы экологического характера выступают в качестве основной темы в обсуждениях, дебатах и переговорах, и вместе с этим конструируют восприятие экологических вызовов и стимулируют принятие обществом решений.

Ссылаясь на работы А. Папужински и М. Юнга, М. Стечак приводит анализ различных вариантов определения экологического дискурса: 1) в узком смысле, по А. Папужински, сфера функционирования экологического дискурса ограничивается кругом людей, интересующихся вопросами экологии и опирающихся на собственную систему когний и способов интерпретации в описании реальной действительности (“restricted to the speech community of people who are interested in ecology and who describe the world by means of their own system of cognition and interpretation”), в котором отличительными чертами являются высокий уровень информированности о проблемах экологии, устойчивые убеждения и система ценностей [12, р. 3]; 2) в широком смысле М. Юнг определяет данный дискурс как

«совокупность текстов (рассматриваемых как дискретные и структурированные последовательности устных и письменных высказываний), публично определяющих отношения между человеком и окружающей средой. К публичному способу выражения этих отношений относятся медиа, а также отмечается, что главная роль в экологическом дискурсе отводится самому предмету обсуждения (“the entirety of texts (seen as separable and structured sequences of written or spoken utterances), in which the relation between humans and the natural environment is defined publicly, i.e. in the media, or in which the effects of human activity on the environment and its repercussions on humans are discussed” [13, p. 271]).

В работах Е. В. Ивановой, А. В. Зайцевой, Дж. Драйзека, М. Хайера и М. Стечак (включая А. Папужински и М. Юнга), посвященных экологическому дискурсу, устанавливаются его жанры и цели. Жанры этого типа общения включают устные и письменные тексты; образовательные материалы, художественную литературу, публицистику, научные тексты на экологическую тематику, а также бытовое общение; политические дебаты, документы и манифесты; общественные дискуссии и медийные тексты. Среди целей экологического дискурса ученые указывают формирование экологического сознания, а также информирование общества и его мотивацию к выработке моделей поведения, способствующих сохранению окружающей среды, разработку государственной политики в области экологии, осуществление структурных реформ в социуме, экономической сфере и политике и формирование в общественном сознании устойчивой системы ценностей, определяющих индивидуальные и коллективные поведенческие паттерны.

Особую роль в осмыслении концептов играет медийный дискурс. Как отмечает Л. А. Кочетова, «средства массовой информации интерпретируют различные экспертные оценки, мнения и суждения о концептах и транслируют их широкой аудитории, оказывая воздействие на сознание участников медийного дискурса и, прямо или косвенно, способствуя формированию концептуальных образований в сознании членов дискурсивного сообщества» [14, с. 7]. Медиатизация (термин, введенный Н. И. Клушиной [15]) как результат деятельности СМИ, которые на сегодняшний день являются «фактором культурной консолидации» [16], трансформирует социальную реальность посредством изменения смыслового поля попадающих в ее пространство концептов, расширения их оценочного содержания и приобретения ими дополнительных ценностных смыслов. Выполняя функцию адаптивного информирования, медийный дискурс обеспечивает просветительскую функцию, транслируя широкому дискурсивному сообществу научные представления о проблемах изменения климата, причинах, вызывающих эти изменения, сценариях развития событий, а также прогнозируя последствия изменений климата, затрагивающие отдельные страны, образ жизни их народов, оказывая таким образом воздействие на формирование общественного мнения, а значит медийный дискурс становится неотъемлемым инструментом в формировании и продвижении концепта экологической безопасности в сознании членов дискурсивного сообщества. Являясь «естественной средой языкового воплощения ценностей социума» [17, с. 172], дискурсивные практики, в том числе и медийные, выводят в «фокус научного исследования изучение специфики языковых механизмов образования ценностных смыслов» [17, с. 172].

Таким образом, можно утверждать, что медиа преобразуют ценность экологической безопасности в медиаконцепт, который приобретает расширенную концептуальную структуру с расширенной оценочной составляющей, формирующей ориентиры поведения соци-

ума. Вместе с тем важным вопросом становится специфика освещения феномена в разных типах прессы, поскольку то, как медиа представляет ту или иную информацию своей аудитории, а конкретно – прагматический аспект транслируемого текста, влияет на необходимое восприятие читателем серьезности, причин и последствий проблем окружающей среды, что требует дифференцированного подхода к изучению медийных интерпретаций феномена.

Цель данной работы – методами корпусной лингвистики на основе систематизации и квантификации коллокаций, образованных лексемами, выявить особенности репрезентации содержательной составляющей концепта в двух типах прессы, установить социокультурные оценочные дискурсивные смыслы, формирующие общественное мнение и задающие ценностные ориентиры поведения представителей лингвокультурного дискурсивного сообщества.

Методология и источники. Исследование проводилось на материале собственного корпуса британских медийных текстов, посвященных проблематике экологической безопасности. Корпус включает отобранные методом случайной выборки тексты, размещенные на сайтах британских качественных (*The Guardian, The Independent, The Observer*) и популярных периодических изданий (*The Daily Mail, The Daily Mirror, The Sun*). Корпус охватывает период с 2021 по 2024 г. Структура корпуса и его количественные характеристики представлены в табл. 1.

Таблица 1. Структура тематического корпуса текстов дискурсивных практик экологической безопасности в британском медийном дискурсе
Table 1. Structure of the thematic corpus of texts on discursive practices of environmental safety in British media discourse

Качественная пресса	Кол-во слов	Среднее кол-во слов	Кол-во текстов	Популярная пресса	Кол-во слов	Среднее кол-во слов	Кол-во текстов
Guardian	31 901	938	34	Daily Mail	37 969	807	47
Independent	37 995	716	53	Daily Mirror	33 119	636	52
Observer	37 113	700	53	Sun	34 134	656	52
Всего	107 009	784	140	Всего	104732	693	151

Как правило, в лингвоконцептологии содержательные признаки концепта устанавливаются на основании анализа словарных дефиниций его имени. Как указывает М. П. Ефремова, концепт «экологическая безопасность» вербализуется лексическими единицами, оязыковляющими факт регистрации угрозы экологии или отсутствия такого рода угрозы. Опираясь на ядерные слова *security/safety*, ученый выделяет следующие коллокации, номинирующие экологическую безопасность: *ecological security, environmental security, environment safety* [5]. Отметим, что именем концепта выступают собственно словосочетания, которые не могут быть подвергнуты словарному анализу. Кроме того, частота употребления слов *ecology, environment*, а также словосочетания *ecological safety*, выступающих прямыми номинациями рассматриваемого концепта, невелика, а к числу наиболее употребительных лексем, актуализирующих концепт в дискурсивной практике, относятся тесно связанные друг с другом лексические единицы *green, energy, climate, global warming, climate change, fuels* и др. Так, упоминание различных видов ископаемого топлива для производства энергии часто встречается в контексте климатических изменений, что выводит на повестку дня поиск альтернативных, чистых, «зеленых» источников. Дискурсивная практика

строится вокруг следующих основных тем: «климатические изменения», «глобальное потепление», «зеленые альтернативы», «производство энергии». Таким образом, конструирование содержательных признаков концепта «экологическая безопасность» проводилось на основе анализа содержательно-тематического наполнения текстов и моделирования когнитивно-семантических оснований дискурсивной практики с использованием корпусного метода коллокаций. Мы изучали коллокации с ядерными словами *green*, *energy*, *climate* и др. Для извлечения коллокаций исследуемых корпусов также использовался корпусный менеджер *LancsBoxX* (Version 4.0.0) [18], позволяющий провести автоматический семантический анализ корпуса текстов и осуществить поиск по семантическим категориям.

Обращение к методу коллокаций обусловлено тем, что в отличие от метода выделения семантических рядов [19], учитывающего лексему, непосредственно следующую за ядерным словом или ему предшествующую, что соответствует коллокациям первого уровня, образованным ядерным словом и находящимся рядом в соответствующей синтагматической модели коллокатом, он позволяет выделить лексемы, обладающие общим значением и формирующие дискурсивную семантику корпуса, образующую надтекстовые смыслы. Отметим, что значимые для дискурсивно-текстового смысла лексические единицы не всегда входят в непосредственное окружение исследуемого слова, при использовании метода семантических рядов это может привести к тому, что они не будут обнаружены исследователем. В этой ситуации использование метода коллокаций с применением «окна наблюдения» в границах пяти слов в правом и левом контексте от ядерного слова, позволяющем обнаружить устойчивые единицы, которые передают содержательно-тематическое своеобразие дискурса, отражающее специфику репрезентации и интерпретации феномена в когнитивно-дискурсивной деятельности, оказывается более продуктивным.

В целях моделирования концепта «экологическая безопасность» осуществлялся последовательный поиск коллокаций со словами, номинирующими понятийную составляющую концепта, в каждом из рассматриваемых корпусов. Сравнительный анализ двух корпусов, проведенный на основе семантической категоризации и систематизации коллокаций, а также детального анализа контекстов их употребления, позволил установить специфику медиатизации ценности в различных видах СМИ, отражающую содержательное наполнение дискурсивной практики.

Результаты и обсуждение. Содержательная составляющая концепта «экологическая безопасность» уточняется в медийных текстах и включает концептуализацию угроз, рисков, причин и источников угроз; негативных последствий; действий, направленных на борьбу с угрозами и минимизацию рисков; субъектов действий, направленных на обеспечение безопасности; объектов, безопасность которых требуется обеспечить; необходимые действия для поддержания и сохранения экологической безопасности.

В медийном дискурсе к наиболее частотным коллокациям, объективирующим угрозу окружающей среде, относятся *climate change* и *global warming*. Корпусный анализ показывает преобладание термина *climate change* в обоих типах прессы. Вместе с тем в корпусе качественной прессы *climate change* имеет нормализованную частоту 2845.38, *global warming* – 899.96; в корпусе популярной прессы *climate change* используется 2411.29, в то время как *global warming* – 237.09, что свидетельствует о доминировании термина в каче-

ственной прессе. В текстах качественной прессы оценочная коллокация *climate crisis* имеет частоту употребления 1244.85, что свидетельствует о прагматике обеспокоенности и тревоги, в то время как в популярной прессе количество употреблений коллокации составляет всего 161.43. Следует отметить, что, по данным корпуса NOW (News on the Web), частота использования коллокации *climate change* варьируется в пределах от 34.70 употреблений на миллион слов до 72.30 в период с 2010 до 2025 г. При этом количество употреблений коллокации *climate crisis* многократно выросло в последние годы. Так, если в 2018 г. нормализованная частота этой коллокации составляла 0.29 употреблений на миллион слов, то в 2019 г. эта цифра достигла 4.06, а в 2022 г. – уже 7.46, что отражает растущую озабоченность общества проблемами экологической безопасности.

Британский медийный дискурс в большей степени сосредоточен на концептуализации угроз и рисков, возникающих вследствие глобального потепления и изменения климата. В текстах популярной прессы лексема *risk* имеет нормализованную частоту 882.80, в текстах качественной прессы – 824.51. В обоих типах прессы медийные нарративы концептуализируют риски, возникающие вследствие нарушения экологического баланса, такие как *a risk of heavy to locally intense rainfall, risk of heat-related deaths, risk of summer droughts, risk of falling into long-term debt and financial hardship; flood-risk management, risk of flooding, risk from floods, risk of extreme heats, risk from extreme weather events* и др. Например: «*In the Northeast, more extreme weather – like the catastrophic flooding which hit [...] – will damage critical infrastructure. Runoff and flooding are also responsible for flows of debris and contaminants that cause harmful algal blooms and pollute drinking water*» [20]. В обоих видах прессы наиболее частотными являются коллокации *risk of flooding, risk of floods*, которые используются при описании последствий климатических изменений для страны: «*The government's latest climate change risk assessment identifies flood risk, and particularly flooding from heavy downpours, as one of the key climate threats for the UK, alongside stresses on water resources, threats to biodiversity and natural habitats, and the repercussions for the UK from climate change impacts abroad*» [21].

В медийных текстах отмечается использование коллокаций *gas emissions, fossil fuel* и других, которые указывают на источники угрозы экологической безопасности и предполагают действия, необходимые для улучшения ситуации, передаваемые лексемами *limit, phase out, phase down* и некоторыми другими.

В качестве причин климатических изменений и глобального потепления медийные тексты акцентируют человеческий фактор: *emissions from human activity, human-induced climate change, human-induced greenhouse gas emissions, human-caused climate change, human pollution, human waste, human actions including burning fossil fuels, human-accelerated climate change, man-made climate change*. Использование сложносоставных лексем, таких как *human-induced, human-caused, human-driven, man-made*, в качестве атрибутов к существительным *climate change* и реже *global warming* свидетельствует о транслируемой в медиа точке зрения на антропогенную природу климатических изменений. По мнению Тейлора [22, р. 455], атрибутивные прилагательные имеют тенденцию обозначать постоянные, присущие объекту характеристики, в то время как прилагательные в предикативной позиции обозначают временные, подверженные изменениям свойства объекта. При этом описанные

структуры свойственны в большей степени текстам качественной прессы, а популярные издания избегают акцентирования влияния человеческого фактора на климат.

Следующие группы коллокаций с высокой номинативной плотностью образованы лексемой *climate*, выступающей в атрибутивной функции. Коллокации, образованные с данной ядерной лексемой, представлены семантическими группами, репрезентирующими:

– угрозы, связанные с изменением климата (в скобках указывается процентное соотношение коллокации): *climate crisis* (3,61), *impact of climate change* (2,30). *climate change* (17,91), например: «*Climate change is the greatest threat to our internationally important seabird populations. This study provides important information on potential climate change impacts over the long-term, which can be used to inform our conservation actions to increase resilience in seabird populations*» [23];

– субъектов, деятельность которых направлена на обеспечение безопасности окружающей среды: *climate activists* (1.23), *climate experts* (0.76);

– действия, направленные на обеспечение безопасности окружающей среды: *climate financing* (1.30), *climate policy* (0.75), *climate money* (0.56), *climate actions* (2.23), *climate conference* (0.98), *climate envoy* (5.93), *climate agreement* (0.74), *climate projection* (1.46), *climate plans* (0.74), *climate action targets* (0.71), *climate summit* (0.97).

Важное место в медийных нарративах занимают коллокации с прилагательным *green*, которое определяется в словарях как *a) relating to or being an environmentalist political movement; b) concerned with or supporting environmentalism green consumers who practice recycling; c) tending to preserve environmental quality (as by being recyclable, biodegradable, or nonpolluting)* (MWOD). Таким образом, к основным понятийным признакам лексемы относятся: 1) политические движения, деятельность которых направлена на сохранение качества окружающей среды; 2) ответственное потребление, включающее покупку товаров, произведенных из переработанного сырья; 3) поддержание качества окружающей среды.

Корпусный анализ показывает, что коллокации с прилагательным *green* образуют следующие семантические группы:

– экономические термины, в семантике которых содержится указание на отсутствие угроз окружающей среде со стороны объектов, номинированных следующими существительными: *green technology* (0.50), *green labour* (0.45), *green economy* (0.53), *green jobs* (0.38), *green bonds* (0.63), *green finance capital* (0.49), *green industries* (0.17), *green sector* (0.03);

– лексические единицы, номинирующие политических субъектов и виды деятельности, направленные на сохранение окружающей среды: *Green Climate Fund (GCF)* (0.23), *green parties* (0.11), *green groups* (0.16), *green movement* (0.14), *green policies* (0.15), *green energy legislation* (0.01), *green initiatives* (0.30), *green agenda* (0.78), *green credentials* (0.24), *green industrial revolution* (0.12); *Green New Deal* (2.52);

– лексические единицы с семантикой «планирование», «цель»: *green targets* (0.04), *green goals* (0.05), *green initiatives* (0.32);

– лексические единицы с семантикой выбора: *green choice* (0.06), *green choices* (0.03);

– лексемы, которые означают высказывания, содержащие намерения сохранения окружающей среды: *green promises* (0.01), *green statement* (0.01), *green message* (0.01), *green pledges* (0.01), *green issues* (0.11);

– экономические термины, обозначающие расходы, необходимые для обеспечения и сохранения благоприятной окружающей среды: *green costs* (0.11), *green taxes* (0.03), *green transition costs* (1.63).

В результате влияния дискурсивного фактора формируется отсутствующая в системном значении слова *green* оценочная коннотация, она имплицитно выводится его контекстным окружением и выводится реципиентом текста в виде инференции, которая, по определению Е. С. Кубряковой, выступает одной из «важнейших когнитивных операций человеческого мышления, в ходе которой, опираясь на непосредственно содержащиеся в тексте сведения, человек выходит за пределы данного и получает новую информацию» [24, с. 33–34].

Отметим, что коллокации с лексемой *green* чаще встречаются в корпусе текстов популярной прессы. Так, относительная частота коллокаций с исследуемым ядерным словом составляет в нем 711.28 употреблений на миллион слов, в то время как в корпусе качественной прессы – 339.51.

Медийные тексты упоминают объекты, безопасность которых требуется обеспечить: *water resources, biodiversity, natural habitats, wildlife, agriculture*. В коллокациях *energy security, water security, food safety, water safety* акцентируется идея необходимости достаточного наличия ресурсов для обеспечения жизнедеятельности человека и общества. Коллокации *radiation safety, nuclear security, nuclear safety* передают идею отсутствия угроз со стороны опасных для человека и окружающей среды факторов.

Концептуализация действий, направленных на борьбу с угрозами экологической безопасности, подчеркивает необходимость минимизации угроз, а также адаптацию к условиям, вызванным изменениями климата и глобальным потеплением. Коллокации с глаголами *reduce, cut* и производными существительными включают следующие: *carbon reduction targets, emissions reductions plans, reduce air pollution, reduce fossil fuel usage, emissions-reducing technologies, reduce pressure on nature, reduce your carbon footprint, reduce energy consumption, reduce your environmental impact, reduce personal water use, cut its domestic carbon footprint* и др.

Медийные тексты широко используют коллокации с лексическими единицами, обладающими семантическим признаком «адаптация»: *adapt to this climate change disaster, adapt transformatively, adapt to inevitably more severe extreme events, climate adaptation technologies, adaptation measures, national adaptation programme, adapting agricultural and engineering practices*.

Глагол *solve* и существительное *solution* образуют следующие устойчивые сочетания: *solve humanity pressing climate problem, solve the climate crisis, solutions to the climate crisis, solutions to tame global warming*.

Частота коллокаций с семантикой адаптации и принятия решений в обоих корпусах приводится в табл. 2.

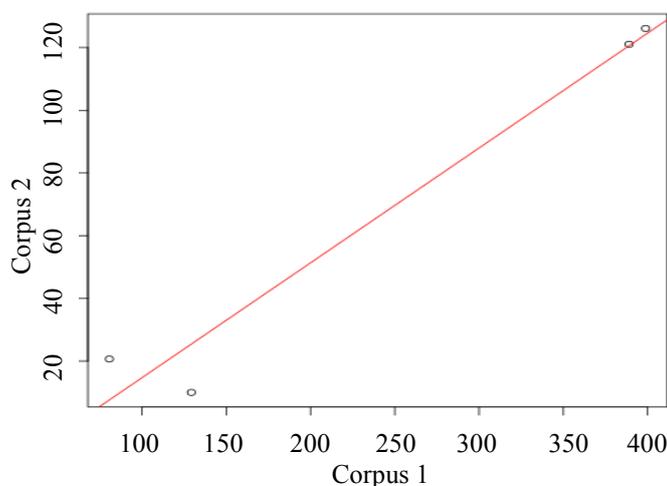
Статистический анализ соотношения частотности коллокаций с ядерными словами *solve, solution, adapt, adaptation* в двух корпусах, выполненный с применением метода инференционной статистики, показывает, что тексты качественной прессы содержат большее число коллокаций, концептуализирующих решение проблем и адаптацию к изменившимся

условиям, что свидетельствует о формировании восприятия обществом неблагоприятных условий как устойчивого и длительного фактора, которому необходимо противостоять и предпринимать активные действия для уменьшения его воздействия на различные сферы жизни общества (см. рис.).

Таблица 2. Частота коллокаций с семантикой адаптации, решения проблем, минимизации последствий, ущерба и рисков в корпусах качественной и популярной прессы
Table 2. Frequency of collocations with the semantics of adaptation, problem solving, minimization of consequences, damage and risks in the corpora of high-quality and popular press

Коллокации	Качественная пресса (корпус 1)	Популярная пресса (корпус 2)
solve	80.67	20.10
solution	388.95	121.07
reduce	895.29	691.10
reduction	204.78	121.07
cut	619.73	670.92
adapt	398.78	126.11
adaptation	129.34	10.09

Медийные тексты популярной прессы в большей степени акцентируют внимание на необходимости немедленных действий по сокращению выбросов для достижения целей: «By current projections, sea levels could rise between 2ft and 7ft by the end of the century. If the world moves to drastically cut the amount of pollutants dumped into the atmosphere that figure could be on the lower end of the scale» [25].

Граф, отображающий статистически значимое различие в частоте коллокаций с лексемами solve и solution в текстах качественной и популярной прессы
Graph showing statistically significant difference in the frequency of collocations with the lexemes solve and solution in texts of high-quality and popular press

Как показывает анализ, тексты качественной прессы акцентируют сложный характер проблемы, требующей выработки разнообразных мер для ее решения, в том числе технологического плана. Популярная пресса отдает предпочтение планированию и достижению определенных целей, подчеркивая необходимость приложения совместных усилий.

Заключение. Таким образом, корпусный анализ медийных текстов качественных и популярных британских изданий, посвященных проблематике экологической безопасности, использовался для реконструкции тезауруса дискурсивной практики, определения черт ее системной организации с целью установления содержательных признаков исследуемого

концепта. Основным методом был избран корпусный метод, который позволил выделить наиболее частотные коллокации, репрезентирующие основные понятийные признаки концепта, установить его содержательную специфику в разных видах британской прессы и описать социокультурную вариативность медийного конструирования экологической безопасности. Сравнительный анализ показал, что дискурсивные практики экологической безопасности характеризуются дискурсивной вариативностью в отношении средств и способов репрезентации угроз. В текстах качественной прессы чаще используется в качестве номинации основной угрозы экологическому благополучию планеты словосочетание *global warming*, а в текстах популярной прессы употребляют *climate change*. В то же время в качественной прессе доминируют стратегии решения проблемы, а также адаптации к изменившимся условиям и минимизации рисков. Популярная пресса ориентируется на достижение целей, позволяющих снизить риск неблагоприятного воздействия. Популярная пресса также широко апеллирует к проблеме климатических изменений (*climate change*), в то время как в качественной прессе оценочная составляющая концепта расширяется, так как вместо нейтрального существительного *change* в сочетании с существительным *climate* используется отрицательно оценочная лексема *crisis*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
2. Карасик В. И. Лингвокультурная концептология как направление антропологической лингвистики // Лингвокультурная концептология. Вып. 31 / С. Г. Воркачёв, В. И. Карасик, В. И. Маслова, М. В. Пименова; под ред. М. В. Пименовой. СПб.: СПбГЭУ, 2025. С. 19–156.
3. Кочетова Л. А., Кононова И. В. Медиатизация регулятивной ценности «здоровый образ жизни» в англоязычных СМИ: корпусный подход // Научный диалог. 2024. Т. 13, № 6. С. 186–208. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-6-186-208>.
4. Карасик В. И. Маршруты лингвокультурологии: концепты, сценарии, типажи, сюжеты // Филологические чтения: материалы VI Всерос. науч. конф., Ярославль, 28–29 апр. 2023 г. / ЯРГУ им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2023. С. 61–71.
5. Ефремова М. П. Концепт «SAFETY/SECURITY» в английской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / СПбГЭУ. СПб., 2021.
6. Кочетова Л. А., Ильинова Е. Ю. Лингвокультурная специфика репрезентации дискурсивных практик кибербезопасности в русскоязычном медийном дискурсе: корпусный подход // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 3. С. 134–152. DOI: [10.24224/2227-1295-2023-12-3-134-152](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-3-134-152).
7. Карасик В. И. Ценностная картина мира как объект лингвоаксиологической лингвистики // Языки, литературы и культуры народов России в современной академической науке: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Казань, 9–11 окт. 2024 г. / Ин-т языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан. Казань, 2024. С. 183–188.
8. Иванова Е. В. Метафорическая концептуализация природных катастроф в экологическом дискурсе (на материале медийных текстов): дис. ... канд. филол. наук / ЧелГУ. Челябинск, 2007.
9. Зайцева А. В. Типология текстов экологического дискурса ФРГ: специальность 10.02.04 «Германские языки»: дис. ... канд. филол. наук / СмолГУ. Смоленск, 2014.
10. Dryzek J. S. The politics of the earth: environmental discourses. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005.
11. Hajer M. A. The politics of environmental discourse: ecological modernization and the policy process. NY: Clarendon Press, 1995.
12. Steciag M. Environmental discourse in public debate in Poland: relativization, exclusion and acceptance // Language and Ecology. 2010. Vol. 3, no. 2. P. 1–16.

13. Jung M. Ecological criticism of language // *The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment* / ed. by A. Fill and P. Muhlhausler. London; NY: Continuum, 2001. P. 270–285.
14. Kochetova L. A. Linguocultural Specifics of Artificial Intelligence Representation in the English Language Media Discourse: Corpus-Based Approach // *Science J. of Volgograd State Univ. Linguistics*. 2023. Vol. 22, no. 5. P. 6–18. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.1>.
15. Клушина Н. И. Медиатизация современной культуры и русский национальный стиль // *Русская речь*. 2014. № 1. С. 66–73.
16. Карасик В. И. Языковое проявление личности. Волгоград: Парадигма, 2014.
17. Радбиль Т. Б. Языковое воплощение ценностей в медиадискурсе интернета по данным корпусного анализа репрезентативных контекстов (лексема по-хорошему) // *Научный диалог*. 2023. № 12 (6). С. 170–189. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189.
18. Brezina V., Platt W. #LancsBox X [software]. Lancaster Univ., 2024. URL: <http://lancsbox.lancs.ac.uk> (дата обращения: 20.10.2024).
19. Орлова Н. В. Семантические ряды как инструмент анализа дискурса (на материале дискурса о поколениях) // *Научный диалог*. 2021. № 7. С. 108–122. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-108-122.
20. Boyle L. Biden administration releases 'gold standard' climate report which Trump tried to thwart // *Independent*. 14.11.2023. URL: <https://www.independent.co.uk/climate-change/news/biden-national-climate-assessment-trump-b2446684.html> (дата обращения: 24.10.2024).
21. Hicks N., Ranger N. What are the potential impacts of climate change for the UK? // *The Guardian*. 08.10.2013. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2013/oct/08/potential-impacts-climate-change-uk> (дата обращения: 30.10.2024).
22. Taylor J. R. *Cognitive Grammar*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003.
23. Fernandez C. The British seabirds at risk of EXTINCTION: Experts warn Puffins, Fulmars, and Arctic Terns could be wiped out thanks to climate change // *Daily Mail*. 21.12.2023. URL: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-12890259/The-British-seabirds-risk-EXTINCTION-Experts-warn-Puffins-Fulmars-Arctic-Terns-wiped-thanks-climate-change.html> (дата обращения: 24.10.2024).
24. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996.
25. Boyd M. Frightening climate change map shows huge swathes of UK under water by 2050 // *The Mirror*. 22.06.2020. URL: <https://www.mirror.co.uk/news/uk-news/frightening-climate-change-map-shows-21333264> (дата обращения: 15.11.2024).

Информация об авторах.

Кочетова Лариса Анатольевна – доктор филологических наук (2013), профессор (2021), профессор кафедры теории и практики перевода и лингвистики Волгоградского государственного университета, Университетский пр., д. 100, Волгоград, 400062, Россия; профессор кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера интересов: дискурс, корпусная лингвистика, лингвокультурология, медийная коммуникация.

Орлянская Мария Николаевна – ассистент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор четырех научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвокультурология, стилистика, дискурс, корпусная лингвистика.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 10.03.2025; принята после рецензирования 14.04.2025; опубликована онлайн 19.06.2025.*

REFERENCES

1. Karasik, V.I. (2002), *Yazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse], Peremena, Volgograd, RUS
2. Karasik, V.I. (2025), "Linguocultural conceptology as a direction of anthropological linguistics", *Lingvokul'turnaya kontseptologiya* [Linguistic and cultural conceptology], iss. 31, Vorkachev, S.G., Karasik, V.I., Maslova, V.I. and Pimenova, M.V., in Pimenova, M.V. (ed.), UNECON, SPb., RUS, pp. 19–156.
3. Kochetova, L.A. and Kononova, I.V. (2024), "Media Studies of Regulatory Value of Healthy Lifestyle in English Media: A Corpus-Based Approach", *Nauchnyi dialog*, vol. 13, no. 6, pp. 186–208. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-186-208.
4. Karasik, V.I. (2023), "The Routs of Language and Culture Studies: Concepts, Scripts, Personality Types, Subject Plots", *Philological Readings, Materials of the VI All-Russian Sci. Conf.*, Yaroslavl, RUS, 28–29 April 2023, pp. 61–71.
5. Efremova, M.P. (2021), "Concept "SAFETY/SECURITY" in the English language picture of the world", Abstract. of Can. Sci. (Philology) dissertation, SPbSEU, SPb., RUS.
6. Kochetova, L.A. and Ilyinova, E.Yu. (2023), "Linguocultural Specifics of Cybersecurity Discursive Practices Representation in Russian Media Communication: Corpus-Assisted Approach", *Nauchnyi dialog*, vol. 12, no. 3, pp. 134–152. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-134-152.
8. Karasik, V.I. (2024), "Value Picture of the World as an Object of Linguoaxiological Linguistics", *Languages, Literatures and Cultures of the Peoples of Russia in Modern Academic Science, Col. of Materials of the Int. Sci. and Pr. Conf.*, Kazan, RUS, 9–11 October 2024, pp. 183–188.
8. Ivanova, E.V. (2007), "Metaphorical conceptualization of natural disasters in environmental discourse (based on media texts)", Can. Sci. (Philology) Thesis, CSU, Chelyabinsk, RUS.
9. Zaitseva, A.V. (2014), "Typology of texts of environmental discourse in the FRG: speciality 10.02.04 "Germanic languages"", Can. Sci. (Philology) Thesis, SmolGU, Smolensk, RUS.
10. Dryzek, J.S. (2005), *The politics of the earth: environmental discourses*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK.
11. Hajer, M.A. (1995), *The politics of environmental discourse: ecological modernization and the policy process*, Clarendon Press, NY, USA.
12. Steciag, M. (2010), "Environmental discourse in public debate in Poland: relativization, exclusion and acceptance", *Language and Ecology*, vol. 3, no. 2, pp. 1–16.
13. Jung, M. (2001), "Ecological Criticism of Language", *The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment*, in Fill, A. and Muhlhausler, P. (eds.), Continuum, London, NY, UK, pp. 270–285.
14. Kochetova, L.A. (2023), "Linguocultural Specifics of Artificial Intelligence Representation in the English Language Media Discourse: Corpus-Based Approach", *Science J. of Volgograd State Univ. Linguistics*, vol. 22, no. 5. pp. 6–18. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.1>.
15. Klushina, N.I. (2014), "Mediatization of modern culture and Russian national style", *Russian speech*, no. 1, pp. 66–73.
16. Karasik, V.I. (2014), *Yazykovoïe proyavlenie lichnosti* [Linguistic Manifestation of Personality], Paradigma, Volgograd, RUS.
17. Radbil, T.B. (2023), "Linguistic Embodiment of Values in Internet Media Discourse: A Corpus Analysis of Representative Contexts (the Lexeme 'pokhoroshemu')", *Nauchnyi dialog*, no. 12 (6), pp. 170–189. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189.
18. Brezina, V. and Platt, W. (2024), *#LancsBox X [software]*, Lancaster Univ., USA, available at: <http://lancsbox.lancs.ac.uk> (accessed 20.10.2024).
19. Orlova, N.V. (2021), "Semantic Series as a Discourse Analysis Tool (Discourse about Generations)", *Nauchnyi dialog*, no. 7, pp. 108–122. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-108-122.
20. Boyle, L. (2023), "Biden administration releases 'gold standard' climate report which Trump tried to thwart", *Independent*, 14.11.2023, available at: <https://www.independent.co.uk/climate-change/news/biden-national-climate-assessment-trump-b2446684.html> (accessed 24.10.2024).

21. Hicks, N. and Ranger, N. (2013), "What are the potential impacts of climate change for the UK?", *The Guardian*, 08.10.2013, available at: <https://www.theguardian.com/environment/2013/oct/08/potential-impacts-climate-change-uk> (accessed 30.10.2024).

22. Taylor, J.R. (2003), *Cognitive Grammar*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK.

23. Fernandez, C. (2023), "The British seabirds at risk of EXTINCTION: Experts warn Puffins, Fulmars, and Arctic Terns could be wiped out thanks to climate change", *Daily Mail*, 21.12.2023, available at: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-12890259/The-British-seabirds-risk-EXTINCTION-Experts-warn-Puffins-Fulmars-Arctic-Terns-wiped-thanks-climate-change.html> (accessed 24.10.2024).

24. Kubryakova, E.S., Dem'yankov, V.Z., Pankrats, Yu.G and Luzina, L.G. (1996), *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [Brief Dictionary of Cognitive Terms], in Kubryakova, E.S. (ed.), MSU, Moscow, RUS.

25. Boyd, M. (2020), "Frightening climate change map shows huge swathes of UK under water by 2050", *The Mirror*, 22.06.2020, available at: <https://www.mirror.co.uk/news/uk-news/frightening-climate-change-map-shows-21333264> (accessed 15.11.2024).

Information about the authors.

Larisa A. Kochetova – Dr. Sci. (Philology, 2013), Professor (2021), Professor at the Department of Theory and Practice of Translation and Linguistics, Volgograd State University, 100 Universitetsky ave., Volgograd 400062, Russia; Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: discourse, corpus linguistics, linguoculturology, media communication.

Maria N. Orlaynskaya – Assistant at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 4 scientific publication. Area of expertise: linguoculturology, stylistics, discourse, corpus linguistics.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 10.03.2025; adopted after review 14.04.2025; published online 19.06.2025.

Оригинальная статья

УДК 81'27

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-3-167-184>

Образы российских столиц в сознании россиян: Москва vs Петербург

Цзюаньцзюань Ван¹, Елена Валентиновна Ерофеева²

^{1, 2}Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,

¹1395487147@qq.com, <https://orcid.org/0009-0002-4892-0538>

²elena.v.erofeeva@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6659-6519>

Введение. Исследование посвящено анализу структуры образов Москвы и Санкт-Петербурга в языковом сознании россиян. Актуальность работы определяется значением этих городов для культурной, исторической и социальной жизни России, а также их ролью в развитии внутреннего и международного туризма. Научная новизна заключается в том, что впервые образы российских столиц рассматриваются как иерархически организованная совокупность признаков и эмоциональных компонентов.

Методология и источники. Методологическая база исследования опирается на когнитивный и психолингвистический подходы, в рамках которых образ рассматривается как форма ментальной репрезентации. В качестве теоретической основы использованы идеи о структуре образа, представленные в работах А. В. Брушлинского и Е. А. Сергиенко, Ф. Е. Василюка, Д. А. Леонтьева, а также R. W. Langacker, E. Rosch и др. Ключевым методом исследования является вербализация, позволяющая выявить когнитивные характеристики образа. При анализе полевой структуры образа выделяются компоненты ядра, предъядерной, средней и периферийной зон. Материал исследования был получен в ходе психолингвистического эксперимента, проведенного методом анкетирования в апреле 2023 г. среди 60 носителей русского языка, проживающих в разных регионах России. Участники эксперимента давали вербальные характеристики Москвы и Санкт-Петербурга, выделяя ключевые признаки и связанные с данными городами эмоции.

Результаты и обсуждение. В результате семантического и частотного анализа 687 полученных реакций построены и сопоставлены модели образов Москвы и Санкт-Петербурга. Результаты сопоставления показали, что образы российских столиц существенно отличаются как по составу компонентов, так и по их иерархии: образ Москвы характеризуется преобладанием объективных компонентов, отражающих масштабность и возможности, которые дает этот город; образ Санкт-Петербурга отличается большей активностью эмоциональных и культурно-исторических компонентов.

Заключение. Исследование образов Москвы и Петербурга на экспериментальном материале показало, что структура образа строится на основе многослойной когнитивной рамки, включающей признаки и эмоциональные компоненты. Эти компоненты взаимодействуют между собой, формируя общее восприятие городов. Полученные выводы позволяют лучше понять специфику восприятия российских столиц и могут использоваться при разработке маркетинговых и туристических стратегий продвижения городов.

© Ван Ц., Ерофеева Е. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: образ, моделирование, структура, признаки, эмоциональные компоненты, Москва, Санкт-Петербург

Для цитирования: Ван Ц., Ерофеева Е. В. Образы российских столиц в сознании россиян: Москва vs Петербург // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 3. С. 167–184. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-167-184.

Original paper

Images of Russian Capitals in the Consciousness of Russians: Moscow vs Petersburg

Juanjuan Wang¹, Elena V. Erofeeva²

^{1, 2}Perm State University, Perm, Russia,

¹1395487147@qq.com, <https://orcid.org/0009-0002-4892-0538>

²elena.v.erofeeva@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6659-6519>

Introduction. The study is devoted to analyzing the structure of the images of Moscow and St Petersburg in the linguistic consciousness of Russian speakers. The relevance of the research is determined by the importance of these cities for the cultural, historical, and social life of Russia, as well as their role in the development of domestic and international tourism. The scientific novelty lies in the fact that, for the first time, the images of the Russian capitals are considered as hierarchically organized sets consisting not only of feature-based but also emotional components, which are compared in terms of their weight within the image structure.

Methodology and sources. The methodological framework is based on cognitive and psycholinguistic approaches, within which the image is viewed as a form of mental representation. The theoretical foundation draws on ideas about image structure found in the works of A.V. Brushlinsky and E.A. Sergienko, F.E. Vasiluk, A.D. Leontiev, as well as R.W. Langacker, E. Rosch and others. The key method for studying the image is verbalization, which enables the identification of its cognitive characteristics. In the analysis of the field structure of the image, components of the core, near-core, middle, and peripheral zones are distinguished. The application of the proposed methodology allows for the exploration of the specific features of how cities are perceived within linguistic consciousness. The research material was obtained during a psycholinguistic experiment conducted through a questionnaire survey in April 2023 among 60 native Russian speakers residing in various regions of Russia. The participants provided verbal characterizations of Moscow and St Petersburg, highlighting key features and emotions associated with these cities.

Results and discussion. As a result of semantic and frequency analysis of the 687 responses collected, models of the images of Moscow and St Petersburg were constructed and compared. The comparison results revealed that the images of Moscow and St Petersburg differ significantly not only in the composition of components but also in their hierarchy: the image of Moscow is characterized by a predominance of objective components reflecting its scale and the opportunities it offers, while the image of St Petersburg demonstrates greater intensity of emotional and cultural-historical components.

Conclusion. A study of the images of Moscow and St Petersburg using experimental material showed that the structure of the image is constructed on a multi-layered cognitive framework, including attributive and emotional components. The conclusions drawn provide a deeper understanding of how Russia's capitals are perceived and can be used in the development of marketing and tourism promotion strategies for cities.

Keywords: image, modeling, structure, features, emotional components, Moscow, St Petersburg

For citation: Wang, Ju. and Erofeeva, E.V. (2025), "Images of Russian Capitals in the Consciousness of Russians: Moscow vs Petersburg", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 3, pp. 167–184. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-167-184 (Russia).

Введение. Роль образа в когнитивной системе человека трудно переоценить. Образ – одна из важнейших разновидностей ментальных репрезентаций – психических моделей реальности индивида, форм фиксации знания, зависящих от опыта [1, 2].

Зачастую сама ментальная репрезентация определяется как образ, например: «Ментальная репрезентация – внутренний (психический, ментальный) образ или формат кодирования» [3]; «Ментальная репрезентация – это актуальный умственный образ того или иного конкретного события (т. е. субъективная форма “видения” происходящего)» [4, с. 245] и др. Такое широкое понимание образа противопоставлено более узкому, рассматривающему образ как один из видов ментальных репрезентаций наряду с когнитивными картами, концептами, прототипами, схемами, сценариями и т. п. [5–11 и мн. др.].

Образ, будучи отдельным видом ментальной репрезентации, участвует в формировании других ментальных репрезентаций и в определенном смысле обеспечивает их взаимосвязь. Образы, являясь конкретными представлениями, формируют основу для создания абстрактных понятий. Так, множество конкретных образов деревьев приводит к формированию общего понятия «дерево». Образы представляют собой конкретные визуализации, которые могут возникать в ответ на понятия или быть интегрированы с ними в процессе мышления [12]. Понятия обогащаются культурными и эмоциональными аспектами, становясь концептами, и концепт «дерево» уже включает в себя культурные ассоциации как символ жизни или природы [8], в свою очередь связанные с образами. В основе прототипа концепта также лежит образ объекта [13]. Кроме того, образы-схемы – повторяющиеся, абстрактные, динамические модели восприятия, обеспечивающие связность опыта, являются промежуточным звеном между конкретными образами и абстрактными понятиями, помогая структурировать восприятие и мышление [14]. Образ-схемы связывают конкретные образы и абстрактные понятия, обеспечивая когнитивную структуру для восприятия и мышления.

Таким образом, образы, понятия, концепты и образ-схемы представляют собой взаимосвязанные элементы когнитивной структуры, обеспечивающие эффективное восприятие, понимание и коммуникацию. Они переходят от конкретного к абстрактному, обогащая наше восприятие и знание мира. И роль образа в данной структуре нельзя недооценивать.

Вербализация образа – процесс, посредством которого сенсорные и визуальные представления преобразуются в словесную форму. Образ начинается как сенсорный опыт, который мыслимо и концептуально перерабатывается в процессе вербализации. Язык в данном случае функционирует как инструмент, позволяющий индивидуальные когнитивные структуры сделать доступными для социального взаимодействия [15]. Вербализация образа – путь его перехода в понятие. При вербализации существенные характеристики, которые были восприняты на уровне образа, трансформируются и уточняются в более абстрактных и обобщенных понятиях. Отдельные элементы, такие как цвет, форма или детали, заметные в первичном образе, в понятии уступают место более общим и значимым атрибутам, что позволяет формировать универсальные категории мышления [16]. Язык как средство передачи мысли ограничен и не может полностью передать все аспекты сенсорного опыта. Существующая граница между вер-

бализацией и восприятием подчеркивает, что образы могут сохранять определенную независимость от понятий, внося в них элементы непредсказуемости и индивидуального восприятия [16], тем не менее исследование образов путем их вербализации – единственно возможный путь, при котором характеристики образов могут быть выявлены через анализ вербальных структур, используемых для их описания. Вербализация образа не только фиксирует его сущность, но и открывает возможности для детального лингвистического исследования, что является важным для дальнейшего развития когнитивной лингвистики [17].

Образ – это не аморфное образование, его структура представляет собой сложную психическую конструкцию, в которую в качестве ключевых компонентов входят: 1) предметное содержание – компонент, связанный с внешним миром, конкретными объектами и ситуациями, которые представляются в образе; 2) личностный смысл – компонент, отражающий внутренний мир человека, его мотивацию, потребности и ценности; 3) значение – компонент, который относится к культурным и социальным аспектам образа, те общепринятые смыслы и концепции, которые связаны с содержанием образа; 4) слово или знак – компонент, связанный с языковым аспектом образа, который представлен словами или символами, и важный для вербального выражения образа и его коммуникативной функции [18]. Эти компоненты взаимодействуют и образуют целостную структуру образа. Каждый из этих компонентов имеет свою чувственную ткань (сенсорный аспект), который придает образу живость и эмоциональную окраску [19].

Компоненты образа можно разделить на признаковые (или семантические) и эмоциональные. Признаковые компоненты связаны с объективными характеристиками объекта. Это могут быть форма, цвет, размер и другие свойства, которые можно описать и идентифицировать. Эти компоненты чаще всего связаны с предметным содержанием и значением. Эмоциональные компоненты отражают чувства и переживания, связанные с образом [20], включают личностные смыслы и «чувственную ткань», которые придают образу индивидуальную эмоциональную окраску. Эмоции играют ключевую роль в том, как образ воспринимается и запоминается.

Взаимодействие между признаковыми и эмоциональными компонентами создает целостный и многомерный образ: признаковые компоненты обеспечивают структуру и четкость образа, в то время как эмоциональные компоненты придают ему глубину и личностную значимость [18].

Итак, являясь одним из видов ментальных репрезентаций, образ связан с другими ментальными репрезентациями, прежде всего с понятием и концептом. Его структура довольно сложна и включает как чисто сенсорные компоненты, так и признаковые компоненты, сближающие его с понятием, в то же время образ не может не быть окрашен эмоционально. Все эти сложные аспекты когнитивной структуры образа изучены недостаточно, что определяет актуальность их исследования.

В настоящей статье предметом изучения являются образы российских столиц – Москвы и Петербурга. Рассматриваются признаковые и эмоциональные компоненты и их взаимосвязь в полевой структуре образов указанных городов.

Выбор объектов исследования – Москвы и Санкт-Петербурга – обусловлен ролью данных городов в настоящем и прошлом России, а также их туристическим потенциалом. Москва –

столица Российской Федерации, политический, экономический и культурный центр страны. Она славится своим историческим центром, в который входят Кремль, Красная площадь, собор Василия Блаженного и многие другие объекты, являющиеся символами города; Москва сочетает в себе историческое наследие и современную архитектуру. Санкт-Петербург – бывшая столица Российской империи, город, построенный Петром I, неофициальная культурная столица России, в которой сосредоточено большое количество музеев и парков. Этот город связан с тремя русскими революциями. Из-за уникальной архитектуры и многочисленных водных путей Санкт-Петербург называют Северной Венецией. Без сомнения, обе столицы входят в число самых посещаемых городов России. По данным российского Агентства спутниковых новостей, в 2023 г. Москву посетило 24,5 млн, а Петербург – 9,4 млн туристов. Это позволяет предположить, что образы Москвы и Санкт-Петербурга у многих россиян сформированы с учетом собственного опыта или как минимум опыта близких родственников или знакомых.

Методология и источники. Исследование построено как психолингвистический эксперимент, в рамках которого проводился опрос информантов по поводу того, как они охарактеризуют российские столицы и какие эмоции относительно них испытывают. В анкете просили написать 3–5 слов или словосочетаний, характеризующих данный город, а также не менее трех слов, характеризующих эмоции, которые вызывает этот город.

Выборка информантов была случайной. В опросе участвовало 60 человек, проживающих в разных регионах России. В результате анкетирования было получено 687 реакций (375 реакций, касающихся характеристик российских столиц; 312 реакций, касающихся эмоций, вызываемых ими). Эти реакции и послужили материалом исследования.

Выявление структуры образов российских столиц основывалось на анализе материала анкет. Ответы на вопросы, связанные с названием характеристик объекта, в исследовании характеризовались как реакции, описывающие признаковые компоненты образа; ответы на вопросы относительно эмоций, которые вызывает объект, характеризовались как реакции, описывающие эмоциональную составляющую образа.

Полученный материал обрабатывался в информационной системе «Семограф» [21], которая позволяет проводить классификацию (в том числе иерархическую) лингвистических объектов по любому заложенному исследователем признаку и автоматически получать численные параметры выделенных классов [22, 23 и др.]. В «Семографе» на основе семантического анализа реакций была реализована иерархическая (двухуровневая) классификация признаковых и эмоциональных компонентов образов Москвы и Санкт-Петербурга и получены объемы классов (отметим, что в «Семографе» общий объем класса может быть меньше, чем сумма объемов подклассов, так как за контекст принимается один ответ информанта, составляющие которого могут быть отнесены к разным подклассам, но в общем классе контекст засчитывается один раз).

Объемы классов позволили построить полевую модель образов Москвы и Санкт-Петербурга. На основе анализа распределения частот классов методом каменистой осыпи выделялись ядерные и предъядерные классы, средняя зона образа и его периферия отдельно для признаковых и эмоциональных компонентов. Совмещение полевых моделей признаковых и эмоциональных компонентов позволило проанализировать оба аспекта образа одновременно.

Таким образом, в исследовании были использованы следующие методы: в качестве метода сбора материала – анкетирование; в качестве методов анализа материала – семантический анализ, классификация, статистические методы, а также моделирование. Особое внимание уделялось анализу полевой структуры образов, позволяющему выявить основные и периферийные элементы в образах российских столиц и сопоставить их.

1. Признаковая структура образов Москвы и Петербурга.

1.1. Классификация признаков, формирующих образы городов.

Созданная двухуровневая классификация признаков компонентов основана на анализе ответов информантов относительно характеристик Москвы и Санкт-Петербурга и отражает многообразие восприятия этих городов. Основные классы данной классификации с примерами представлены в табл. 1 (показаны только те классы признаков, которые указали более 10 % информантов).

Самым крупным классом является класс НАСТРОЕНИЕ (44 реакции), который содержит два подкласса: НАСТРОЕНИЕ+ (20 реакций) – подкласс, описывающий положительное восприятие города, и НАСТРОЕНИЕ– (24 реакции) – подкласс, описывающий отрицательное восприятие. Как видим, российские столицы несколько чаще вызывают негативное настроение, чем позитивное.

Вторым по объему классом является класс РАЗМЕР (37 реакций), при этом почти все информанты указывают на большие размеры Москвы и Санкт-Петербурга.

Следующим по объему является класс КРАСОТА (36 реакций), объединяющий реакции, в которых информанты отмечают красоту рассматриваемых городов; при этом может упоминаться и красота всего города, и красота конкретных объектов в городе.

Еще одним крупным классом является класс КУЛЬТУРА (35 реакций), который содержит следующие подклассы: АРХИТЕКТУРА (20 реакций), включающий названия архитектурных достопримечательностей и указание на наличие незаурядной архитектуры; КУЛЬТУРА+ (10 реакций), объединивший реакции, указывающие на наличие культуры; МУЗЕИ (10 реакций), сформированный реакциями с упоминаниями музеев вообще и конкретных музеев; ИСКУССТВО (7 реакций). Как видим, описание культуры Москвы и Санкт-Петербурга дается информантами с точки зрения разных аспектов.

Для информантов также важно описание ИСТОРИИ (27 реакций) российских столиц. Упоминаются исторические события, эпохи или исторические деятели, связанные с конкретным городом. Данный класс на подклассы не разделялся.

При ответе информанты часто указывают на то, какие ЧУВСТВА (23 реакции) у них вызывают рассматриваемые города, что еще раз показывает неразрывную связь образа с чувственным опытом индивида.

Класс ЛЮДИ (20 реакций) также довольно часто реализовывался в ответах информантов. Этот класс объединил реакции, в которых упоминались жители городов, имена выдающихся личностей, связанных с Москвой и Санкт-Петербургом, но чаще всего – большое количество людей в мегаполисах.

Реакции класса ШУМ (20 реакций) (сразу отметим, что такие реакции информанты давали только для Москвы) указывают на восприятие этого города как шумного, оживленного и часто связаны с реакциями на многолюдность Москвы и ее плохую экологию.

Таблица 1. Классы признаков в структуре образа
Table 1. Classes of features in the image structure

Класс	Примеры	Объем (абс.)
НАСТРОЕНИЕ	<i>Душно и тепло; спокойный, уютный, красивый, сказочный, исторический; величественный, стройный, серый, тяжелый, противоречивый; величественный, приятный для жизни...</i>	44
РАЗМЕР	<i>Шумная, большая, постоянно в стройке; большой, многолюдный, громкий; большой мегаполис. Город возможностей. Есть где учиться, отдыхать; величие, размах и простор, культурная столица...</i>	37
КРАСОТА	<i>Шумно, красиво, современно; очень красивый, комфортный и дорогой город; величие, мощь, красота, жизнь кипит; история, красота, размеренность; очень красивый, душевный, грандиозный, исторический...</i>	36
КУЛЬТУРА	<i>История, атмосфера, культура; дождливый, культурный и исторический; город-музей, красивый, завораживающий; романтика, архитектура, аристократизм, культура...</i>	35
ИСТОРИЯ	<i>Исторические места, многомиллионник, музеи и архитектура; шумно, много людей, дорого, история, столица; история, дожди, искусство, серый; архитектура, история, флот РФ; исторический центр, музеи...</i>	27
ЧУВСТВА	<i>Большая, грязная, шумная, спесивая; очень большой, незнакомый, комфортный; асфальт. Сигаретный дым. Поэзия. Чувства. Вино; большой, скучный, грязный; спокойный, уютный, красивый, сказочный, исторический; прямой, строгий, мрачный...</i>	23
ЛЮДИ	<i>Шум, многолюдность, имперский, контрасты, расстояния; красивый большой муравейник; культура, искусство, великолепие, много туристов, историческая память, Нева; Пётр I...</i>	20
ШУМ	<i>Шум, суэта, Кремль, президент; шумный, тесный город, гигантский пылесос; дорого, шумно, чисто; шумный, резкий, динамичный...</i>	20
ВОЗМОЖНОСТИ	<i>Столица, метро, движение, возможности; шум, много людей, много возможностей; суэта, наглость, возможность; промозглый, древний, полон возможностей...</i>	18
ЦЕНТР	<i>Столица, красота, роскошь; столичный, населенный и оживленный; красивый, фундаментальный, новый центр...</i>	14
НАСЛЕДИЕ	<i>Величие, Красная площадь, ВДНХ; шум, гам, транспорт, Красная площадь, Кремль, Третьяковская галерея; культура, искусство, великолепие, много туристов, историческая память, Нева; Эрмитаж...</i>	13
ПРИРОДА	<i>Масштабы. Возможности. Мало воздуха; Петр I, Екатерина II, три революции, Финский залив, Нева; Север, Нева, закат, белые ночи, золотая осень, морозящий дождь...</i>	13
СИЛА	<i>Красота, масштабность, величие; красивый, просторный, очень живой, город с сильным размеренным пульсом; величие, размах и простор, культурная столица; величественный, стройный, серый, тяжелый, противоречивый...</i>	13
УДОБСТВО	<i>Шум, гам, транспорт, Красная площадь, Кремль, Третьяковская галерея; метро; пробки; красивый, творческий, уютный; спокойный, уютный, красивый, сказочный, исторический...</i>	10
ГОРОДА И РАЙОНЫ	<i>Мегаполис, большой, не стильный; сорок сороков. Вторая столица (первая – Киев, третья – Петербург). Большая деревня; культурная столица России. Город трех революций. Город, переживший блокаду. Белые ночи...</i>	9
ДЕНЬГИ	<i>Суэта, красота, возможность немного заработать; красивый город, все деньги там, мегаполис; шумно, много, богато; дорогой...</i>	9
ПОГОДА	<i>Север, Нева, закат, белые ночи, золотая осень, морозящий дождь; Петр I, мосты, прогулка, дождь; красивый, впечатляющий, дождливый...</i>	8
ЧИСТОТА	<i>Большая, грязная, шумная, спесивая; шумный, пыльный, «движущий»; дорого, шумно, чисто; большой, скучный, грязный...</i>	8
РАЗНООБРАЗИЕ	<i>Большая, разная, красивая; величавая, разнообразная, красивая, очень чистый город, много музеев и церквей, восхищение...</i>	7

Класс ВОЗМОЖНОСТИ (18 реакций) объединяет реакции информантов, отражающие их мнение относительно возможностей, которые изучаемые города предоставляют для развития; эти возможности могут быть связаны с экономической, профессиональной или другими сферами.

В класс ЦЕНТР (14 реакций) вошли реакции, подчеркивающие значимость данных городов для России как центров экономической, культурной, политической жизни страны.

Класс НАСЛЕДИЕ (13 реакций) включает реакции, называющие реалии национального наследия, является неотъемлемой частью некоторых исторических и культурных объектов.

Класс ПРИРОДА (13 реакций) содержит следующие подклассы: ВОДА (11 реакций), включающий не только упоминания воды и названия водных объектов; ПРИРОДА+ (4 реакции), в который вошли положительные оценки природы; ВОЗДУХ (3 реакции), объединивший реакции относительно качества воздуха; РАСТЕНИЯ (2 реакции), в котором упоминается наличие или отсутствие растительности.

Класс СИЛА (13 реакций) является не самым объемным, но важным для информантов, которые упоминают силу и величие городов в разных аспектах.

Класс УДОБСТВО (10 реакций) описывает характеристики городов с точки зрения их удобства или неудобства для жителей и приезжих, поэтому включает соответствующие подклассы УДОБСТВО+ (8 реакций) и УДОБСТВО– (3 реакции).

В реакциях информантов часто встречаются слова *столица*, *мегаполис*, *запад* и т. п. Они были объединены в класс ГОРОДА И РАЙОНЫ (9 реакций).

Реакции класса ДЕНЬГИ (9 реакций) касаются экономических аспектов жизни, которые респонденты связывают с богатством, экономическим развитием или финансами.

Небольшой класс ПОГОДА (8 реакций) включает характеристики, связанные с погодными условиями: температуру, дождь, туман и т. п. Отметим сразу, что данный класс реакций встретился только при описании характеристик Санкт-Петербурга.

Класс ЧИСТОТА (8 реакций) содержит реакции, связанные с чистотой города, и два подкласса – ЧИСТЫЙ (4 реакции) и ГРЯЗНЫЙ (4 реакции).

Еще один класс РАЗНООБРАЗИЕ (7 реакций) включает характеристики, отражающие разнообразие города.

Остальные классы признаков указали менее 10 % информантов, тем не менее опишем их. При характеристике столичных городов информанты обращаются к классам ГОСУДАРСТВО (6 реакций – *шум*, *Скорость*, *Деньги*, *Власть*; *мегаполис*, *столица России*, *Красная площадь*, *Кремль*; *красота*, *дворцы*, *имперская Россия*, *искусство*...), ОТДЫХ (6 реакций – *большой мегаполис*, *Город возможностей*, *Есть где учиться*, *отдыхать*; *столица*, *развлечения*, *праздники*...), СКОРОСТЬ (6 реакций – *шум*, *скорость*, *перемены*; *шумный*, *быстрый*, *впечатляющий*; *шум*, *Скорость*, *Деньги*, *Власть*...). Эти реакции отметили мало информантов, однако для столичных городов эти характеристики также являются важными. Совсем редко упоминаются реакции классов УНИКАЛЬНОСТЬ (2 реакции), ЕДА И НАПИТКИ (1 реакция), РАССТОЯНИЕ (1 реакция), РЕЛИГИЯ (1 реакция), ЭКОЛОГИЯ (1 реакция).

Эта классификация охватывает все основные аспекты, отраженные в образах Москвы и Санкт-Петербурга в сознании россиян. Опираясь на полученную классификацию, опишем полевую признаковую структуру образов российских столиц.

1.2. Полевая признаковая структура образов Москвы и Санкт-Петербурга.

Объемы основных классов признаков в образах Москвы и Санкт-Петербурга представлены в сопоставлении на рис. 1 (поскольку объемы выборок ответов для разных городов отличаются, данные показаны в процентах от общего количества реакций для каждого города). Согласно методу каменистой осыпи в полевой структуре образов Москвы и Санкт-Петербурга были выделены ядерные классы, классы предъядерной зоны и средней зоны (табл. 2).

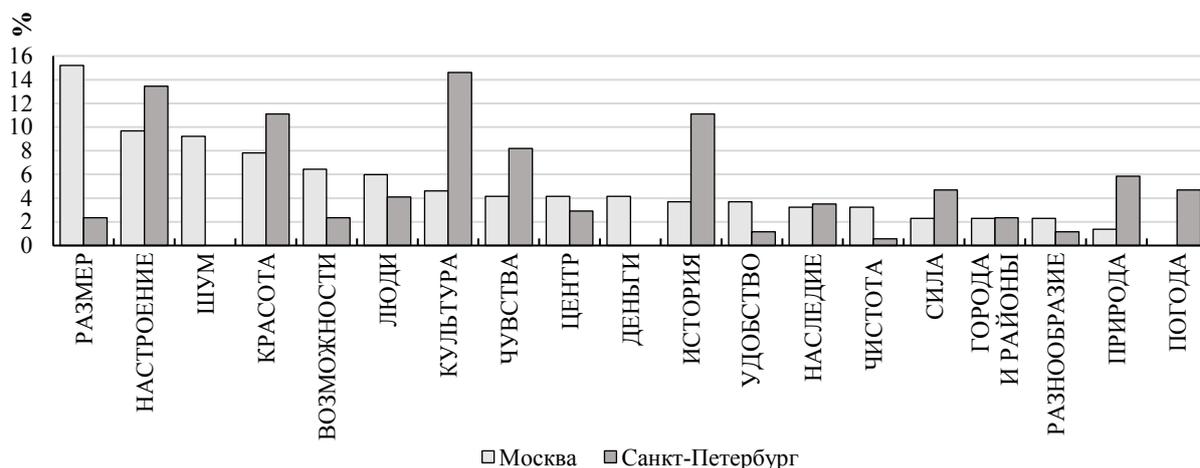

Рис. 1. Объем основных классов признаков в образах Москвы и Санкт-Петербурга
Fig. 1. The volume of the main classes of features in the images of Moscow and St Petersburg

Таблица 2. Классы признаков в полевой структуре образов Москвы и Санкт-Петербурга
Table 2. Classes of features in the field structure of images of Moscow and St Petersburg

Зона полевой структуры	Москва	Санкт-Петербург
Ядерная зона	РАЗМЕР	КУЛЬТУРА
Предъядерная зона	НАСТРОЕНИЕ ШУМ КРАСОТА ВОЗМОЖНОСТИ ЛЮДИ	НАСТРОЕНИЕ КРАСОТА ИСТОРИЯ ЧУВСТВА ПРИРОДА
Средняя зона	КУЛЬТУРА ЧУВСТВА ЦЕНТР ДЕНЬГИ ИСТОРИЯ УДОБСТВО НАСЛЕДИЕ ЧИСТОТА СИЛА ГОРОДА И РАЙОНЫ РАЗНООБРАЗИЕ	СИЛА ПОГОДА ЛЮДИ НАСЛЕДИЕ ЦЕНТР РАЗМЕР ГОРОДА И РАЙОНЫ ВОЗМОЖНОСТИ

Как показывают рис. 1 и табл. 2, полевые структуры образов Москвы и Санкт-Петербурга значительно различаются. Прежде всего ядра образов не совпадают: для Москвы ядерным классом характеристик является РАЗМЕР, что подчеркивает ее масштаб, а для Санкт-Петербурга – КУЛЬТУРА, что отражает богатое культурное наследие города. Несмотря на то, что в Москве так же, как в Санкт-Петербурге, сосредоточены богатейшие объекты культурного наследия, класс КУЛЬТУРА в образе Москвы оказывается лишь в средней зоне полевой структуры образов российских столиц в сознании россиян: Москва vs Петербург

туры образа. Аналогично Санкт-Петербург является одним из крупнейших мегаполисов России, но класс РАЗМЕР в его образе также находится в средней зоне. Другие признаки оказываются более важными в структурах образов данных городов.

В предъядерную зону полевой структуры образа Москвы вошли такие характеристики, как НАСТРОЕНИЕ, ШУМ, КРАСОТА, ВОЗМОЖНОСТИ и ЛЮДИ. Для образа Санкт-Петербурга элементами предъядерной зоны стали НАСТРОЕНИЕ, КРАСОТА, ИСТОРИЯ, ЧУВСТВА и ПРИРОДА. Общими компонентами образов Москвы и Санкт-Петербурга являются НАСТРОЕНИЕ и КРАСОТА, однако на уровне подклассов НАСТРОЕНИЕ– чаще отмечается для Москвы (17 реакций), тогда как НАСТРОЕНИЕ+ – для Санкт-Петербурга (16 реакций). Такие элементы образа МОСКВЫ, как ВОЗМОЖНОСТИ и ЛЮДИ, акцентируют внимание на энергичности и возможности развития в столице; предъядерный класс ШУМ является уникальным для образа Москвы и дополняет картину активно развивающегося шумного многолюдного мегаполиса. Напротив, в предъядерную зону полевой структуры образа Санкт-Петербурга, в отличие от Москвы, включены поля ИСТОРИЯ, ЧУВСТВА, ПРИРОДА, что создает образ города, с богатым историческим наследием, вызывающего эмоциональный отклик; класс признаков ПРИРОДА подчеркивает уникальный природный ландшафт города.

Таким образом, ядерная и предъядерная зоны образов Москвы и Санкт-Петербурга противопоставляют русские столицы как современный масштабный центр активности и возможностей, имеющий большой размер (Москва), и культурный исторический центр страны (Санкт-Петербург), что в целом соответствует стереотипным представлениям об этих городах.

Анализ средних зон полевой структуры образов обоих городов показывает, что зачастую в средних зонах оказываются классы признаков, вошедшие в ядро и предъядерную зону противопоставленного города (см. табл. 2). Так, в среднюю зону образа Москвы попали такие признаки, как КУЛЬТУРА, ЧУВСТВА, ИСТОРИЯ, характерные для ядра и предъядерной зоны образа Санкт-Петербурга; а в среднюю зону образа Санкт-Петербурга попали признаки ЛЮДИ, РАЗМЕР, ВОЗМОЖНОСТИ, характерные для ядра и предъядерной зоны образа Москвы. Кроме того, в средней зоне образов обеих городов оказываются идентичные признаки ЦЕНТР, СИЛА, НАСЛЕДИЕ, ГОРОДА И РАЙОНЫ. Тем не менее есть признаки средней зоны, полностью различающие образы российских столиц: для Москвы такими являются ДЕНЬГИ, УДОБСТВО, ЧИСТОТА и РАЗНООБРАЗИЕ, а для Санкт-Петербурга – ПОГОДА.

В целом полевые структуры образов Москвы и Санкт-Петербурга не жестко противопоставлены и строятся на схожих признаках, однако акценты в важности признаков оказываются разными. Кроме того, образ Москвы включает больше аспектов, в том числе делается акцент на удобство и разнообразие; особенностью образа Санкт-Петербурга является указание на природу и климатические условия.

2. Эмоциональное поле Москвы и Петербурга.

2.1. Классификация эмоций, вызываемых городами.

Помимо классификации признаков рассматриваемых городов, на основе анализа ответов информантов была создана и классификация эмоций, вызываемых Москвой и Санкт-Петербургом. Основные классы данной классификации с примерами представлены в табл. 3.

Таблица 3. Классы эмоций, вызываемых городами у информантов
Table 3. Classes of emotions caused by cities in informants

Класс	Примеры	Объем (абс.)
ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ	<i>Весело, интересно, радостно; интерес, свобода, энергичность; радость, восторг, умиротворение; любовь, наслаждение, гордость; вежливость, открытость, позитив...</i>	79
СОЦИАЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ	<i>Восторг, ностальгия, гордость; восхищение, гордость, любовь к Родине; усталость, энергия, вдохновение на развитие; культура, более цивилизованный народ; много людей, дорогое проживание, пробки...</i>	50
ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ	<i>Неопределенность. Потерянность. Страх; недоверие, фрустрация, скука; скучно, утомительно, не нравится; восхищение, разочарование, стресс...</i>	32
СЕНСОРНЫЕ ОЩУЩЕНИЕ	<i>Любимый, родной, очень красивый, европейский, добрый; морской воздух на набережных; спокойствие, созерцание, расслабление...</i>	13
ВОЛНЕНИЕ	<i>Волнение, трепет, настороженность; интерес, вдохновение, трепет, оторопь; радость, волнение, настороженность...</i>	7
УДИВЛЕНИЕ	<i>Веселье, неуютность, удивление; удивление, недоверие, любопытство; восхищение, удивление, радость...</i>	6
ОТСУТСТВИЕ ЭМОЦИЙ	<i>Нейтральность, безразличие, хорошие встречи; 0 эмоций; никаких...</i>	3

Самым крупным при классификации оказался класс ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ эмоции (79 реакций), который содержит следующие подклассы: ВОСХИЩЕНИЕ (27 реакций), ИНТЕРЕС (21 реакция), РАДОСТЬ (28 реакций), СПОКОЙСТВИЕ (19 реакций), ПОЗИТИВ (14 реакций), УДОВЛЕТВОРЕНИЕ (8 реакций), ВДОХНОВЕНИЕ (9 реакций), ЛЮБОВЬ (8 реакций), ДОБРОТА (6 реакций), СЧАСТЬЕ (4 реакции), БОДРОСТЬ (5 реакций).

Для информантов также важно описание СОЦИАЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ (50 реакций), которые вызывают города. Они могут просто упоминать СОЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ (26 реакций), а могут приводить примеры конкретных социальных эмоций, связанных с этим местом: НОСТАЛЬГИЯ (11 реакций), ГОРДОСТЬ (8 реакций), УВАЖЕНИЕ (2 реакции), РАЗВИТИЕ (6 реакций), ДЕНЬГИ (3 реакции), ЭТИКА (4 реакции), ПАТРИОТИЗМ (2 реакции).

Класс ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ эмоции (32 реакции) объединяет реакции информантов, отражающие их мнение относительно негативного восприятия городов. Эти эмоции могут быть связаны с неприятными воспоминаниями: НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ (11 реакций), НАПРЯЖЕННОСТЬ (11 реакций), ТОСКА (11 реакций), УСТАЛОСТЬ (8 реакций), НЕДОВЕРИЕ (6 реакций), СТРАХ (5 реакций).

При ответе информанты довольно часто указывают на то, какие СЕНСОРНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ (13 реакций) разных модальностей – зрительной, слуховой, вкусовой, тактильной – у них вызывают рассматриваемые города. В данный класс были включены все реакции, которые довольно сложно отнести к эмоциям, но информанты называли их в эксперименте. В результате были выделены следующие подклассы: ВИД (11 реакций), объединяющий реакции с компонентами зрительной модальности; КЛИМАТ (6 реакций), включающий реакции, основанные на комплексных температурных и других погодных ощущениях.

Классы ВОЛНЕНИЕ (7 реакций) и УДИВЛЕНИЕ (6 реакций) не имеют подклассов, но они также важны при рассмотрении образов городов.

Реакции класса **ОТСУТСТВИЕ ЭМОЦИЙ**, отмечающие равнодушное отношение к городу (всего 3 реакции), показывают, что чаще всего такие реакции дают люди, которые имеют непродолжительный опыт пребывания в данном месте.

Опираясь на полученную классификацию, опишем эмоциональный фон российских столиц по данным опроса.

2.2. Эмоциональное поле Москвы и Санкт-Петербурга.

Объемы основных классов эмоций, вызываемых Москвой и Санкт-Петербургом представлены в сопоставлении на рис. 2 (данные приведены в процентах от общего количества реакций для каждого города). Согласно методу каменистой осыпи в поле эмоций относительно Москвы и Санкт-Петербурга были выделены ядерные классы и классы предъядерной и средней зон (табл. 4).

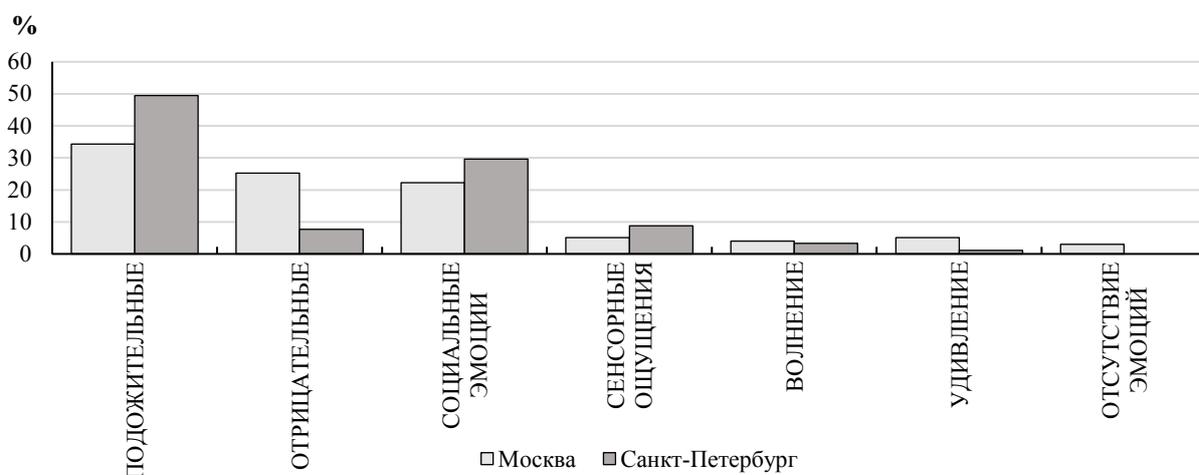

Рис. 2. Объем основных классов эмоций, вызываемых Москвой и Санкт-Петербургом
Fig. 2. The volume of the main classes of emotions caused by Moscow and St Petersburg

Таблица 4. Классы эмоций в полевой структуре образов Москвы и Санкт-Петербурга
Table 4. Classes of emotions in the field structure of images of Moscow and St Petersburg

Зоны поля эмоций	Москва	Санкт-Петербург
Ядерная зона	ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ	ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ
Предъядерная зона	ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ	СОЦИАЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ
Средняя зона	СЕНСОРНЫЕ ОЩУЩЕНИЕ УДИВЛЕНИЕ	СЕНСОРНЫЕ ОЩУЩЕНИЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ

Как показано на рис. 2 и в табл. 4, существуют общие черты и различия в эмоциональных откликах, вызываемых Москвой и Санкт-Петербургом. Во-первых, для обоих городов ядро эмоций – это **ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ** эмоции, при этом Санкт-Петербург вызывает гораздо больше положительных эмоций (45 реакций), чем Москва (34 реакции). Если обратиться к подклассам класса **ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ**, то видно, что Санкт-Петербург значительно превосходит Москву по нескольким подклассам, таким как **СПОКОЙСТВИЕ** (Санкт-Петербург – 15, Москва – 4) и **ЛЮБОВЬ** (Санкт-Петербург – 7, Москва – 1). Однако есть один подкласс, характерный только для Москвы, – это подкласс **БОДРОСТЬ** (5). Таким образом, помимо таких общих положительных эмоций, как восхищение, интерес и радость, Москва вызывает прилив энергии, в то время как Санкт-Петербург – чувства умиротворения и любви, что соотносится и с признаковой структурой образа.

В предъядерную зону эмоционального поля Москвы вошли ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ и СОЦИАЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ, в то время как для Санкт-Петербурга в эту зону попал только класс СОЦИАЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ. Очевидно, что Москва у информантов вызывает больше негативных эмоций (25 реакций), в то время как Санкт-Петербург упоминается лишь в 7 случаях. Например, в структуре эмоциональных оценок Москвы присутствуют такие уникальные подклассы, как СТРАХ, НАПРЯЖЕННОСТЬ и НЕДОВЕРИЕ, которые отсутствуют при описании эмоций, вызываемых Санкт-Петербургом. Что касается общего предъядерного класса СОЦИАЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ, то оба города вызывают сходные эмоциональные отклики (Москва – 23 реакции, Санкт-Петербург – 27 реакций), реакции данного класса на уровне подклассов в основном совпадают; только два подкласса – ДЕНЬГИ (3 реакции) для Москвы (см. выше структуру выделенных признаков образа) и УВАЖЕНИЕ (2 реакции) для Санкт-Петербурга – являются уникальными в структуре данного класса у разных городов.

Анализ средних зон эмоциональных полей двух городов показывает, что они оба вызывают СЕНСОРНЫЕ ОЩУЩЕНИЕ (Москва – 5 реакций, Санкт-Петербург – 8 реакций), при этом в структуре данного класса для Санкт-Петербурга выделяется подкласс КЛИМАТ И ПРИРОДА (5 реакций), что повторяет выделенные признаки в структуре образа. Средняя зона эмоций, вызванных Москвой, также включает класс УДИВЛЕНИЕ (5 реакций), что указывает на неожиданное впечатление, часто производимое Москвой. В среднюю зону эмоций в образе Санкт-Петербурга попадают ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ (7 реакций), основной среди которых является ТОСКА (5 реакций).

В целом эмоциональные поля, вызванные Москвой и Санкт-Петербургом, так же, как и признаки, на которых основываются их образы, не являются противопоставленными, а основаны на схожих аспектах, за исключением заметных различий в отрицательных эмоциях.

3. Признаково-эмоциональные образы Москвы и Санкт-Петербурга.

Признаковые и эмоциональные компоненты образа существуют не раздельно, а взаимодействуют в структуре образа. Это подтверждается, в частности, тем, что информанты при ответе на вопрос о характеристиках городов включают в эти характеристики эмоции (см. п. 2.1: класс НАСТРОЕНИЕ, самый крупный из всех признаков классов, а также класс ЧУВСТВА, имеющий достаточно большой объем), и в то же время, называя социальные эмоции, включают в них очевидные признаки (например, РАЗВИТИЕ, ДЕНЬГИ). Поэтому рассмотрим взаимодействие признаков и эмоциональных компонентов в структуре образов Москвы и Санкт-Петербурга.

На рис. 3 показаны распределения на уровне наиболее крупных подклассов (и классов в том случае, если класс не делится на подклассы) признаков и эмоциональных компонентов в образах Москвы и Санкт-Петербурга в их совокупности.

Как видно из рис. 3, из 17 наиболее крупных компонентов, формирующих основу образа Москвы, 9 являются признаковыми (БОЛЬШОЙ РАЗМЕР, ШУМ, КРАСОТА, ВОЗМОЖНОСТИ, ЛЮДИ, АРХИТЕКТУРА, ЦЕНТР, ДЕНЬГИ, ИСТОРИЯ); 6 описывают эмоции, вызываемые Москвой (СОЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ, ВОСХИЩЕНИЕ, ИНТЕРЕС, НАПРЯЖЕННОСТЬ, РАДОСТЬ, НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ); еще два, отмеченные в признаках, тем не менее тоже относятся к эмоциям (НАСТРОЕНИЕ– и ЧУВСТВА). Можно заметить, что эмоциональные компоненты не являются ведущими, однако существенны в структуре образа.

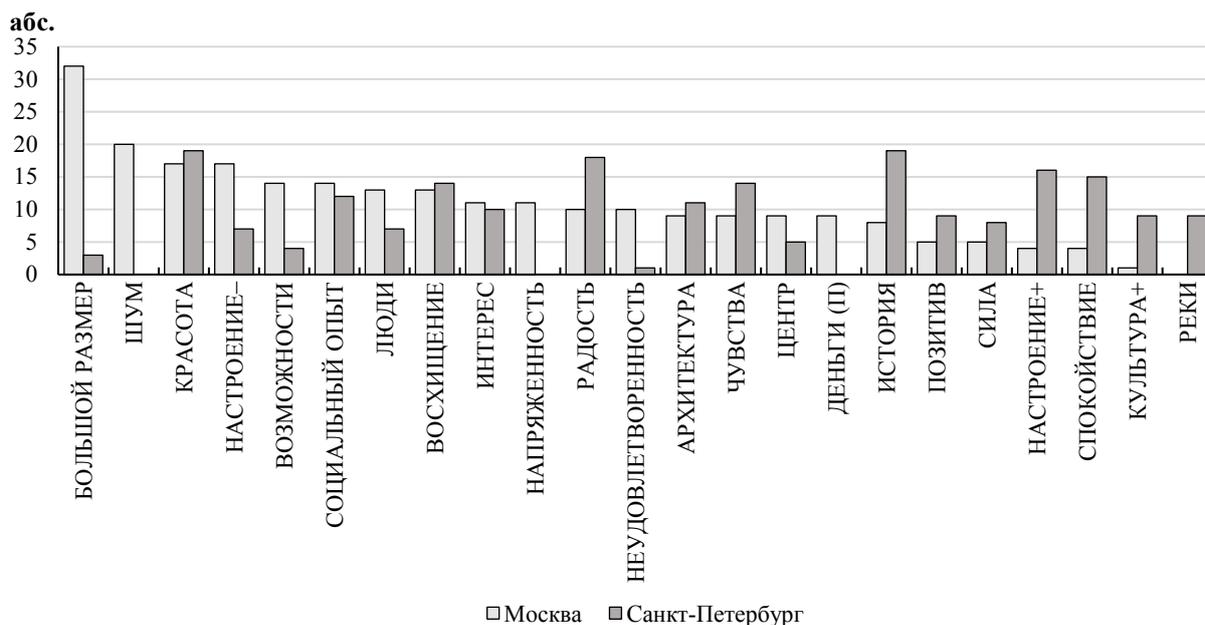

Рис. 3. Признаковые и эмоциональные компоненты образов Москвы и Санкт-Петербурга
Fig. 3. Signs and emotional components of the images of Moscow and St Petersburg

Из 16 наиболее крупных компонентов, формирующих основу образа Санкт-Петербурга, 6 являются признаковыми (КРАСОТА, ИСТОРИЯ, АРХИТЕКТУРА, КУЛЬТУРА+, РЕКИ, СИЛА); еще 6 описывают эмоции, вызываемые Санкт-Петербургом (РАДОСТЬ, СПОКОЙСТВИЕ, ВОСХИЩЕНИЕ, СОЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ, ИНТЕРЕС, ПОЗИТИВ); а два (НАСТРОЕНИЕ+, ЧУВСТВА) относятся к признаковым компонентам условно, обозначая, по сути, эмоции (рис. 3). При этом, в отличие от образа Москвы, один из эмоциональных компонентов – РАДОСТЬ – почти равен по частоте ядерным признаковым компонентам; остальные эмоциональные компоненты расположились в середине распределения, но их частотность ненамного ниже, чем у основных признаковых компонентов. Как видим, доля эмоциональных компонентов в образе Санкт-Петербурга весьма высока.

Совместно признаковые и эмоциональные ядерные и предъядерные компоненты, а также компоненты серединной зоны на уровне подклассов в образах Москвы и Санкт-Петербурга представлены в табл. 5. В данной таблице компоненты, которые по сути (а не по ответам информантов) относятся к проявлению эмоций, отмечены серым цветом.

Как видно из табл. 5, доля эмоциональных компонентов в образах Москвы и Санкт-Петербурга довольно велика и составляет половину всех признаков в случае образа Санкт-Петербурга и 40 % признаков – в случае образа Москвы. При этом эмоциональные компоненты в основном формируют среднюю зону образа Москвы и ядерную и предъядерную зоны образа Санкт-Петербурга. Следовательно, в образе Санкт-Петербурга эмоциональные компоненты являются более значимыми, чем в образе Москвы.

На уровне подклассов компонентов образ Москвы незначительно отличается от образа, построенного на уровне классов: это город большого размера, шумный, красивый, с большим количеством людей и предоставляющий много возможностей, одновременно вызывающий восхищение и плохое настроение. Образ Санкт-Петербурга на уровне подклассов также не меняется кардинально, однако акценты смещаются: он предстает как красивый

город с богатой историей, который обладает в основном положительным эмоциональным фоном и вызывает радость, восхищение и хорошее настроение.

Таблица 5. Классы эмоций в полевой структуре образов Москвы и Санкт-Петербурга
Table 5. Classes of emotions in the field structure of images of Moscow and St Petersburg

Зоны структуры образа	Москва	Санкт-Петербург
Ядерная зона	БОЛЬШОЙ РАЗМЕР	ИСТОРИЯ КРАСОТА РАДОСТЬ
Предъядерная зона	ШУМ КРАСОТА НАСТРОЕНИЕ– ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ ЛЮДИ ВОСХИЩЕНИЕ	НАСТРОЕНИЕ+ СПОКОЙСТВИЕ ВОСХИЩЕНИЕ ЧУВСТВА
Средняя зона	ИНТЕРЕС НАПРЯЖЕННОСТЬ РАДОСТЬ НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ АРХИТЕКТУРА ЧУВСТВА ЦЕНТР ДЕНЬГИ ИСТОРИЯ	СОЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ АРХИТЕКТУРА ИНТЕРЕС ПОЗИТИВ КУЛЬТУРА+ РЕКИ СИЛА НАСТРОЕНИЕ– ЛЮДИ

Заключение. Таким образом, исследование на конкретном материале показало, что структура образа строится на многослойной когнитивной рамке, включающей в себя признаки и эмоциональные компоненты. Эти компоненты взаимодействуют, формируя общее восприятие городов. Такая структура представляет собой не просто плоское описание, а сложную, многоуровневую систему, каждый уровень которой играет ключевую роль в понимании и интерпретации образа.

Изучение образов двух российских столиц показало, что признаковые компоненты включают культурные, исторические, географические и другие аспекты. Эти компоненты являются основой образа города, а их сочетание приводит к созданию уникальных типов образов. Признаковые компоненты на уровне классов определяют ключевые характеристики городов, и через их анализ можно лучше понять сходства и различия между различными городами.

Учет эмоциональных компонентов в структуре образа также является необходимым, потому что они играют роль моста, органично соединяя когнитивное и чувственное восприятие. Поэтому при создании и анализе образов городов были учтены и эти компоненты. Анализ материала показал, что эмоциональные компоненты образа не просто исходят из субъективного опыта, но отражают влияние социокультурного фона.

На уровне подклассов структура образа становится более детализированной и конкретной. Подклассы не только детализируют признаки образа городов, но и позволяют проникнуть глубже в его структуру. Структура на уровне подклассов помогает выявить тонкие раз-

личия, скрытые в более крупных структурах, и обеспечивает теоретическую основу для точного формирования образа.

Таким образом, представления о Москве и Санкт-Петербурге формируются на основе комплексного взаимодействия признаков и эмоциональных компонентов, что подтверждает важность учета как рациональных, так и эмоциональных факторов в исследовании ментальных репрезентаций. При этом исследование выявило существенные различия в образах Москвы и Санкт-Петербурга в восприятии россиян: образ Москвы характеризуется доминированием признаков компонентов, что указывает на рациональное восприятие информантами российской столицы; в то же время образ Санкт-Петербурга характеризуется интенсивностью эмоциональных компонентов. Эти различия в структуре образов двух городов отражают не только особенности каждого города, но и их роль в российской истории, культуре и современной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брушлинский А. В., Сергиенко Е. А. Ментальная репрезентация как системная модель в когнитивной психологии // Ментальная репрезентация: динамика и структура / под ред. А. В. Брушлинского, Е. А. Сергиенко. М.: Ин-т психологии РАН, 1998. С. 5–22.
2. Прохоров А. О. Ментальные репрезентации психических состояний. М.: Ин-т психологии РАН, 2021.
3. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И. Т. Касавина. М.: Канон+, 2009.
4. Холодная М. А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002.
5. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: ЯСК, 2018.
6. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 8–16.
7. Резникова Е. В. Образ-схема как модель осмысления денотата и модель семантического развития слов, репрезентирующих его образ (на примере образ-схемы «конфигурация круга») // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2015. № 1 (123). С. 49–57.
8. Степашкина В. А. Соотношение концептов «ментальная репрезентация» и «образ мира» в психологии // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 12. С. 86–88.
9. Cui Zhanling. Psychological Research on the Trilingual Learning of Minority Students. Guangzhou: Jinan Univ. Press, 2011.
10. Jackendoff R. Languages of the Mind: Essays on Mental Representation. Cambridge, MA: The MIT Press, 1992.
11. Thagard P. Mind: Introduction to Cognitive Science. Cambridge, MA: The MIT Press, 1996.
12. Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar: Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987.
13. Rosch E., Mervis C. B. Family Resemblances: Studies in the Internal Structure of Categories // Cognitive Psychology. 1975. Vol. 7. P. 573–605. DOI: [https://doi.org/10.1016/0010-0285\(75\)90024-9](https://doi.org/10.1016/0010-0285(75)90024-9).
14. Резникова Е. В. Образ-схема как тип концепта (на примере концепта «круг» в русской языковой картине мира) // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2022. Т. 164, № 5. С. 110–119. DOI: 10.26907/2541-7738.2022.5.110-119.
15. Каримова Р. А. Вербализация визуальных образов в устном дискурсе // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: материалы междунар. школы-семинара (VII Березинские чтения). Вып. 18. М.: ИНИОН РАН, АСОУ, 2011. С. 79–82.
16. Сидорская И. В. Об употреблении терминов «образ» и «имидж» в русскоязычных исследованиях проблемы медиарепрезентации территорий // Вестн. МГУ. Сер. 10. Журналистика. 2021. № 3. С. 173–197. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2021.173197.

17. Dancygier B. *The Cambridge Handbook of Cognitive Linguistics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2017.
18. Василюк Ф. Е. Структура образа: К 90-летию со дня рождения А. Н. Леонтьева // *Вопросы психологии*. 1993. № 5. С. 5–19.
19. Леонтьев Д. А. Личностный смысл и трансформация психического образа // *Вестн. МГУ. Сер. 14. Психология*. 1988. № 2. С. 3–14.
20. Подпругина В. В. Информационно-технические средства и их возможности в исследовании ментальных репрезентаций // *Вестн. МГЛУ. Образование и педагогические науки*. 2022. № 4 (845). С. 84–91. DOI: 10.52070/2500-3488_2022_4_845_84.
21. Semograph. URL: available at: <https://semograph.org> (дата обращения: 20.03.2025).
22. Белоусов К. И., Зелянская Н. Л., Баранов Д. А. Концептуально-гипертекстовая модель управления контентом в ИС «Семограф» // *Вестн. ОГУ*. 2012. № 11 (147). С. 56–61.
23. Semograph Information System as a Platform for Network-Based Linguistic Research: a Case Study of Verbal Behaviour of Social Network Users / D. Baranov, K. Belousov, E. Erofeeva, Y. Leshchenko // *Smart Education and e-Learning*. 2019. Vol. 144. P. 313–324. DOI: 10.1007/978-981-13-8260-4_29.

Информация об авторах.

Ван Цзюаньцзюань – аспирантка (языкознание и литературоведение) Пермского государственного национального исследовательского университета, ул. Букирева, д. 15, Пермь, 614068, Россия. Автор двух научных публикаций. Сфера научных интересов: языкознание, социолингвистика, лингвистическая статистика.

Ерофеева Елена Валентиновна – доктор филологических наук (2006), профессор (2010), заведующая кафедрой теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета, ул. Букирева, д. 15, Пермь, 614068, Россия. Автор более 300 научных публикаций. Сфера научных интересов: социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, фонетика, семантика, вероятностное моделирование.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 27.03.2025; принята после рецензирования 22.04.2025; опубликована онлайн 19.06.2025.*

REFERENCES

1. Brushlinskii, A.V. and Sergienko, E.A. (1998), "Mental representation as a system model in cognitive psychology", *Mental'naya reprezentatsiya: dinamika i struktura* [Mental Representation: Dynamics and Structure], in Brushlinskii, A.V. and Sergienko, E.A. (ed.), Institute of Psychology of RAN, Moscow, RUS, pp. 5–22.
2. Prokhorov, A.O. (2021), *Mental'nye reprezentatsii psikhicheskikh sostoyanii* [Mental representations of mental states], Institute of Psychology of RAN, Moscow, RUS.
3. *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science] (2009), in Kasavin, I.T. (ed.), Kanon+, Moscow, RUS.
4. Kholodnaya, M.A. (2002), *Psikhologiya intellekta. Paradoksy issledovaniya* [Psychology of intelligence. Research paradoxes], Piter, SPb., RUS.
5. Boldyrev, N.N. (2018), *Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka* [Language and a system of knowledge. Cognitive language theory], Yask, Moscow, RUS.
6. Kubryakova, E.S. and Dem'yankov, V.Z. (2007), "Knowledge representation in the system of language", *Issues of Cognitive Linguistic*, no. 4, pp. 8–16.
7. Reznikova, E.V. (2015), "Image-schema as a model for understanding a denotation and as a model of words semantic development (evidence from image-schema "circle configuration")", *Vestnik of Samara Univ.*, no. 1 (123), pp. 49–57.

8. Stepashkina, V.A. (2016), "Correlation of concepts "mental representation" and "image of the world" in psychology", *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, no. 12, pp. 86–88.
9. Cui, Zhanling (2011), *Psychological Research on the Trilingual Learning of Minority Students*, Jinan Univ. Press, Guangzhou, CHN.
10. Jackendoff, R. (1992), *Languages of the Mind: Essays on Mental Representation*, The MIT Press, Cambridge, MA, USA.
11. Thagard, P. (1996), *Mind: Introduction to Cognitive Science*, The MIT Press, Cambridge, MA, USA.
12. Langacker, R.W. (1987), *Foundations of Cognitive Grammar: Theoretical Prerequisites*, Stanford Univ. Press, Stanford, USA.
13. Rosch, E. and Mervis, C.B. (1975), "Family Resemblances: Studies in the Internal Structure of Categories", *Cognitive Psychology*, vol. 7, pp. 573–605. DOI: [https://doi.org/10.1016/0010-0285\(75\)90024-9](https://doi.org/10.1016/0010-0285(75)90024-9).
14. Reznikova, E.V. (2022), "Image schema as a type of concept (using the example of the concept "circle" in the Russian linguistic worldview)", *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, vol. 164, no. 5, pp. 110–119. DOI: 10.26907/2541-7738.2022.5.110-119.
15. Karimova, R.A. (2011), "Verbalization of visual images in oral", *Yazykovoje bytie cheloveka i etnosa: psikholingvisticheskiy i kognitivnyy aspekty* [Language being of man and ethnic group: psycholinguistic and cognitive aspects], *Materials of the Int. Seminar School (VII Berezinsky Readings)*, iss. 18, INION RAN, ASOU, Moscow, RUS, pp. 79–82.
16. Sidorskaya, I.V. (2021), "On using the term "image" in Russian-language studies into the problem of media representation of territories", *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika*, no. 3, pp. 173–197. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2021.173197.
17. Dancygier, B. (2017), *The Cambridge Handbook of Cognitive Linguistics*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.
18. Vasilyuk, F.E. (1993), "Image structure: on the 90th birthday of A.N. Leont'ev", *Voprosy psikhologii*, no. 5, pp. 5–19.
19. Leont'ev, D.A. (1988), "Personal meaning and transformation of the mental image", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya*, no. 2, pp. 3–14.
20. Podprugina, V.V. (2022), "Information Technology Tools and their Potential in the Study of Mental Representations", *Vestnik of Moscow State Linguistic Univ. Education and Teaching*, no. 4 (845), pp. 84–91. DOI: 10.52070/2500-3488_2022_4_845_84.
21. *Semograph*, available at: <https://semograph.org> (accessed 20.03.2025).
22. Belousov, K.I., Zelyanskaya, N.L. and Baranov, D.A. (2012), "Conceptual and hypertext model of content management in the system "Semograf"", *Vestnik of the Orenburg State Univ.*, no. 11 (147), pp. 56–61.
23. Baranov, D., Belousov, K., Erofeeva, E. and Leshchenko, Y. (2019), "Semograph Information System as a Platform for Network-Based Linguistic Research: a Case Study of Verbal Behaviour of Social Network Users", *Smart Education and e-Learning*, vol. 144, pp. 313–324. DOI: 10.1007/978-981-13-8260-4_29.

Information about the authors.

Juanjuan Wang – Postgraduate (Linguistics and literary criticism) of Perm State University, 15 Bukireva str., Perm 614068, Russia. The author of two scientific publications. Area of expertise: linguistics, sociolinguistics, linguistic statistics.

Elena V. Erofeeva – Dr. Sci. (Philology, 2006), Professor (2010), Head of the Theoretical and Applied Linguistics Department, Perm State University, 15 Bukireva str., Perm 614068, Russia. The author of over 300 scientific publications. Area of expertise: sociolinguistics, psycholinguistics, cognitive linguistics, phonetics, semantics, probabilistic modeling.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 27.03.2025; adopted after review 22.04.2025; published online 19.06.2025.

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:
 - электронную копию статьи, подготовленную согласно разделам «Правила оформления текста статьи» и «Структура научной статьи». К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;
 - каждый рисунок отдельным файлом в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены, согласно правилам оформления. Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;
 - сведения об авторах (на русском и английском языках).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор – Microsoft Word версии не ниже 2003 г.

Формат бумаги – А4.

Параметры страницы: поля: верхнее 2.75 см, правое и левое по 2.25 см, нижнее 2.5 см; верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; межстрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются в черно-белом виде средствами Word или других программ [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)]. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpg, .tif) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например: рис. 1, а).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

- *Заголовочная часть*:
 - УДК (выравнивание по левому краю);
 - авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора(-ов) полностью, инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);

– место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, а затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название статьи;
– аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;
– ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;

- текст статьи;
- приложения (при наличии);
- список литературы (библиографический список);
- справка об авторах.

Англоязычная часть (по порядку расположения структурных элементов и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

– авторы (Authors);
– место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

- название (Title);
- аннотация (Abstract);
- ключевые слова (Keywords);
- список литературы (References);
- справка об авторах.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе редакции со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтет гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует приводить ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко, составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают

публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст резюме должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses. Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например *Обзор литературы* и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес статьи. Однако необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее: <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение (см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>)

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается, какая часть работы при подготовке и написании статьи выполнена конкретным автором).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список включает:

– заголовок «Список литературы»;

– библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, подряд начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В *References* совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI

(см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов): <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения о его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

- 5.7.1. Онтология и теория познания;
- 5.7.2. История философии;
- 5.7.3. Эстетика;
- 5.7.4. Этика;
- 5.7.5. Логика;
- 5.7.6. Философия науки и техники;
- 5.7.7. Социальная и политическая философия;
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры;
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

Социология (по научным специальностям):

- 5.4.1. Теория, методология и история социологии;
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 5.4.5. Политическая социология;
- 5.4.6. Социология культуры;
- 5.4.7. Социология управления.

Филология (по научным специальностям):

- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран;
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить, написав на адрес discourse@etu.ru

Редакторы: *О. Н. Артунян, О. Р. Крумина,
Е. А. Ушакова*
Компьютерная верстка *Е. С. Рыбец*

Editors: *O. N. Artunian, O. R. Krumina,
E. A. Ushakova*
DTP Professional *E. S. Rybets*

Подписано в печать 16.06.25. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 24,57. Печ. л. 23,75. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 63.
Цена свободная.

Signed to print 16.06.25. Sheet size 60 × 84 1/8.
Educational-ed. liter. 24,57. Conventional printed sheets 23,75. Number of copies 300.
Printing plant 1–150 copies. Order no. 63.
Free price.

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197022, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

ETU Publishing house
5F Professor Popov Str., St Petersburg 197022, Russia
Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56

Журнал «Дискурс» издается по тематическим направлениям в соответствии с тремя группами специальностей научных работников:

- **Философия**
- **Социология**
- **Языкознание**